

СМЕНА

№ 13 июль 1977

**БЕРЕЧЬ
ПРИРОДУ—
ЗНАЧИТ,
БЕРЕЧЬ
ОТЕЧЕСТВО**

В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

Из проекта Конституции Союза Советских Социалистических Республик

БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ— ЗНАЧИТ, БЕРЕЧЬ ОТ

Проект нашей новой Конституции содержит широкий спектр прав, затрагивающих самые важные основы жизни каждого советского человека,— это права на труд, на отдых, на охрану здоровья, на социальное обеспечение, на образование, на пользование достижениями культуры, на свободу научного, технического и художественного творчества и другие. И рядом с правами — обязанности советских людей. Одна из самых святых наших обязанностей — «беречь природу, охранять ее богатства».

Гармония человека и природы — одна из сложнейших проблем нашего века. Но возникла она не сегодня.

«...на каждом шагу факты напоминают нам,— писал Ф. Энгельс,— о том, что мы отнюдь не властвуем над природой... мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять».

Эти строки написаны почти сто лет назад. С тех пор значительно увеличилась численность населения планеты, неизмеримо выросла производительная деятельность человечества и вместе с тем степень влияния этой деятельности на природу.

Стали насущно необходимыми рачительное использование богатств наших недр, сохранение чистоты воды, воздуха, забота о нормальной деятельности главного звена жизнеобеспечения планеты — природы.

Еще в дореволюционное время В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на хищническое отношение капиталистов к использованию природных ресурсов. Примеров тому и ныне предостаточно. Но только общество, провозгласившее отмену частной собственности на землю, недра и другие природные богатства, общество, сосредоточившее все средства производства в руках народа, позволило вдумчиво сочетать заботу о неуклонном росте производства с заботой о сохранности природы. Это отражено в советском законодательстве: от первых ленинских декретов, первой Конституции РСФСР, принятой в 1918 году, до наших дней. С новой силой это подчеркнуто в проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик, всенародное обсуждение которого проходит сейчас.

С начала XVII века перестало существовать на Земле 36 видов млекопитающих и 94 вида птиц. Об этом уведомил международный Союз охраны природы и природных ресурсов. Сейчас Центральная лаборатория охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР завершает подготовку «Красной книги СССР». На ее страницах свыше шестисот видов животных и растений, которые находятся под угрозой исчезновения. «Красная книга» — своеобразный документ. В отличие от других документов она не является раз и навсегда законченной, работа над ней будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать угроза каким-то видам нашей флоры и фауны. Эта книга не простой список потерь и не только сигнал тревоги, она — программа действий, свод научных рекомендаций и призыв к бережному отношению к нашей природе.

Именно «Красной книге СССР», участию молодежи в охране природы и природных ресурсов посвящает этот номер «Смена».

Василий ЯРОШОВЕЦ,
секретарь ЦК ВЛКСМ,
председатель
Совета по охране природы
при ЦК ВЛКСМ

Выступая на майском Пленуме ЦК КПСС с докладом «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик», Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что обязанности советских людей «беречь природу и охранять ее богатства» впервые принимают характер конституционного требования.

Вот почему редакция решила посвятить этот номер благородному делу охраны природы нашей Родины, в частности «Красной книге СССР». Кстати, в традициях журнала «Смена» выпускать тематические номера, посвященные проблемам воспитания молодежи, участия ее в решении различных народнохозяйственных задач.

Я познакомился с одним из писем читателей журнала, касающихся этого вопроса. Автор недоумевает: «Зачем тратить силы и средства на сохранение каких-то видов животных, которые не приносят никакой пользы народному хозяйству, а многие, как, например, хищники, даже вредны?»

ЕЧЕСТВО

ГАРМОНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

Наша обложка:
картина «ПРИРОДА»
художников
Александра КОШКИНА,
Александра ЛОЗЕНКО,
Александра МАХОТКИНА,
Леонида ПЕТРУШИНА,
Анатолия САЛОПОВА.

- 1** Василий ЯРОШОВЕЦ, секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Совета по охране природы при ЦК ВЛКСМ. «БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ — ЗНАЧИТ, БЕРЕЧЬ ОТЕЧЕСТВО».
- 4** Сергей КУЧЕРЕНКО, кандидат биологических наук. «НА ТИГРИНОЙ ТРОПЕ».
- 6** УРОКИ ЖИЗНИ. Лауреат Ленинской премии Василий ПЕСКОВ беседует с читателями «Смены».
- 8** «КРАСНАЯ КНИГА СССР»: МЛЕКОПИТАЮЩИЕ.
- 9** Савва УСПЕНСКИЙ, доктор биологических наук. «БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ».
- 11** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. Алексей МАКЕЕВ. «РОЗОВЫЙ ВЕТЕР».
- 12** «КРАСНАЯ КНИГА СССР»: РАСТЕНИЯ.
- 13** Александр СТРИЖЕВ, фенолог. «КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ».
- 15, 18, 19** СТИХИ О ПРИРОДЕ.
- 16** КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Олег ГУСЕВ, кандидат биологических наук, председатель Байкальской комиссии Всероссийского общества охраны природы. «БАЙКАЛ».
- 22** Гарий НЕМЧЕНКО. «ЖИЗНЬ НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ».
- 24** «КРАСНАЯ КНИГА СССР»: ПТИЦЫ.
- 25** Владимир ФЛИНТ, доктор биологических наук. «СТЕРХ».
- 28** Анатолий ЖАДАН, Владислав ТОРОПОВ. «БЛИЗНЕЦЫ». Повесть о жизни и приключениях козерогов.

Научный консультант номера — доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ, директор Центральной лаборатории охраны природы, главный редактор «Красной книги СССР» Евгений Евгеньевич СЫРОЕЧКОВСКИЙ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Насколько широко распространено такое заблуждение, трудно судить. Но если даже оно и бытует у отдельных людей, то, вероятно, следует обратить на это внимание.

Со школьной скамьи мы знаем о единстве природы. В ней все связано. Исчезновение какого-либо вида растений или животных с лица земли — это невозвратная потеря для науки, для людей. Конечно, есть вредные и опасные для человека живые организмы — микробы, паразитические животные, и от них надо избавить планету. Но ученые считают, и историческая практика это подтверждает, — всегда надо внимательно и осмотрительно оценивать последствия даже такого вмешательства в жизнь природы, потому что оно может привести к нарушению ее неразрывных взаимосвязей. Но не только эти соображения заставляют с заботой следить за тем, чтобы ни один представитель животного и растительного мира не исчез с лица земли без нашего ведома. Нам надо сохранить их, во-первых, как ценный генетический фонд для использования при селекции и выведении новых пород и сортов. Во-вторых, появляется возможность восстановить численность редких животных и растений, представляющих хозяйственный интерес, до промышленного уровня, в-третьих, сохранить их как уникальные памятники живой природы и компоненты биогенезов — типичных природных сообществ. И, наконец, не надо забывать о том, что, охраняя природу, человек совершает благородное дело и одновременно облагораживает свои чувства, воспитывает в себе доброту и уважительность ко всему живому на Земле.

Несколько лет назад вышел номер журнала «Курьер ЮНЕСКО» под таким аншлагом: «SOS» — спасите окружающую среду — «SOS»! 2200 ученых из 23 стран мира обратились к четырем миллиардам жителей планеты Земля с предупреждением о «небывалой общей опасности, грозящей человечеству». Источники природных ресурсов и «отравление» окружающей среды названы в этом документе в числе таких бедствий, как голод, войны...

Земля — пока единственный дом человечества в безбрежных просторах Вселенной. Не может быть выбора: сохранить или разрушить свой дом, очистить или загрязнить его. От нас зависит, хватит ли пищи, воды, воздуха нашим потомкам. И мы должны точно знать, что надо делать сегодня, чтобы сохранить природу на века.

«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предполагают необходимость осуществлять контроль за состоянием окружающей среды и источниками ее загрязнения, обеспечить более полную и комплексную переработку минерального сырья, резко уменьшить вредное воздействие отходов на окружающую среду. Сейчас разрабатываются новые методы и средства борьбы с вредными выбросами веществ в атмосферу. Ведутся работы, связанные с повышением плодородия почв, направленные против ветровой и водной эрозии, засорения, засухи земли.

Плановое развитие народного хозяйства, сосредоточение средств производства в руках народа позволяют последовательно и вдумчиво сочетать заботу о неуклонном росте производства с заботой о сохранности природы.

После победы Октябрьской социалистической революции не прошло и полугода, а В. И. Ленин в своей работе «Набросок плана научно-технических работ» уже предлагает при реорганизации промышленности особо учитывать водные силы страны. В ленинском плане электрификации России (ГОЭЛРО),

принятом в 1920 году, наряду с широким использованием «живой силы водных потоков» предусматривалось и ограждение вод от загрязнения. По инициативе В. И. Ленина в первые же годы Советской власти «в целях охраны водоемов от загрязнения сточными водами» был создан Центральный комитет водоохранения («Центр водоохрана»), а все работы по облагораживанию воды были признаны ударными, то есть велись убыстренными темпами.

Уже через год после социалистической революции был издан Декрет о лесах, в 1919 году — об охоте, охране водоемов и организации первых природных заповедников, в 1920 году — об охране морской фауны Белого моря и Северного Ледовитого океана, в 1921 году — об охране природы в садах и парках, в 1922 году — об упорядочении рыбной ловли...

Читатель, вероятно, заметил: каждый год издавалось по закону — молодое социалистическое государство приводило свое законодательство в соответствие с общенародной собственностью на землю, недра, леса и воды.

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют постоянное внимание вопросам охраны окружающей среды.

Это с большой силой подчеркнуто в решениях XXV съезда КПСС. «...По мере развития народного хозяйства, роста городов и промышленных центров все больше средств будет требовать сохранение окружающей среды, — только в текущей пятилетке на эти цели выделяется 11 миллиардов рублей. И эта сумма будет увеличиваться», — говорил на съезде Леонид Ильич Брежнев.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось: «Мы привели юридические нормы в соответствие с новым уровнем, достигнутым нашим обществом. Были подготовлены законоположения, касающиеся таких сфер жизни, которые раньше оставались вне рамок правового регулирования, как, например, охрана окружающей среды, в том числе водоемов, недр, воздушного пространства и т. д. Очень хорошо, что у нас теперь есть обоснованные юридические нормы, позволяющие целеустремленно вести работы в защиту природы».

В 1972 году, например, Верховный Совет СССР принял принципиальное постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов». Разработаны и осуществляются конкретные меры по охране Каспийского, Черного и Азовского морей, рек Волги и Урала, озера Байкал. Уже к 1985 году будет полностью прекращен сброс промышленных сточных вод в Балтийское море. Появились законодательные акты о рациональном использовании и охране природы в бассейнах озера Байкал, Волги, Урала, Каспийского, Черного и Азовского морей.

Каковы же реальные результаты активной экологической политики?

Их может ощутить, вероятно, каждый советский человек. В Москве, Ленинграде и во многих других городах котельные и ТЭЦ переведены с угля на природный газ — воздух стал значительно чище.

Совершенствуется безотходная технология производства. Как показывает опыт, черная и цветная металлургическая, химическая, нефтеперерабатывающая отрасли — главные источники загрязнения атмосферы и воды — могут работать без отходов. На Усть-Каменогорском свинцово-цинковом комбинате коэффициент использования сырья доведен уже до 93 процентов, резко повышен выход цветных металлов. А на Балхашском горно-металлургическом комбинате полнота извлечения полезных элементов достигла

практически 100 процентов. Такой подход становится основой технической политики в отношении использования ресурсов и ведет к резкому сокращению загрязнений. Этот опыт одобрен Центральным Комитетом КПСС.

На Новолипецком металлургическом заводе, например, коксовый газ и азот, остающиеся после выделения из воздуха кислорода для конверторного производства, служат сырьем для производства удобрений, таким образом, отходы двух процессов превращаются в ценный продукт.

Строящийся на Украине Первомайский химический комбинат сейчас, пожалуй, единственное в мире предприятие, где идеи безотходной технологии найдут почти идеальное воплощение. Здесь все сырье, попадающее в цехи, пойдет в дело. Комбинат практически не будет давать отходов. Сточные воды после извлечения из них химических веществ вернутся снова в производство.

Есть целые города, которые не сбрасывают в реки ни капли грязной воды. В Перми, например, построен большой нефтеперерабатывающий завод, который вместо того, чтобы загрязнять (по традиции) водоёмы, сам очищает их, как и все сточные воды города. Метаморфоза произошла в тот день, когда на этом заводе были введены в действие уникальные очистные сооружения.

Стоимость этих сооружений достигает иногда 40 процентов капитальных вложений в строящееся предприятие, но государство сознательно идет на расходы, чтобы сохранить чистоту воздуха и воды, а значит, здоровье людей.

Забота о чистоте окружающей нас среды проявляется не только «сверху», но и «снизу». Несколько лет назад уровень воды в Десне стал резко падать. «В самом скором времени река уже не сможет давать достаточно воды многочисленным городам, заводам и стройкам, а также сельским жителям девяти областей Украины и России». Такой вывод сделали тогда специалисты водного хозяйства.

Обмеление реки началось сразу после Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы, преследуя партизан, выжгли здесь значительную часть лесов. Сказалось и то, что были распаханы прибрежные склоны. Маленькие родники и притоки Десны стали высыхать.

Как вернуть прежнее равновесие? Выход подсказала молодежь Севского района Брянской области. Они решили восстановить плотины старых мельниц на малых реках, несущих воды в Десну. Самых мельниц давно нет — их заменили паровые и электрические. Но плотины сдерживали внешние воды, постепенно отдавая их Десне. За короткое время на реках появилось около двухсот плотин, 1600 гектаров заняли пруды. Река стала чище и полноводнее, и снова у ее истоков забились родники...

Охрана окружающей среды — большое государственное дело, важная социально-экономическая и нравственная задача. Она решается в комплексе — хозяйственными, техническими, правовыми и другими средствами. В системе предпринимаемых партией мер важное место отводится участию в этом общественности, всего народа и, наконец, его молодого поколения.

Ленинский комсомол совместно с республиканскими обществами охраны природы проводит большую воспитательную работу среди молодежи. Основные ее направления для комсомольских организаций определены XVII съездом ВЛКСМ.

«Охрана среды и природных ресурсов — кровное дело Ленинского комсомола», — подчеркивалось на съезде. — Мы обязаны повышать гражданскую ответственность, грамотность мо-

лодежи, воспитывать культуру обращения с природой.

Охрана природы, забота о рациональном использовании природных ресурсов — это и нравственное воспитание молодежи. Понятие Родины для каждого из нас неразрывно связано с образами ее природы. Луг и речка, пшеничное и хлопковое поля, фруктовый сад и чайная плантация, берег моря, тайга и малая рожица — все эти знакомые с детства картины по мере возмужания человека сливаются в единый образ большой страны. Бережь все это — значит, бережь Отечество!»

После XVII съезда ВЛКСМ проделана большая работа, накоплен определенный опыт работы среди молодежи. Совет по охране природы, созданный при ЦК ВЛКСМ, на своих заседаниях рассматривал немало вопросов работы комсомольских организаций в этом направлении. Сегодня можно сказать, что многие комсомольские комитеты правильно понимают поставленные задачи, настойчиво ведут природоохранительную работу. Она охватывает различные стороны этой проблемы. Расскажу о некоторых из них.

Комсомольские организации развернули шефство над строительством очистных сооружений, внедрением безотходной технологии, сокращением загрязнения окружающей среды отходами производства. Как правило, строительство очистных сооружений объявлено ударными комсомольскими стройками. Для координации этой работы созданы научно-технические советы, штабы и отряды, инициативные группы из специалистов и рабочих.

Мне известно также, что молодые рабочие Калининской области взяли шефство над строительством очистных сооружений. И в том, что 10 комплексов, которые полностью удовлетворяют потребности города в течение 20 лет, были введены досрочно, их заслуга. Студенческий строительный отряд Московского университета строил очистные сооружения на берегах озера Байкал. В Бурятии, например, в охране лесных богатств принимают участие более 200 общественных инспекторов, 28 отрядов «зеленых патрулей» школьников.

Совет по охране природы при ЦК ВЛКСМ в прошлом году рассмотрел опыт работы Ростовской комсомольской организации по привлечению молодежи к охране и рациональному использованию земли.

С должным размахом ведут молодые ростовчане это дело. В области идет смотр работы комсомольских организаций и пионерских дружин. Большинство комитетов имеет конкретные планы привлечения юношей и девушек к борьбе с ветровой и водной эрозией почв, к террасированию склонов, строительству противозерозионных гидротехнических сооружений на оврагах и балках. По инициативе обкома ВЛКСМ в совхозах и колхозах создано 50 комсомольско-молодежных лесокультурных бригад и звеньев, силами которых противозерозионные мероприятия выполнены на площади 548 тысяч гектаров. В Тарасовском, Ремонтненском, Миллеровском и ряде других районов среди молодых механизаторов проводится изучение противозерозионной агротехники. Каждый комсомольско-молодежный коллектив стремится к внедрению научно обоснованных методов охраны земель от эрозии. Комсомольскими организациями и пионерскими дружинами области в 1976 году посажено более 8 тысяч гектаров ползащитных и 5 тысяч гектаров приовражных лесонасаждений. Экономический эффект от применения агротехнических противозерозионных приемов за девятую пятилетку увеличился более чем в 6 раз и составляет 5 миллионов рублей против 0,77 миллиона в 1970 году.

Пример бережного отношения к природе показывают бамовцы. Комсомольцы БАМа стали инициаторами важного начинания — комплексного подхода к охране природы, бережного использования ее ресурсов, начиная с лесов, рек и кончая полезными ископаемыми, находящимися в зоне магистральной. Эта работа имеет особое значение, если учесть те огромные масштабы промышленного освоения новых районов страны. Хочу напомнить, что движение «Я — хозяин стройки» началось именно с забот молодых бамовцев об охране природы. В первом десанте строителей, высадившихся на месте будущего поселка Улькан, все были комсомольцами. Первое свое собрание они провели сидя на снегу и уже через полчаса выполнили одно из решений собрания — обязали красными ленточками деревья, которые хотели во что бы то ни стало сохранить. Мы часто слышим: «БАМ строит вся страна». Но ведь можно сказать и о том, что вся страна охраняет зону Байкало-Амурской магистрали. Среди посылок, приходящих в адрес строителей этой магистрали от пионеров и школьников, есть немало особенных — с семенами цветов, с саженцами деревьев. Юные натуралисты из ставропольской средней школы № 2 прислали почти килограмм семян, собранных ими на пришкольном участке. И бригады строителей на время превратились в цветоводов, украшали «живыми огнями» поселка Нагорный и Могол, Нию и Олонку... А школьники, дети строителей, уже организовали вдоль трассы свои лесничества. Сейчас в нашей стране свыше 7 тысяч школьных лесничеств. Ребятам доверено почти 3 миллиона гектаров леса. Юные лесники собирают семена, устраивают кормушки, заготавливают сено для диких животных, охраняют и расселяют «санитаров леса» — муравьев. И ведут большую воспитательную работу. В том числе и со взрослыми.

«Я живу у первого шлюза Волго-Донского канала, — пишет школьник из Волгограда Виктор Чернявский. — У нашего поселка нет рядом леса. Вот я и выбрал себе участок для охраны за Волгой, на одном из островов Волго-Ахтубинской поймы». Два года охраняет Виктор свой остров, подсчитывает количество птиц и зверей, развешивает гнездовья, высаживает новые кусты и деревья... Его участок похож сейчас на заповедник. Вот что, оказывается, может сделать один пионер! А у нас только в Российской Федерации активно участвует в охране природы свыше 15 миллионов школьников. Действует свыше 5 тысяч школьных лесничеств. Миллионы пионеров и школьников объединены в отряды зеленых и голубых патрулей. Большой воспитательный эффект и практическое значение для них имеют экспедиции «К тайнам природы», геологические походы, дни птиц, леса, сада, биологические олимпиады, операции «Живое серебро» — по охране рыбных богатств, «Муравей» — по расселению муравейников и другие. Пионеры же изучают и описывают места, достойные стать памятниками природы. Например, в Литве такими памятниками объявлены самый большой родник, характернейшие карстовые провалы, крупнейшие валуны. Именно в таких отрядах по охране природы начинал свой путь в большую науку Р. Будрюнас. Недавно кандидат биологических наук комсомолец Р. Будрюнас составил карту эстетических ресурсов Литовской ССР. В ней научно квалифицированы ландшафты республики по принципу их эстетической ценности. Эта карта облегчает подбор самых ценных мест для заказников, для отдыха, служит при планировании новых поселков, дорог, линий электропередач и газопроводов.

Перед комитетами комсомола поставлена задача принять эффективные ме-

ры по вовлечению в природоохранительную деятельность всех категорий работающей и учащейся молодежи, найти конкретное место каждой первичной комсомольской организации в этой благородной, большой государственной важности работе.

Задачи, связанные с защитой окружающей среды и природы, постоянно усложняются. И решать их неподготовленному человеку трудно. Вот почему комитеты комсомола уделяют так много внимания пропаганде знаний о природе. Сейчас в стране активно работает около тысячи народных университетов охраны природы. Здесь проходят подготовку и переподготовку сотни тысяч членов Общества охраны природы, специалисты народного хозяйства, комсомольские работники и активисты.

В последнее время во многих городах страны открылись дома природы. Они строят свою работу с учетом интересов различных категорий молодежи, организуют кружки и лектории, устраивают специальные выставки и конкурсы. Основы наук об охране природы теперь преподаются в ряде сельскохозяйственных и технических вузов, во многих профессионально-технических училищах.

Мы считаем, что экзамены по экологии и охране окружающей среды необходимо ввести во всех учебных заведениях, на курсах техминимума, действующих на всех промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Говорят, что большие дела начинаются с малых работ, а охрана родной природы — с того места, где мы живем и трудимся. Очень важно содержать в чистоте и порядке свой двор, поселок, территорию завода, тот уголок природы, где проводим свой отдых.

У нас есть прекрасные законы об охране природы, но сколько еще можно встретить браконьеров, разорителей птичьих гнезд и всевозможных губителей природы! Даже те, кто искренне любит все живое, часто оказываются в роли его врагов. Каждое лето «сердобольные» люди, найдя где-нибудь в парке или в лесу птенцов-слетков, пытаются им помочь. С их точки зрения, птеник потерял своих родителей и его надо спасать. И вот, не замечая тревожных голосов следящих за «операцией» родителей, они ловят птенца и несут его домой. Финал, как правило, один: птенец погибает. Таким образом добрые намерения превращаются для несчастного птенца в трагедию.

Широко распространено представление, что для того, чтобы содержать птиц или животных, совершенно не нужно специальных знаний. Как часто родители покупают в зоомагазине или на рынке птичку для своего ребенка, не имея ни малейшего представления о ее биологии. Почему-то если речь идет о телевизоре или машине, то понимают, что надо обратиться к специалисту, а самим мудрить нельзя, а вот с живыми существами каждый сам себе специалист.

Выход в свет «Красной книги СССР» поможет нам узнать в «лицо» тех животных и те растения, которые в первую очередь нуждаются в охране, в помощи человека. Кроме самой книги, нам необходимо использовать все средства наглядной агитации, чтобы познакомить население с охраняемыми видами нашей флоры и фауны. Устойчивость природы прямо зависит от количества и разнообразия видов, ее составляющих. Вот почему мы не можем спокойно относиться к любым потерям живой природы, виновником которых является человек. Хочу еще раз напомнить, что, охраняя природу, человек совершает благородное дело и тем самым облагораживает свои чувства — чувства доброты, уважения и любви ко всему живому на Земле.

Сергей КУЧЕРЕНКО,
кандидат биологических наук

НА ТИГРИННОЙ

Познакомились мы в начале осени. Я с отрядом охотников вел полевые исследования на юге Приморья. Наш базовый дом стоял в верховьях Уссури, где ширина ее едва достигает тридцати метров, и «скачет» она своими чистыми и холодными водами с переката на перекаат, как необузданный мустанг. Была сентябрьская слякоть, комариное мученье, а мы торопились разойтись на учет изюбров в осенний рев.

Все уже было готово к дальнейшему маршруту, в предвечерней тишине я изучал карту предстоящих походов, гадал, что на этот раз забуду взять с собой, и представлял, как будет хорошо завтра: лес, небо, звери, птицы и только их голоса...

В комарином гомоне один голос вдруг стал гудеть резче и громче, да как-то неровно, с переборами. Я поднял голову и прислушался. Конечно же, не комар это был: по грязной разбитой грунтовой дороге к нам приближался мотоцикл.

На густо облепленном грязью «Урале» были двое. В пропыленных зеленых энцефалитках, «консервах» и беретах. Мотоцикл катил быстро, но вместе с тем ловко и осторожно объезжал лужи, ухабы и вывороченные камни.

— Здесь охотники базируются? — спросил водитель, снимая огромные очки.

Я коротко кивнул, взглядываясь в его лицо, казавшееся мне знакомым.

— Мы из биолого-почвенного института. — Мотоциклист протянул мне руку. — Моя фамилия Юдаков, а это мой верный Санчо — Николаев.

В тайге радуешься любому свежему человеку, единомышленникам особенно. О работе молодых ученых Анатолия Юдакова и Игоря Николаева я слышал немало интересного. И встречаться, как выяснилось, нам доводилось. Но только во время различных официальных совещаний. Разве сравнить такую встречу с ночным разговором у костра?!

Мои новые знакомые подробно рассказывали о начатой ими работе по учету численности тигров и изучению их экологии, о планах. На своем «Урале» они исколесили почти все Южное Приморье, а теперь двинулись севернее. В люльке мотоцикла было все, что нужно для ночевки в любом месте, — палатка, продукты, посуда и прочее. Но только самое необходимое, ничего лишнего. Как в котомке Дерсу Узала.

Я тоже давно интересовался тигром и уже успел собрать кое-какой материал. Но отношение к тигру у нас было разное. Я изучал его попутно со своей основной работой, для Юдакова же и Николаева тигр был главным объектом наблюдений. Я отчетливо сознавал, что у них работа труднее, и, грешным делом, немного сомневался, понимают ли они эти трудности, и поэтому осторожно спросил:

— А что вы считаете главным и самым трудным в изучении тигра?

— Главное и трудное — не одно и то же, — ответил Юдаков. — Основное для нас — выяснить как можно точнее, где и сколько живет теперь тигров, сколько

среди тигриного населения взрослых самцов и самок, сколько молодых, изучить причины смертности, объяснить их зависимость от численности кабанов и изюбров... А самое трудное, по-моему, в познании психических особенностей тигра, его интеллекта. Зверь, конечно, умный, но какова степень его ума? Мы, например, убедились, что все действия тигра продуманы и осмыслены, что ему свойственна хоть и элементарная, но все же рассудочная деятельность. Иногда мне кажется, что этот зверь способен и к абстрактному мышлению, но это надо доказать, а доказать очень трудно. Психологический опыт не поставишь. Остается копить, копить и копить наблюдения за тигром в его естественной среде. Ходить по следам годами...

Во вспыхнувшем сто лет назад единоборстве с человеком тигр был побежден и стал избегать своего победителя. Сорок лет назад оставалось этих владык Уссурийской тайги совсем мало — не более тридцати. С трудом их удалось спасти от исчезновения. Сейчас вроде бы нет серьезных опасений за судьбу тигра — он в почете, строго охраняется, занесен в «Красную книгу». Но все же ареал его ограничен и все больше сокращается, копытных становится меньше, со всех сторон идет наступление на тайгу, все больше в ней появляется людей, дорог, поселков. Проблема сосуществования тигра и человека очень сложна. Останется ли место царственному зверю, когда леса уподобятся паркам?

Трудная это задача — найти пути и методы спасения тигра в наш век бурного наступления на природу, и решить ее взялись молодые биологи Юдаков и Николаев.

Через год я встретился с ними на Большой Уссурке, где молодые ученые организовали стационар для изучения экологии тигра. К этому времени они закончили учет численности тигров в Приморье, написали и защитили отчет, опубликовали несколько статей, в которых доказали, что количество тигров в послевоенные годы возросло примерно в три раза, и он стал, по-видимому, таким же обычным для Уссурийской тайги, как и в давние времена.

Но численность — лишь малая, хотя и важная часть экологии тигра, а чтобы его охранять на научных основах, надо знать все подробности его жизни.

Я частенько бывал в этом необычном стационаре, расположенном в самом сердце Сихотэ-Алиня, и видел ученых за работой. Они избрали для своих зимних наблюдений тигрицу с двумя малышами и отца семейства, жившего одиноко на соседнем участке. Тигр не очень хороший семьянин, детей своих вниманием не балует, а подругой интересуется

лишь от случая к случаю. Но все же какая ни плохая, а семья.

Обнаружив свежую тигриную тропу, Толя и Игорь расходились. Поскольку зверь придерживается своего индивидуального участка обитания, тоходы его неизбежно замыкаются, пересекаются. Строго придерживаясь взятого следа, ученые рано или поздно сошлись — через день, два, а бывало, и через неделю.

Идя по следу, они тщательно наблюдали за всем, что делал тигр. Подсчитывали пройденное расстояние, расшифровывали приемы охоты зверя, осматривали остатки тигриных трапез. От внимательных глаз наблюдателей не ускользали и такие на первый взгляд незначительные детали: где и сколько тигр спит, как метит свои владения, как относится к пришельцам, в том числе и к человеку.

Однажды ученые набрали на место битвы двух полосатых гигантов. Один из них был старым знакомым, другой — такой же огромный и могучий — вторгся на чужую территорию. Судя по искореженному кустарнику и большой площадке утрамбованного снега, дрались они долго и упорно. Пришелец все-таки удался. Начали его тропить, чтобы разобраться, кто он, откуда и зачем пришел на чужую землю. И вскоре нашли его. Мертвого. Вывезли во Владивосток, вскрыли, обследовали и удивились: шкура тигра была целой, хотя под ней, на мышцах, багровели многочисленные кровоподтеки. Особенно на плечах и шее. И стало ясно: звери дрались «тумаками», не пуская в ход клыки и когти, эти ужасные орудия смерти. А погиб пришелец вовсе не из-за драки: вскрытие показало, что он был давно и серьезно болен. Стало быть, в рассказах о кровавых побоищах тигров, кочующих из книги в книгу, много надуманного. А в жизни животных — и у тигра тоже — совсем другое. Внутривидовые отношения у них подчинены задаче сохранения вида. Разумеется, драки бывают, но турнирные поединки обычно кончаются жестами покорности более слабого и снисходительным прощением сильного. В общем, «лежачего не бьют».

В размножении тигров тема неизученного. Особенно темным этот вопрос выглядел по сравнению со львами, у которых все было ясно, как солнечный африканский день. А потому тропление тигрицы, изучение ее поведения, подчиненного выкармливания и воспитанию потомства, доставляло ученым не только много хлопот, но, наверное, и не меньше радости. Наблюдения, размышления и, наконец, еще одна запись о тигре. Четкая в своей лаконичности: «Потомство тигрицы приносит в самом глухом и неприступном месте. Новорожденные весят 800—1000 граммов. Глаза и уши открываются через две недели. Из логова вылазят в месячном возрасте. Молоко сосут 5—6 месяцев, но к мясу приобщаются с двух месяцев. До полугодичного возраста мать носит своим малышам свежее мясо в логово, позже начинает водить их от одной добычи к другой.

РОПЕ

АНАТОЛИЙ ЮДАКОВ

Мерзлое и закисшее мясо есть не позволяет. С двухлетнего возраста охотятся с матерью, которая учит чрезвычайно терпеливо и мастерски. Самец какого-либо участия в воспитании потомства не принимает...»

Гора интереснейших наблюдений уже позволяла им оставить скитания по тайге и засесть в тиши кабинетов за диссертации и книги. Но Юдакову все чего-то не хватало: то надо уточнить, это проверить, еще раз посчитать, посмотреть, убедиться. А Николаев не спорил, соглашался, хотя и не всегда мог сопровождать своего друга.

В тот злополучный день 9 января 1974 года Анатолий Юдаков один выехал на стационар, надеясь «добрать» материал по тигру-самцу, наблюдений за которым было гораздо меньше, чем за его подругой. С рюкзаком, карабином, кинокамерой, фотоаппаратом и надеждами на новые встречи и новые открытия пришел он в свое далекое таежное зимовье.

Недалеко от тигриной тропы лет пять назад умер огромный кедр, почти в два обхвата, он завалился на соседний ясень, и тот удержал его на своей могучей спине, напрягшись под многотонной тяжестью. Так и стояли они, два великана, тесно обнявшись своими ветвями. Будто один солдат держал на своих плечах смертельно раненного друга, которого уже не мог спасти, но не хотел и положить на землю. Но бесконечно поддерживать поверженного он все-таки не мог. Толя стоял на тропе, когда ясень неожиданно и оглушительно раскололся вдоль и стал стремительно падать. Юдаков сразу же рванулся в сторону, но ему не хватило какого-то мгновения. Падающий ясень сильно ударил по пояснице, а потом, срикошетив от соседнего дерева, придавил его правое бедро к скованной морозом земле.

Когда затихли треск и грохот и осела снежная пыль, молодого ученого ужаснула глубина свалившейся на него беды. Нога в смертельном капкане наверняка была сломана, тяжесть ясеня огромная, а помощи в этом безлюдье не дождешься.

Назойливо лезли в голову панические мысли, но Толя отшвырнул их и стал лихорадочно обдумывать возможные варианты спасения. А был единственный вариант — ножом высвободить ногу из-под дерева.

Это была дьявольски трудная работа. Коченели руки, ныла ушибленная спина, земля, крепкая как камень, упорно сопротивлялась стали. Но Толя лишь злее сжимал нож, долбил им землю, щепотками выгребая ее из-под ноги, выбивая камни, перерезая прочные, как железные тросы, корни.

Чаще через четыре он все-таки вытаскивал уже ничего не чувствующую ногу из-под ясеня и пополз к домику, разгребая пухлый глубокий снег. Расстопив печку, он долго оттирал схваченное морозом тело, потом наложил на сломанное бедро шину из досточек.

Всю ночь он мучился от сильной боли в ноге и пояснице. И от мысли: что делать дальше? И снова был лишь один вариант спасения — выбираться к людям. До ближайшего села четырнадцать километров. Проползти это расстояние по тайге и глубокому снегу невозможно. Оставалось сделать костыли и попытаться на них...

Он сделал — так что-то похожее на костыли, положил в рюкзак немного продуктов, котелок, фонарик, щепок для разведения костра. А как только забрезжил мглистый таежный рассвет, подвязал ремнями сломанную ногу, оперся на костыли и пошел навстречу своей нахмурившейся судьбе.

Юдаков знал, что первые два километра по густым зарослям будут очень тяжелыми, но, быстро пройдя от домика двести метров по этому самому трудному, как он думал, участку, он решил, что сумеет преодолеть за день все четырнадцать километров, и бросил рюкзак, вынув из него лишь фонарик.

Если бы вдруг поменялись ролями Юдаков и тигр, и зверь стал бы тропить человеческие следы, то он увидел бы очень странное: сначала между следами в снегу, пахнущими человеком, было почти нормальное расстояние, но эти промежутки очень быстро сокращались. Отдыхал человек все чаще и чаще, каждый раз дольше и дольше...

К концу дня он прошел лишь половину пути. Мучительно хотелось есть, пить, согреться, но возможность этого была отсечена предательским утренним мгновением, в которое рюкзак был снят с плеч и сброшен в снег. Нужно было решать: идти дальше или ночевать у костра?

Обдумав свое положение, Толя понял, что не может поддерживать огонь всю длинную, как вечность, холодную январскую ночь. К тому же нельзя было нерационально тратить последние силы. И он, измученный голодом и болью, двинулся в ночную черноту, выхватывая фонариком из темноты маленький круг под костылями.

Шел он будто в полусне, падал все чаще. Иногда ему хотелось уже не вставать, но у него была крепкая, как дубовый корень, воля. Он приподнимался на четвереньках, карабкался на костыли, опирался на них, выносил ногу чуть-чуть вперед, переносил тяжесть тела на нее...

Небо было звездное и равнодушное, а сопки и деревья застыли в настороженной неподвижности. И в морозном безмолвии слышалось лишь частое дыхание загнанного бедой одинокого человека да скрип снега. К этим дыханию и скрипу, казалось, напряженно прислушивались деревья и сопки, потому что тихо и скорбно шел среди них давно и хорошо им знакомый человек. Сильный, выносливый, смелый и умный, любивший и эти деревья, и

тайгу, и горы. Жизнь и работу... Угасли звезды, посерело, потом порозовело небо, и наконец выкатился из-за сопки красный диск солнца. Ожили и засуетились дятлы, сойки и поползни. Засверкали искрами чистый снег, зазеленели густые кроны кедров, зашевелились сухие листья на дубах под легкими струями разбухшего солнцем воздуха. Где-то далеко каркала ворона и кричали изюбры, рядом цокала белка. А Толя ничего этого не видел и не слышал, потому что все его мысли были заняты очередным клочком снежной пухлости, который надо было брать приступом.

Когда солнце, уверенно оторвавшись от зубчатого горнотаежного горизонта, покатило на юг и чуть-чуть умерило зимнюю стынь, Юдаков уже не мог идти: двое суток без сна, второй день без пищи и этот невероятно тяжелый путь взяли-таки свое. Он попытался развести костер и не смог. Не смог сломать сухую палку и снег до земли разгрести не смог. Он залез под выворотень, обращенный своей чернотой к югу, сознание замутилось, расплылось и окунулось в темноту...

Ему казалось, что он лежит у костра по ключу Бататяна, вдоль которого особенно часто ходили тигры, и к нему спокойно приближается могучий черно-бело-рыжий красавец, прозванный Ленивым. Он был настолько уверен в себе, что даже кончиком хвоста шевелить, как это делают тигры при волнении, не изволил. Подойдя на десяток метров, он мягко встал передними лапами на валежину, показывая свою широкую снежно-белую грудь в угольно-черных полосах и гордо подняв голову, на которой четко видны белый подбородок и мелкий крап из темных точек на белой же верхней губе, усы, длинные и жесткие, ровнорыжий нос, белые надбровья и бакенбарды.

Ленивый наклонился так близко, что его усы укололи Толю в лицо и он в страхе проснулся. Лицо щекотали метелочки вейника, шевелящиеся под легкими порывами ветерка.

Успокоившись, Толя снова закрыл глаза. Полуденное солнце не то чуть-чуть пригревало, не то просто не давало коchenеть. Сжавшись в комок, он берег каждую частицу своего тепла. Сначала думал о солнце, костре, печке, а потом «переключился» на Ленивого.

«Конечно же, — размышлял он, — сделано и выяснено немало, но сколько еще неизвестного! Спорно много, но они больше на эмоциях. От тигра надо переходить к изучению всего семейства кошачьих, здесь тьма неисследованного. С диссертацией и книгой затянул, конечно. Строгости к себе больше бы надо. Теперь скручу себя потуже...»

Через несколько часов он очнулся в сильном ознобе. До села оставалось всего три с половиной километра, но даже здоровая нога не повиновалась, руки не гнулись, голова клонилась к земле.

И все-таки он нашел в себе еще немного сил и снова поднялся. Стоя на ноге, он опирался о деревья, чтобы не упасть, и отталкивался от них, чтобы сделать маленький шаг, а рухнув в снег, хватался за кусты, подтягивался к ним и снова

замирал в изнеможении. Про этот участок пути Игорь потом говорил, пройдя туда и обратно последний маршрут Юдакова: «Костыли переставлял всего на десяток сантиметров, а падал через несколько шагов...»

Как будто все злые силы ополчились против него и упорно хотели вдавить его в снег окованной трупом, но назло им он не сдавался, и когда нога подкашивалась уже в тысячный раз, он стремился упасть вперед, чтобы осилить еще полметра. Уже на окраине села он, падая, скатился в незамерзающий ключ, долго барахтался в ледяной воде и все-таки выплыл. Рядом с ним светились окна теплых деревянных домов. Он слышал шум автомашины, рокот тракторов, лай собак и даже человеческие голоса. Кричал, вернее, хрипел, но хрип этот растворялся уже в десяти метрах. В упорной надежде выжить он закопал ноги в снег, засунул руки за пазуху и перестал поднимать пудовые веки. Но он не сдавался смерти, нет. Он хотел накопить кроху сил, дотянуть до утра и проползти оставшиеся метры...

Случалось, тигровые следы заводили его далеко в горы, а там настигала пурга, но он мог идти, не останавливаясь, двое суток. Иной раз без еды. Как-то при троплении Ленивого он перевалил через высокую гору Танчалазу, заснеженную по пояс, и долго плутал в таежных дебрях. Выбирался три дня голодным — и ничего. Всего одна ночь в зимовье — и он снова на тигрином следе, потому что были у него две здоровые ноги.

Он мог бы подумать еще: как это хорошо — две здоровые почки. Но он не знал, что они, отбитые и застуженные, уже отказывали. Не знал Юдаков, что его организм начал себя отравлять. С трудом открывая глаза, он по-прежнему видел темное село и слушал предутреннюю тишину, в которую лишь изредка ввинчивался шум автомашины да сыпался грохом лай собак. Ему уже не было холодно, и есть не хотелось, и боли унялись. Как еще никогда в жизни, хотелось спать. Только спать...

Подобрали Юдакова совершенно случайно и чуть живого принесли в село.

Сознание прояснялось медленно и трудно. По телу разливалось долгожданное тепло. Оно ползло к груди и рукам, зажигало лицо, раскаляло огнем поясницу и поврежденную ногу. Он почувствовал около себя людей, а по запаху догадался, что находится в больнице. Потом уже ясно увидел двух суетящихся женщин. Старшая плакала, а молодая — вроде сестры Наташи — строго мурморила, но работала быстро и точно. В ее нежных руках появлялись то горсть снега, то шприц, то какие-то бутылочки. «Она, наверное, дельный врач, — подумал Толя. — Теперь все будет хорошо». И впервые он не удержал слез. Слезы благодарности, радости возвращения к жизни и надежды продолжить свои исследования. Вернуться сначала домой, потом в институт и чуть позже — в горы. К жару солнца, теплу друзей и запаху тайги. А главное — к работе. Работе упорной и целеустремленной, наперстывая упущенное, не теряя и часа даром.

В Толе все больше крепла вера, что гибель уже позади. Самое же страшное, что еще не минуло, — нога. Но если он ее потеряет, все равно будет жить в труде: полевого материала накоплено много, а писать — не ходит. Маресьев вон летал с протезами! Не случайно же нянечка, плакавшая у его постели, однажды принесла томик Николая Островского, а молодой врач наизусть цитировала Горького: «Когда труд удовольствие — жизнь хороша, и особенно она хороша, когда вырвался из холода смерти, которую видел в упор...»

И полет во Владивосток на санитарном вертолете, и первые дни в клинике, и посещения родных, друзей и коллег бурным потоком несли радость. Радость возвращения в этот теплый и светлый мир.

Даже заключение врачей о том, что ему придется «расстаться» с несколькими пальцами и частью стопы, не повергло его в уныние.

Казалось, даже аппарат, заменивший его неработающие почки, не мешал Юдакову наслаждаться жизнью. Он читал, смеялся. Договорился с Игорем о работе, которую хотел начать сразу же после больницы, они подробно обсудили план и содержание «Белой книги о тигре», наметили время защиты диссертации, которая не могла не быть блестящей...

Словом, планов было много, но не суждено им было исполниться. Длинную вереницу бед не выдержал даже могучий организм и неумная жажда жизни...

А материалы об экологии уссурийского тигра, собранные Анатолием Юдаковым, легли в основу многих научных трудов. Появилось уже немало работ со ссылкой на авторитетное мнение молодого исследователя.

Прошло три года, но до сих пор не верится, что смерть его одолела. Все время кажется, что случится какое-то чудо и он снова будет улыбаться, говорить, рваться в тайгу. И снова тропить тигров...

В. П. ПЕСКОВ. У меня сегодня необычный собеседник — заинтересованный читатель. Писем передо мной множество, и все их объединяет страстная любовь авторов к природе и тревога за ее судьбу. Один из моих любимых писателей, Михаил Михайлович Пришвин, говорил, что, «защищая природу, человек защищает Родину». Вот таким защитником и является мой нынешний собеседник.

В. М. ЩЕГЛОВ (г. Али-Байрамлы, Азербайджанская ССР). Кто-то сказал, что охрана природы — составная часть строительства коммунизма в нашей стране. По-моему, сказано точно. Ведь природа — наше главное богатство. Но она легко ранима, и поэтому долг каждого из нас — бережно, по-хозяйски относиться к ней.

В. ПЕСКОВ. В проекте новой Конституции прямо сказано: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Сегодня всех волнует проблема: как сохранить Землю пригодной для жизни. Воздух, вода, зеленый покров планеты, дикие животные, как теперь мы видим, находятся в опасности. Наша Земля действительно легко ранима и нуждается в постоянной защите человека.

Забота эта сравнительно новая. Но нам от нее никуда не уйти. Добывая хлеб, тепло для нашего очага, мы не должны забывать, что жизнь без цветов, без птичьего пения, без голубого неба мало что стоит. Нам всем еще предстоит понять это.

Надежда, что наука все устроит, не должна вводить никого в заблуждение. Возможности науки тоже имеют пределы.

По-моему, гораздо важнее воспитать в человеке любовь к природе. Любовь рождается из понимания. Понять, какую роль в человеческой жизни играют речка, озеро, лес, живые звуки, значит понять, как прекрасна и как уязвима его колыбель под названием Земля.

К. А. АНДРЕЕВ (ст. Бугры, Хвойнинский район, Новгородская область). Не секрет, что не только редких зверей, но и птиц становится меньше. А некоторые вот-вот исчезнут, как, например, глухари и серые куропатки. Даже волки, медведи под угрозой, не говоря уже о тиграх. И виной всему мы, люди. Поэтому мы и должны восстановить численность всех животных. Что для этого делается?

В. ПЕСКОВ. В нашей стране сделано немало для охраны природы и восстановления численности диких животных. В десятой пятилетке для нужд охраны природы наше государство выделило немалую сумму — одиннадцать миллиардов рублей.

Огромную роль в спасении редких и исчезающих видов животных играют заповедники. Их в стране сейчас более ста, а площадь заповедной земли — почти восемь миллионов гектаров. Благодаря заповедникам были спасены от гибели многие виды диких животных.

Заметные результаты дала регламентация охоты. Сейчас увидеть под Москвой лося — обычное дело. Но, возможно, не все знают, что в 1928 году в лесах средней полосы насчитывалось всего три десятка лосей. Сейчас их в нашей стране более шестисот тысяч.

Почувствительна история с сайгаком. Бесконтрольная

охота поставила его на грань истребления — осталось всего несколько сотен. Сегодня их более двух миллионов. Ну, и всем известна история восстановления поголовья зубров, бобров, куланов.

Человек тут проявил исключительные усилия и не считался с затратами. И что же? Зубры и бобры остались жить. Зубров сегодня мы можем увидеть не только в Белоруссии, но и в Прибалтике, на Украине, в питомниках под Москвой и на Хопре. У нас зубров сейчас насчитывается более пятисот, а всего на Земле их свыше полутора тысяч. Угроза исчезновения этих великанов леса уменьшилась, но еще полностью не исключена. Более чем в пятидесяти районах страны теперь живут бобры. А ведь совсем недавно горстка этих зверьков оставалась лишь в Воронежском заповеднике.

Что же из всего этого следует? Усилия, если их вовремя проявить, без награды не остаются.

Р. П. КОЛОБАЕВА (Москва). Прошлым летом я отдыхала на Истринском водохранилище. Там есть укромные уголки, где сохранилась белая лилия. Я читала, что она занесена в «Красную книгу». Многие не знают этого и срывают цветы целыми охапками. Я и мои близкие просто превратились в сторожей — разъясняли, предупреждали. Подплываем к одному любителю флоры и говорим: «Этот цветок охраняется законом. Будете платить штраф». Он перепугался, стал выбрасывать цветы из лодки.

В подмосковных лесах цветов почти не видно — все

Уроки жизни

Лауреат
Ленинской премии
Василий ПЕСКОВ
беседует с читателями
«Смены»

НАМ

подобрали горе-туристы. Мне думается, всем нужно объяснить: рвать цветы и увозить их охапками домой бесчеловечно. Ведь пройдет немного времени, и мы останемся без этой красоты.

В. ПЕСКОВ. Конечно, ко всему, что нас окружает, нужно относиться бережно. Но ведь все больше людей тянется к природе. Какой здесь может быть выход? Нужно воспитывать культуру поведения в природе.

Как-то поехал я в подмосковный лес. Бродил целый день, устал. Решил передохнуть. Выхожу на поляну, место очень живописное. И вдруг под березой увидел кучу мусора. Я готов был кричать от злости. Какой-то негодяй (другим словом не назовешь) не довез мусор до свалки, которая находилась буквально в километре. И вот результат. Загажена поляна, испорчено настроение.

Следует упорядочить наше пребывание в природе. Ходить и особенно ездить нельзя всюду, где захотелось. Должны быть зоны, оставленные только животным. Нужно также создавать заповедники, где охранялись бы растения и насекомые. Проблема эта сложная, как, впрочем, все, что связано с природопользованием.

В. Д. КАБЛОВ (пос. Турки, Саратовская область). У нас сейчас много строят искусственных водоемов и нередко забывают о существовании естественных, созданных самой природой.

Вот взять хотя бы реку Хопер, где я живу. Когда-то она была полноводной рекой. А сколько в ней водилось рыбы! И какой! Сейчас же Хопер обмелел, а местами превратился в ручей.

Река пока еще относительно чистая. Хотя местные жители пьют воду из нее уже побаиваются.

Как же сохранить наши реки полноводными и чистыми?

В. ПЕСКОВ. Мне понятна и близка тревога за судьбу наших рек, прозвучавшая в письме Владимира Дмитриевича. Мне самому приходилось не раз выступать на эту тему.

У каждого из нас, наверное, есть любимая река. Мои воспоминания связаны с речкой Усманкой, на берегу которой я вырос. Несколько лет назад я прошел вдоль Усманки пешком. На ночь лег останавливался в сельских и районных гостиницах, а то и просто в стогу ночевал. Путешествие заняло дней десять. Я увидел речку от истоков до впадения в другую реку — Воронеж. И я мог сравнить, какой была Усманка тридцать лет назад и какой она стала сейчас.

Для меня река детства, выражаясь научным языком, явилась «моделью» других речек. То, что происходит с Усманкой, характерно для других маленьких речек.

плакать и ругаться, но я все же старался сдерживать эмоции и пытался трезво проанализировать, что же влияет на речку, какие наши действия являются неправильными.

Позднее вместе со своим другом В. Дежкиным, биологом по образованию, мы проплыли по реке Воронеж, куда впадает Усманка. Проплыли от ее верховий до устья и посмотрели, что происходит с рекой более крупной, чем Усманка.

В какой-то мере это было продолжением моего первого путешествия. И на этой реке мы нашли очень много тревожных перемен. Главная из них — обмелела некогда судоходная река, на которой Петр Первый строил российский флот.

Такая река, как Воронеж, питается маленькими речками, усманками. Если они высыхают, то и Воронеж, естественно, мелеет.

Из реки Воронеж выбирает много воды металлургический комплекс Липецка. И он по плану будет расти, расширяться. Нужно проанализировать, нельзя ли эти планы пересмотреть и каким-то образом скорректировать с возможностями реки, которая питает металлургический комплекс водой.

Планирование исходило из того, что курская руда рядом, ее дешево возить в Липецк, и, так сказать, конечный продукт тоже получается дешевым. Но сейчас мы видим, что природная ценность воды отнюдь не меньше, чем руды. Если Липецк полностью выпьет реку Воронеж, то вода не придет в сам город Воронеж.

Многие из нас любят отдыхать у реки. А что значит река для ребят?

Мы говорим о чувстве единения человека с природой. Так вот, думаю, что в детстве многие из нас чаще всего постигают красоту природы через речку.

Л. Г. ГУРАЙ (Днепропетровск). По профессии я библиотекарь, книги для меня — мир, окружающий всю жизнь, все мои мысли и чувства.

Люблю книги о природе. Ее судьба и состояние здоровья — это вечно волнующая людей проблема сейчас особенно остра. Что я могу? — так часто спрашиваю я себя. Пропагандирую литературу о защите природы, о жизни животных, о богатстве природы и об ответственности человека за сохранение этих богатств.

В. ПЕСКОВ. Природа всегда была для человека источником глубоких чувств, глубоких переживаний. Не удивительно, что эти чувства запечатлены в многочисленных произведениях литературы, искусства.

Назову имена лишь некоторых больших мастеров, для которых природа — это вдохновляющая творческая сила и мир, без которого немислима жизнь их героев. Толстой, Шолохов, Чайковский, Шишкин. Перечислить всех невозможно... Тургенев, Левитан, Паустовский, Пришвин занимают особое место в этом ряду. Это художники, за которыми укрепилась слава певцов природы.

Я очень люблю своеобразные письма Дмитрия Зуева. Москвичи его хорошо знают, он писал необычные заметки. Это был, можно сказать, последний из могики, крупнейший из наших фенологов.

Он прекрасно знал взаимосвязи в природе. Это был необыкновенный человек, яркий, самобытный талант. Среди лесников он был лесником. Попал в среду косарей — и там он свой человек. К пчеловодам зашел — он знает больше их. И, конечно, это был такой грибник, какого нет и, наверное, не будет. У него есть несколько прекрасных книжек. Главные из них — «Времена года», «Дары леса». Книжки эти стали библиографической редкостью. Я считаю, что просто необходимо их переиздать. Их очень важно прочесть молодежи.

А. МАКЕЕВ (Москва). Василий Михайлович, я, как и многие читатели, жду появления ваших новых репортажей и очерков о природе, новых книг. Почему темы природы, взаимоотношения человека с ней стали главными в вашем творчестве?

В. ПЕСКОВ. Так уж сложилась моя журналистская судьба. Я пришел в газету без специального образования. С чего-то надо было начинать. Начинать я с фотографии, потом немного стал писать, совсем немного.

И когда редактор попросил написать что-нибудь большое, я спросил: а о чем? Он сказал: что тебя волнует, что ты лучше всего знаешь, о том и пиши.

Я с детства любил природу. Я вырос среди нее — наша деревня расположена недалеко от Воронежского заповедника.

Все это было мне очень близко, дорого, просто до боли в сердце. Поэтому первая моя заметка была посвящена природе. Называлась она «Апрель в лесу». Ну, с нее все и началось. Это стало моей бороздой. Потом борозда разрослась — не только потому, что я стал больше знать. Осталась любовь к природе, как основа, как фундамент. Появились знания. Я много читал и вообще стараюсь не упустить всего, что касается природы.

Но дело не только в этом. Дело в том, что жизнь последние двадцать лет развивалась так стремительно и таким образом, что проблема взаимоотношений человека с природой стала необычайно острой.

Поначалу в моих публикациях обращение к природе имело воспитательный аспект. Традиционный, что ли. Ведь вся наша русская и советская педагогика апеллировала к природе при воспитании добрых чувств у человека. И это уже немало.

Но в последние годы жизнь заставила говорить о взаимоотношениях человека и природы очень многих людей: и экономистов и юристов, и даже политиков. Конечно, литераторы и журналисты мимо этой проблемы не могут пройти. Расширение моих интересов в этой области было совершенно естественным.

И еще я хотел бы обратить внимание на очень важный момент. Дело в том, что характер русского человека, и вообще человека, связан с природой.

Природа — это часть нашей Родины. Таким образом, разговор о природе перерастает в разговор о нашей Родине. Это очень большая и очень серьезная тема.

Не случайно одна из моих книжек называется «Отечество». Если вы заметили, мои гербы чаще всего живут где-то на берегу реки, на лесном кордоне, в небольшой деревеньке.

Мне думается, близость к природе, единение с ней очень важны для воспитания добрых чувств, для воспитания любви к своей Отчизне.

А В И А

Москва, А-15, Буланский пр., 14,
журнал ЦК ВЛКСМ «Смена»

ЗАПОВЕДАНО

Я увидел, что река сильно мелеет и местами пересыхает. Отчего это происходит? Главным образом из-за того, что вырубаются водоохранные леса, расположенные по берегам.

Лес вырубали в разное время. Во время войны рубили потому, что нечем было топить многочисленные печи и котельные. Но и позже вырубали леса с тем же размахом. Надо сказать, что мы многого еще не знаем, не умеем порой строить своих отношений с природой. Иногда делаем непоправимые шаги. Сведение леса — первый удар по реке. Второй удар — это очень важно подчеркнуть, чтобы не произошло то же самое с другими речками, — распахивание поймы.

К чему это привело? Землю эту в конце концов потеряли, потому что она оказалась неплодородной через несколько лет. Половодье смыло и унесло плодородный слой, и на месте бывлой поймы сейчас пустошь. Смытая земля забила родники, засорила их.

Я был буквально потрясен: места, где во время моего детства тонули лошади, совершенно обмелели. Подобно Гулливеру, я иногда стоял ногами на двух берегах реки и грустно смотрел, как плыли вверх брюхом маленькие рыбки, пескарики.

Не раз во время этого путешествия мне хотелось и

Нужно еще сказать, что река Воронеж загрязняется, и весьма активно.

Наше путешествие совпало с громким процессом в Липецкой области: судили тех, по чьей вине в воду были спущены нечистоты: отравленная рыба плыла на расстоянии сорока километров от Липецка.

Мы попытались выяснить, отчего происходят беды наших рек. Проблемы очень сложные. Разрешить их сразу, вот так, на ходу, невозможно. О них надо думать постоянно во имя нашего завтрашнего дня.

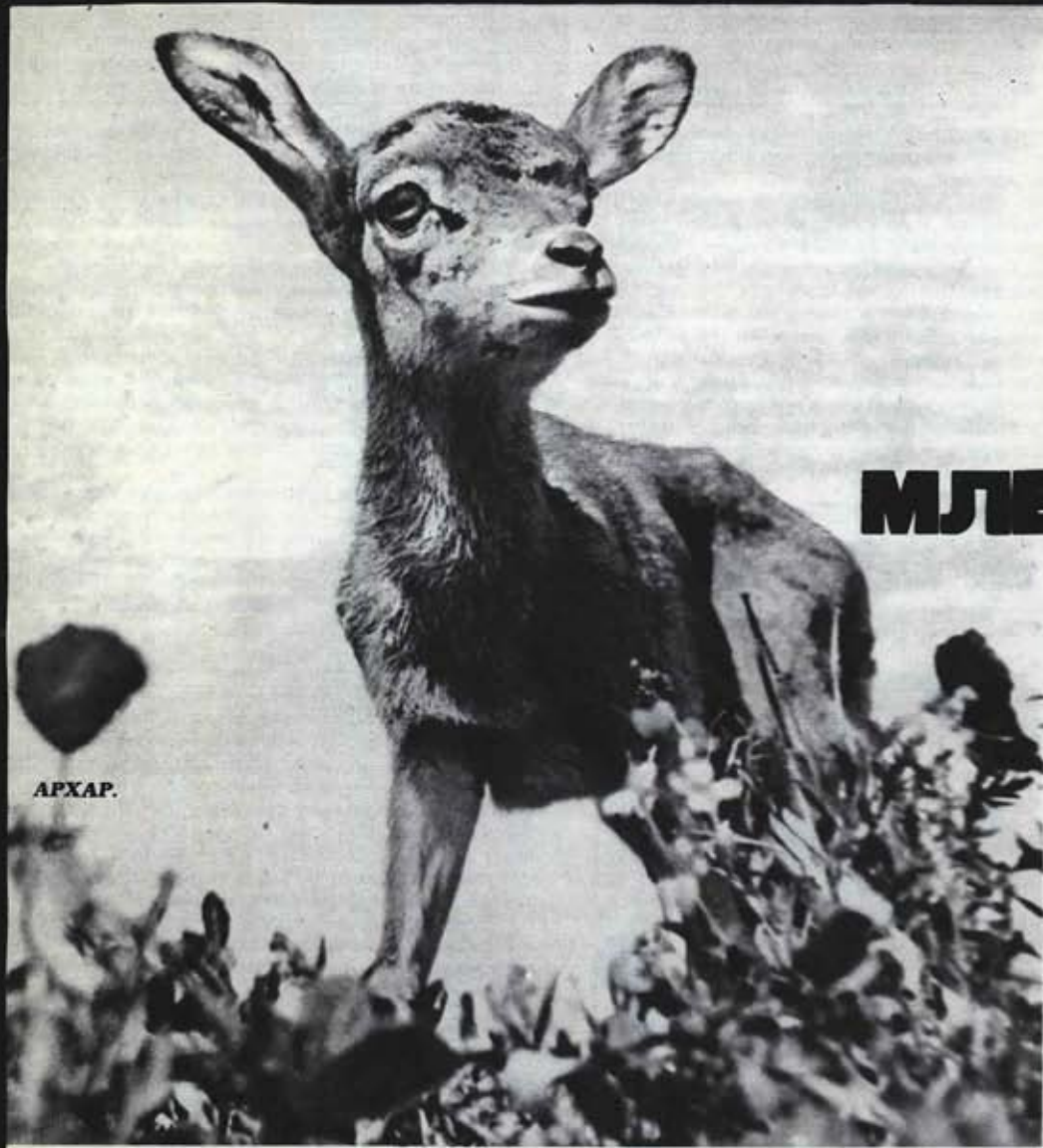
Что необходимо, на мой взгляд, предпринять для спасения некоторых наших рек? Ну, само собой разумеется, реки должны быть чистыми. Следует также определить, и притом на строго научной основе, сколько воды можно брать из реки, не нанося ей ущерба.

В нашей стране есть хорошая, оправдавшая себя практика посадки полос в засушливых районах. Необходимо, чтобы такие же полосы были посажены по берегам многих рек. И председатели колхозов и руководители района, по территории которого течет река, должны об этом задуматься. Посадить лесополосы могут и наши школьники. Нужно только подсказать им, научить, помочь.

Не следует забывать и эстетическую сторону дела.

КРАСНАЯ КНИГА СССР:

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

АРХАР.

ЛЕПАР.

ГЕПАРД.

ЗУБРЫ.

КУЛАН, ВЫКОРМЛЕННЫЙ ОСЛИЦЕЙ.

Находящиеся под угрозой исчезновения:
 Выхухоль, азиатский речной бобр, амурский тигр, туранский тигр, снежный барс, переднеазиатский леопард, восточно-сибирский леопард, гепард, каракал, атлантический морж, белобрюхий тюлень, или тюлень-монах, гренландский кит, японский, или южный кит, северный синий кит, северный финвал, северный горбач, туркменский кулан, бухарский благородный олень, джейран, горал, винторогий козел, закавказский горный баран, туркменский горный баран, бухарский горный баран, зубр.

Редкие:

Обыкновенный длиннокрыл, гигантская вечерница, широкоухий складчатогуб, сурок Мензбира, жирнохвостый карликовый тушканчик, пятипалый карликовый тушканчик, селевиния, гигантский слепыш, песчаный слепыш, красный волк, перевязка, тьяншанский бурый медведь, закавказский бурый медведь, белый медведь, полосатая гиена, средневропейский лесной кот, туркестанская рысь, манул, медоед, среднеазиатская выдра, северный калан, курильский калан, лаптевский морж, тюлень Рихарда, или островной, или курильский тюлень, ладожская нерпа, серый тюлень, или тевяк, серый кит, уссурийский пятнистый олень (аборигенная популяция), новоземельский северный олень, кавказский безоаровый козел, туркменский безоаровый козел, алтайский горный баран, тьяншанский горный баран, казахстанский горный баран, каратауский горный баран, кызылкумский горный баран, пугоранский снежный баран, дзерен.

на нашей планете найдется немало видов животных, которые прилепили бы к себе такое большое значение, как белый медведь. О нем пишутся многочисленные статьи и книги, ему посвящаются научные конференции и даже международные совещания, издаются специальные законы о его охране.

Замечательна уже сама факт, что этот крупнейший из современных хищников — а вес его может достигать тонны — постоянно обитает в ледяной пустыне Арктики, что он сумел приспособиться к жизни в этих, казалось бы, невероятно тяжелых условиях, где климат так суров и так трудно добыть корм. Он не слишком осторожен и, конечно, достаточно заметен. Однако, если учесть все те препятствия, которые встречает здесь естественный спутник — дрейф льдов, хаотические нагромождения торосов, бесчисленные трещины и развалы между ледяными полями, морозы и метели, темноту полярной ночи, — станет ясно, что вести наблюдения за белым медведем трудно, а порой и просто невозможно. Поэтому изучен он недостаточно. Однако и то, что мы о нем знаем, рисует его не только одним из наиболее характерных, но и «совершенных» представителей арктической фауны.

Он состоит в близком родстве с медведем бурого и в самостоятельный вид выделен относительно недавно — в течение ледникового периода (при совместном содержании в неволе эти медведи могут скрещиваться между собой и приносить вполне жизнеспособное потомство). Но как сильно он успел измениться!

Белый медведь приспособился к питанию практически лишь одним видом корма — тюленьями. Его когти хорошо служат ему при удержании крупной живой добычи: они относительно коротки, слабо изогнуты и покрыты невероятно прочными роговыми чехлами. Закономерно, что коренные зубы у белого медведя мельче, чем у бурого, но зато клыки выдают в нем хищника — они крупнее и мощнее. Как у типично плотоядного животного, у него короче кишечник, да и вся пищеварительная система хуже, чем у бурого собрата, приспособлена к перевариванию растительных кормов.

Арктика не только суша или лед, но и открытое море, и белый медведь вынужден вести полуводный образ жизни. Полярные летчики и моряки встречают зверей в десятках километров от ближайшей тверди.

Потребность в преодолении водных рубежей, конечно, не могла не отразиться на телосложении зверя. Обтекаемой формы туловище, узкая голова с высоко расположенными глазами, длинная подвижная шея, широкие лапы-весла — все это признаки хорошего пловца и ныряльщика. Не только взрослые животные, но и медвежата могут подолгу плыть со скоростью до пяти-шести километров в час. Ныряет белый медведь с открытыми глазами и может пробыть под водой около двух минут, что для наземного зверя очень много. Мех у него, как у тюленя, бобра или выдры, равномерно густой на всем теле, а удельный вес туши близок к весу воды. Недавно было изучено строение его глаза. Выяснилось, что в отличие от чисто сухопутных животных белый медведь хорошо видит как в воздухе, так и под водой.

Конечно, особенно уверенно он чувствует себя по льдам — широкие лапы и прочные когти здесь тоже очень кстати. С необыкновенным мастерством звери преодолевают хаос торосов, карабкаются на отвесные скользкие стены ледяных гор, перепрыгивают с одной вершины на другую. Они прекрасно разбираются в особенностях льда, безошибочно находят самые легкие и проходные пути, как казалось бы, непролазных нагромождений.

В зависимости от времени года, температуры и величины ледяных полей свои по-разному обходят и тюлени.

В ровных, сплоченных льдах медведи с удивительным терпением, часами поджидая тюленя, лежат у их лунок. На фоне высеженной льдиной лежащей мишки сам выглядит бо́льшим сугробом снега. Своей предательски чернеющей мордой, как утверждают очевидцы, он тщательно прикрывает лапами. Стоит тюленю хоть на мгновение показать голову, как медведь хватается его лапой или одновременно и когтями и зубами. Зимой тюлень предлагает немало усилий к тому, чтобы поддерживать лунку открытой, и тем не менее это отверстие во льду обмерзает, подчас сквозь него проходит на поверхность только кончик тюленьей морды. Впрочем, это обстоятельство мало смущает медведя. Захватив добычу, он с такой силой тащит ее из лунки, что ребра и тазовые кости подбитого на лед тюленя оказываются раздробленными. Это и не удивитель-

Савва УСПЕНСКИЙ,
 доктор биологических наук

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

но: зверь, например, в состоянии поднять на высокий и крутой берег тушу белухи весом более тонны.

Весной и в начале лета нерпы, наиболее многочисленные в Арктике тюлени, не прочь понежиться на солнышке, но ложатся они на ровных, гладких ледяных полях, часто поднимая головы и осматриваются. При малейшей опасности, мелькнув в воздухе вытянутыми задними лапами, тюлень скатывается в лунку и исчезает. Но медведь предпринимает контрмеры: высматривает добычу с вершин торосов. К намеченной жертве он подкрадывается бесшумно, искусно причесав за каждым небольшим укрытием — иногда охота длится много часов подряд, — и настаивает ее одним-двумя могучими прыжками. К тюленю, лежащему среди разреженных льдов, медведь нередко подбирается с воды, глубоко погрузившись или даже, по рассказам полярников, толкая перед собой для маскировки небольшую льдинку.

Всю свою жизнь белый медведь коцует среди льдов в поисках корма и по протяженности миграций соперничает с птицами. Так же, как и пернатые, он безошибочно ориентируется в пространстве. Однако каков механизм этой ориентации, особенно зимой, полярной ночью (птицы при перелетах определяются благодаря свойственному им «чувству времени» и способности учитывать положение Солнца и звезд), остается загадкой. А поскольку эти кочевки происходят среди дрейфующих льдов, можно предполагать, что белый медведь обладает даже способностью к «навигации»: он может вносить в свой путь поправки в зависимости от направления и скорости дрейфа ледяных полей.

Белых медведей не страшат морозы, и, словно наперекор им, за исключением беременных самок, звери не залегают на зиму в берлоги. У них, следовательно, весьма совершенная теплоизоляция. Например, его кожа зимой толще, чем у бурого медведя, и в ней могут накапливаться жировые клетки. У него более густой и длинный мех, особенно подпушь, а каждый волос больше способствует сохранению тепла, поскольку содержащий воздух (а он-то и греет) сердцевинный слой в мехе толще. К зиме он накапливает толстый слой подкожного жира. Густым мехом у белого медведя покрыты и уши и подошвы лап. Да и размеры ушей, которые намного меньше, чем у бурого медведя, — тоже показатель борьбы с холодом, один из путей сокращения теплоотдачи. Немалую роль играют здесь и повадки зверя: в холодную погоду спящий белый медведь сворачивается клубком, в жаркую погоду ложится на спину, брюхом вверх. Цвет меха зверя также способствует уменьшению теплоотдачи.

Тюлени живут в Арктике не повсюду; не всегда они и доступны медведю, поэтому дни удачных охот нередко чередуются с неделями голодовок, и к ним звери тоже неплохо приспособляются. Поражает объем его желудка: он может вместить колоссальное количество корма — 50 и даже 70 килограммов жира и мяса. Очевидно, большую роль играет способность белого медведя очень быстро накапливать запасы жира, а затем медленно и экономно их расходовать. Сам жир белого медведя тоже необычен — ему свойственна очень высокая химическая активность, и он, следовательно, легко вовлекается в обменные процессы. Удивительна печень хищника: витамина А, который способствует усвоению организмом питательных веществ, в ней содержится в десять, а то и в сто раз больше, чем в печени трески или акулы.

Ну, а когда все эти ресурсы исчерпаны, а добыть корм так и не удается? Тогда у белого медведя в запасе еще одна удивительная способность. Он может залечь в спячку независимо от времени года. Оказавшись после таяния льдов на суше и голодая, звери залегают в ямы, вырытые среди песчаных обрывов или на прибрежных косах. Несколько таких «сон» были пойманы осенью на побережье Гудзонова залива. Шерсть на подошвах их лап сильно отросла; значит, они провели в летней спячке много времени.

Так необычен этот зверь. Поэтому-то исследователи считают его хорошей «биологической моделью», а изучение белого медведя помогает вскрывать общие биологические закономерности.

Поскольку размеры Арктики относительно малы, невелика и область обитания на земном шаре белого медведя. Собственно же родина зверей и вовсе мала. Это отдельные островки — гористые, слабо освоенные человеком и расположенные на путях обычных медвежьих миграций. На них осенью собираются медведицы. Здесь они залегают в берлоги, рожают медвежат, а весной пускаются с ними в привычное путешествие. Одиночные берлоги можно встретить во многих частях арктической суши и даже, как было установлено в последние годы, на дрейфующем льду. Но некоторые острова оказываются особенно удобными для залегания зверей, и сюда, как бы в «родильные дома», каждый год приходит множество медведиц. Родилось подав-

ляющее большинство белых медведей на востоке Шпицбергена, на северо-востоке и западе Гренландии, на восточных островах Канадского арктического архипелага, а в СССР главным образом на Земле Франца Иосифа и острове Врангеля.

Медведицы, которым предстоит принести потомство, выходят на сушу в начале зимы. Здесь они подолгу бродят в разных направлениях, осматриваются и, наконец, залегают в ямах или пещерах, вырытых в снегу. Часто медведица вообще не строит берлоги. Она ложится почти на открытом месте, предоставляя заботы по сооружению жилища ветру. Первая же пурга заметает зверя, образуя вокруг него не только стены, но и потолок. Как следует познакомиться с устройством зимних убежищ самок мне пришлось именно на острове Врангеля. Вместе с зоологом Феликсом Борисовичем Чернявским ранней весной мы объехали остров на собаках и вездеходе, измерили и описали несколько десятков берлог.

Запомнился один из дней этой экспедиции, проведенный у горы Китовой — невысокого вытянутого кряжа, до вершины заметенного снегом. Мы издали заметили открытую берлогу, затем еще одну. С трудом карабкаемся по крутому склону, до берлоги остается метров пятьдесят, но их-то как раз невозможно одолеть без «техники». Мы взяли с собой топор и лопату, но от лопаты толку мало. Даже топор с трудом вгрызается в твердый, как камень, снег. Наша лестница медленно растет, обходит сбоку медвежье убежище. И вот оно рядом. На полу в коридоре скопился свежий снег. Значит, берлога пуста, семья уже покинула ее.

На всякий случай бросаю внутрь куски снега, прислушиваясь. Тихо. Лаз узкий, сантиметров восемьдесят в диаметре. Медведица проходила в него свободно, но человек, тем более в кушлянке, протискивается с трудом. Первым заползает в берлогу Феликс. Будто уже из недр самой горы Китовой, раздается его приглушенный крик: «Заходи!» «Захожу», конечно, тоже ползком. Прямой, наклонный сверху коридор длиной метра в два, ступенька вниз — и вот сама берлога. Она просторная, яйцеобразной формы. Вдвоем мы свободно сидим здесь, а при желании можем и прилечь. Нельзя только встать в полный рост, хотя и высота не маленькая — 160 сантиметров. На голубоватом своде тускло поблескивают кристаллики снежных зерен, в обледенелые стены и потолок вмерзли упругие белые волосы. Пол темнее — затоптан лапами жильцов. Измерив берлогу и выкурив в ней по сигарете, с неохотой выбираемся наружу — настолько здесь уютно, тихо и чисто.

В декабре — январе в берлогах появляются медвежата, покрытые редкой белой шерсткой, беспомощные, слепые и глухие, размером не крупнее новорожденных котят. По сравнению с медведицей величина малышей, конечно, ничтожна. Но ведь всю зиму мать не питается, живет за счет накопленных в своем организме запасов, и прокормить более крупное потомство ей вряд ли бы удалось.

До тех пор, пока они живут в берлоге, единственный корм малышей — материнское молоко, похожее на сливки, густое и очень богатое жиром. Когда семья покидает зимнее жилище и медведица начинает охотиться, медвежата познают вкус тюленьего жира и мяса, хотя мать кормит их молоком около полутора лет. Медведицы, как правило, приносят двух, очень редко трех детенышей; молодые самки чаще рожают по одному медвежонку.

В марте — апреле, когда Арктика достигает первого, еще робкое дыхание весны, малыши становятся настолько самостоятельными, что мать решает вскрыть берлогу, прокопать из нее лаз и вывести потомство наружу. В течение нескольких дней, прежде чем переселиться на лед, семья еще пользуется зимним убежищем, предпринимая днем недалекие прогулки и уходя на ночь обратно в логово.

Растут медвежата медленно: самки до 4—5 лет, самцы же растут практически всю жизнь. Поэтому все молодые медведи примерно одинаковых размеров; взрослые же и старые самцы оказываются чуть ли не вдвое крупнее самок. Поздно они и созревают — размножение начинается не раньше чем в четырехлетнем возрасте (это медведицы; самцы же еще на год позже). Поголовье их, следовательно, увеличивается медленно, и поддержание в нем равновесия в значительной мере обусловлено долголетием зверей. Живут же они 20—25 лет, а отдельные особи доживают и до более почтенного возраста — до 30 и даже до 40 лет.

В природе у белого медведя нет врагов. Силой с ним, пожалуй, мог бы помериться морж. Но этот арктический исполин миролюбив. Слово уважая достойных противников, встречаясь с ними на льдинах или на берегу, медведи, как правило, не отваживаются нападать на моржей и тем самым не подвергают риску быть изувеченными моржовыми бивнями.

В последние десятилетия белый медведь стал привлекать к себе внимание как редкий и исчезающий вид мировой фауны. По существующим, хотя и весьма приблизительным подсчетам, в наши дни в Арктике обитает не более 20 тысяч белых медведей. Это означает, что на одного белого медведя в среднем приходится около 700 квадратных километров льдов, и, следовательно, одного зверя от другого отделяют сотни, а то и тысячи километров. Вероятно, уж по этой причине затруднительны встречи самоцв и самок, и это сказывается на продолжении медвежьего рода.

Белые медведи, как и тюлени, песцы, ездовые собаки, болеют трихинеллезом. Это заболевание вызывается паразитами, живущими в мышцах животных. Однако главная причина гибели белых медведей — истребление их человеком. Зверь не отличается большой осторожностью, а подчас и вовсе не обнаруживает страха перед людьми, поэтому охота на них, тем более с применением современного оружия, проста и добычлива.

Человек же, возможно, и косвенный виновник распространения среди медведей трихинеллеза. Ждала исследователей и еще одна неожиданность. В тканях белых медведей обнаружена высокая концентрация ДДТ и других ядовитых веществ — они заносится в высокие широты полярных стран воздухом и водой. Можно предполагать, что отравление не проходит для зверей бесследно и в первую очередь ведет к сокращению их плодородности.

Итак, стала реальной угроза вымирания белого медведя. Но, к счастью, у него нашлись защитники. Особенно решительно выступил за сохранение этой «живой эмблемы» Арктики Советский Союз.

Еще в 1933 году промысел зверей был запрещен в СССР с кораблей и без крайней необходимости на полярных станциях. С первых послевоенных лет он полностью прекращен.

Для спасения белых медведей в СССР предпринимались и другие шаги. Было запрещено при охоте медвежат убивать сопровождающих их медведиц (ловить медвежат для зоопарков можно только по специальным разрешениям). За незаконную добычу зверей введен крупный денежный штраф. На острове Врангеля, главном в Арктике «родильном доме» белых медведей, в 1960 году был организован заказник, а с 1976 года здесь существует государственный заповедник.

Количество белых медведей в мире благодаря этим мерам, по-видимому, больше не сокращалось, но и не возрастало, поскольку в других странах промысел их продолжался. Больше того, объем добычи зверей здесь увеличился. На Аляске в этой охоте широко использовались самолеты, в Норвегии начали практиковаться «арктические сафари» — рейсы в Арктику кораблей с охотниками-туристами на борту. Какое уж тут единоборство человека и зверя! Не случайно настоящие охотники и натуралисты многих стран мира осуждали такие способы добычи белых медведей и резко высказывались за их запрещение.

В шестидесятых годах стало ясно, что для сохранения животных нужны согласованные действия всех государств, владеющих Арктикой, а следовательно, и белыми медведями. С призывом к такому сотрудничеству выступил Международный союз охраны природы и природных ресурсов, он включил этот вид (одним из первых) в свою «Красную книгу», организовал специальную рабочую группу — ей предстояло составить программу совместного изучения зверей зоологами разных стран, предложить более совершенные меры по сохранению животных. И здесь решающую роль играли усилия СССР. На международных совещаниях по проблемам охраны белого медведя, а их было несколько, советские делегаты неизменно настаивали на повсеместном запрете добычи животных и уж, во всяком случае, запрете истребительных способов охоты на них.

Эти усилия достигли цели. Первой победой стало всеобщее признание белого медведя международным полярным ресурсом. Но наиболее важным результатом в этой кампании по спасению животных было заключение всеми арктическими странами международного соглашения по охране белых медведей. Такое соглашение уже действует: в 1973—1975 годах его подписали правительства СССР, США, Канады, Дании и Норвегии. Строгий контроль за торговлей и транспортировкой шкур и прочих предметов промысла белых медведей предусмотрен и другим важным международным соглашением — конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Белый медведь как редкий вид включен, само собой разумеется, и в «Красную книгу СССР». Все это вселяет надежду, что замечательный зверь уцелеет в Арктике и останется все таким же прекрасным украшением ледяных просторов.

РОЗОВЫЙ ВЕТЕР

Двигатель вертолета несколько раз чихнул, потом громко зафыркал. Тени от винта замелькали на бетонке все чаще.

Под нами потянулись серовато-коричневые барханы. Кто-то вел в поводу верблюда. Песок и жесткий снег сразу же заметали их следы. Суровая земля. И таким же суровым бывает зимний Каспий. Мы летим к Красноводскому заливу, где нынешней зимой сложилась драматическая ситуация. Не первый день здесь трещат необычные для этих мест морозы — под двадцать градусов. Мелководья замерзли, и многочисленными стаями птиц, собравшимся сюда на зимовку, приходится туго.

Тень от вертолета мелькнула по изрезанной береговой линии и заскользила по ледовому панцирю залива.

Директор Красноводского заповедника Владислав Иванович Васильев устроился у иллюминатора с фотокамерой. Он что-то говорит, но грохот такой, что нельзя разобрать ни слова. И все же каким-то шестым чувством я понимаю смысл сказанного: «Скоро птицы!»

Немного на Земле осталось мест массового скопления птиц. Одно из них — наш Каспий. Ежегодно над его обширными водными угодьями пролетает до десяти миллионов птиц. Здесь, на побережье, они отдыхают и кормятся.

На Каспии, особенно в его юго-восточной части, обилие мелководий, лагун и бухт, богатых водорослями и всякой мелкой живностью — излюбленным кормом пернатых.

Около трехсот видов — такое разнообразие пернатых можно встретить здесь в течение года. Для одних видов Каспий — перевалочный пункт, для других — места гнездовий, третьи прилетают сюда на зимовку.

Ежегодно на каспийском зимовье скапливается до двух миллионов птиц — уток, лебедей, гусей, лысух, фламинго и множество других видов. Это половина всех водоплавающих, которые остаются зимовать в пределах нашей территории. Они прилетают сюда с европейской части страны, из Сибири и Казахстана. Не зря Каспий называют «всесоюзным птичником».

Красноводский заповедник включен Международным советом по охране природы при ЮНЕСКО в состав водно-болотных угодий общепланетарного значения как место массовой концентрации водоплавающих птиц.

Я заметил, как усердно стал прицеливаться своей фотокамерой директор заповедника, и понял: показались птицы.

С высоты двухсот метров по курсу вертолета хорошо была видна полынья метров пятьдесят на тридцать. Вода в ней темно-синего цвета. Возле полыньи сгрудилась масса птиц — словно буквы на газетной полосе.

Мы стали снижаться. В воздух взметнулось несколько тысяч птиц. На светлом фоне льда вспыхнул фейерверк красок: черные лысухи, розовые с белозной утки-афганки, красноносые нырки...

Владислав Иванович машет пилоту, и мы летим дальше. Возле одной довольно обширной полыньи увидели огромное скопление лебедей. По подсчетам сотрудников заповедника, в этой стае было свыше десяти тысяч птиц.

Лебедеи взлетели дружно, будто снежное облако отделилось от ледового панциря. В воздухе стоял такой гвалт, что мы слышали тревожные лебединые голоса сквозь шум винта.

Здесь тоже не оказалось примерзших к льду птиц. А такое случалось в

ТРУДНО ЛЕБЕДЯМ ВЗЛЕТЕТЬ СО ЛЬДА.

первые морозные дни. Владислав Иванович видел вмерзшую в лед стаю лысух, несколько лебедей... Какое пиршество для пернатых хищников! Они все время держатся недалеко от птичьих скоплений. В одном месте мы заметили около трех десятков орланов-белохвостов. Они сидели недалеко от полыньи с утками. Утки сразу взлетели, а хищники только головы повернули к вертолету. Привыкли, видно, к шуму винтов.

Мы летали более часа. Видели множество птиц, скопившихся у редких блюдечек с водой. Но только здесь птицы могли найти себе корм. А спасительных мест так мало. Если полынья покроется льдом, трагедии не миновать. Птицы так ослаблены, что уже не смогут улететь на поиски новых мест, свободных ото льда и богатых кормом.

Дед Мазай знаком нам с детства. Он запоминается сразу и на всю жизнь.

Казалось бы, что особенного сделал герой Некрасова? Собирал зайцев, попавших в беду во время весеннего половодья, и выпускал их в безопасное место.

Нас радует мудрость и доброта пожившего на свете человека.

Сегодня масштабы помощи диким животным иные, иными стали и мазаи. Порой в операциях по спасению диких животных принимают участие сотни человек. Они используют современную технику — вертолеты, моторные лодки, грузовики, мощные подъемные средства.

В Средней Азии построено недавно водохранилище. Ученые подсчитали, что если уровень воды поднимется до проектной отметки, будут затоплены большие площади пустынных земель, где обитают ценные виды змей — гюрзы и кобры. Строители решили обратиться за помощью к змееловам. Те за короткий срок отловили змей и выпустили в безопасное место.

Зачастую сама природа создает ситуации, губительные для диких животных. Извержения вулканов, обильные снегопады или дожди, засуха, суровые морозные зимы — эти стихийные бедствия могут стать причиной массовой гибели животных.

В таких случаях мы просто обязаны следовать доброму примеру деда Мазая.

На крохотном островке расположен один из кордонов Красноводского заповедника. Ледяной, порывистый ветер с Каспия неистово ревет в тростниковых зарослях.

Пока грузят мешки с подкормкой, мы с

Владиславом Ивановичем отогреваемся в домике егеря.

— Часто здесь бывают такие морозы?

— Не очень. Но повторяются довольно регулярно. Заповедник организован в 1968 году. Мы зарегистрировали морозы в шестьдесят девятом, семьдесят втором и семьдесят пятом годах. В шестьдесят девятом ртутный столбик опустился до отметки минус двадцать семь градусов.

В этом году мы готовились к холодам. Запасали корма, побеспокоились заранее о транспорте. Вы сами видели, что пешком или на машине к птицам не добраться: лед тонкий. Катер сюда не пройдет — мели. Только на вертолете и можно подобраться к полыньям.

И в прошлые суровые зимы мы помогали птицам, но, правда, не в таких масштабах, как в этом году.

Раздался сухой треск винта, пора вылетать. Мы возвращались по разведанному маршруту. Вот и полынья с утками. Вертолет зависает на высоте семи-восьми метров. Быстро опустошаем мешки с отходами зерна. Корм нужно высыпать у самой кромки. Эта ювелирная работа зависит от экипажа. «Я пилотами очень доволен», — говорит директор заповедника. — Работают они виртуозно».

Лебедем приготовлен другой корм — отходы хлебопродуктов. Да, бывают минуты, когда человек обязан поделиться с животными и куском хлеба. За судьбу этих птиц мы ответственны не только перед нашей страной, но и перед всем миром.

Темнело. Вертолет возвращался на базу. Это был шестнадцатый вылет по спасению пернатых.

Пятнадцать видов птиц, обитающих в Красноводском заповеднике, занесены в «Красную книгу СССР». Это исчезающие и редкие виды. Среди них три вида лебедей — кликун, шипун, малый, или тундрной, лебедь, турач, орлы, соколы.

В этом списке первым значится розовый фламинго — единственный вид этих птиц, обитающий только у нас и нигде больше. Розовый фламинго — реликтовая птица. Их осталось немного, ученые говорят — около двадцати тысяч.

Вот почему на здании конторы Красноводского заповедника художник изобразил летящих фламинго — главную примечательность этой заповедной территории.

Владислав Иванович рассказывает с

увлечением: «Видели бы вы их осенью, когда фламинго прилетают на зимовье. Это сказочно красивые птицы. Издали стая фламинго кажется розоватым пятном на лазурной поверхности воды. Но стоит их вслушаться, как это пятно вспыхивает ярким алым цветом — это взмахнули крыльями тысячи фламинго. Взлетают птицы стройными шеренгами и вытягиваются в длинную, яркую гирлянду».

Гнездятся фламинго на озерах Казахстана, а на зимовку прилетают сюда, на Каспий. В иные годы в Красноводском заповеднике зимовало до семнадцати тысяч этих красивых птиц. В этом году прилетело всего четыре тысячи, да и те с наступлением холодов мигрировали южнее, к Туркменскому заливу. Там теплее.

Мне не удалось бы увидеть фламинго, если бы директор случайно не обронил: «У нас в конторе один живет».

Для редкого гостя отвели фотолaborаторию. Сдвинули оборудование — и жилье готово. На пол насыпали опилок, в корыто налили воды и набросали хлебных корок.

Фламинго величественно стоял на одной ноге, поджав другую. При нашем появлении он выпрямил длинную шею и издал хрюкающий звук.

— Как он к вам попал?

— Несколько недель назад на моторной лодке мы выехали на учет птиц, — оживленно рассказывал Владислав Иванович. — Неожиданно на воде увидели птицу. Подплываем ближе — фламинго!

Птица была так ослаблена, что не могла взлететь. На одном крыле мы обнаружили следы прострела. Вот оно в чем дело: браконьеры. А тут еще морозы. И фламинго не смог улететь со своей стаей.

Мы подлечили птицу. Ранки сейчас зажили.

За фламинго ухаживает старший научный сотрудник Ирина Гаузер. Она выводит Федю, как назвали ученые своего гостя, на прогулку.

Гулял Федя и в день нашего приезда. Солнце и свежий морской ветер взбодрили фламинго. Федя сразу же направился к береговым проталинам. И вот уже заработал в подтаявшей воде горбоносый клювом, отыскивая мелкую живность. Он совершенно не обращал внимания на близость людей, на щелчки фотокамеры.

— Видите, фламинго быстро привыкает к человеку, — говорит Ира. — Это иногда даже вредит птицам.

Доверчивость чуть ли не стоила жизни всему роду фламинго. В девятнадцатом веке розовый фламинго был довольно широко распространен по нашей территории. Их насчитывали сотни тысяч. Есть свидетельства, что фламинго залетали в Прибалтику, на Байкал и даже в Якутию. Но птиц хищнически истребляли десятками тысяч в год: их перья пользовались большим спросом у модниц. И сегодня, к сожалению, есть еще любители розовых перьев. Но фламинго сейчас охраняют закон и такие преданные природе люди, как Ирина Гаузер и Владислав Васильев.

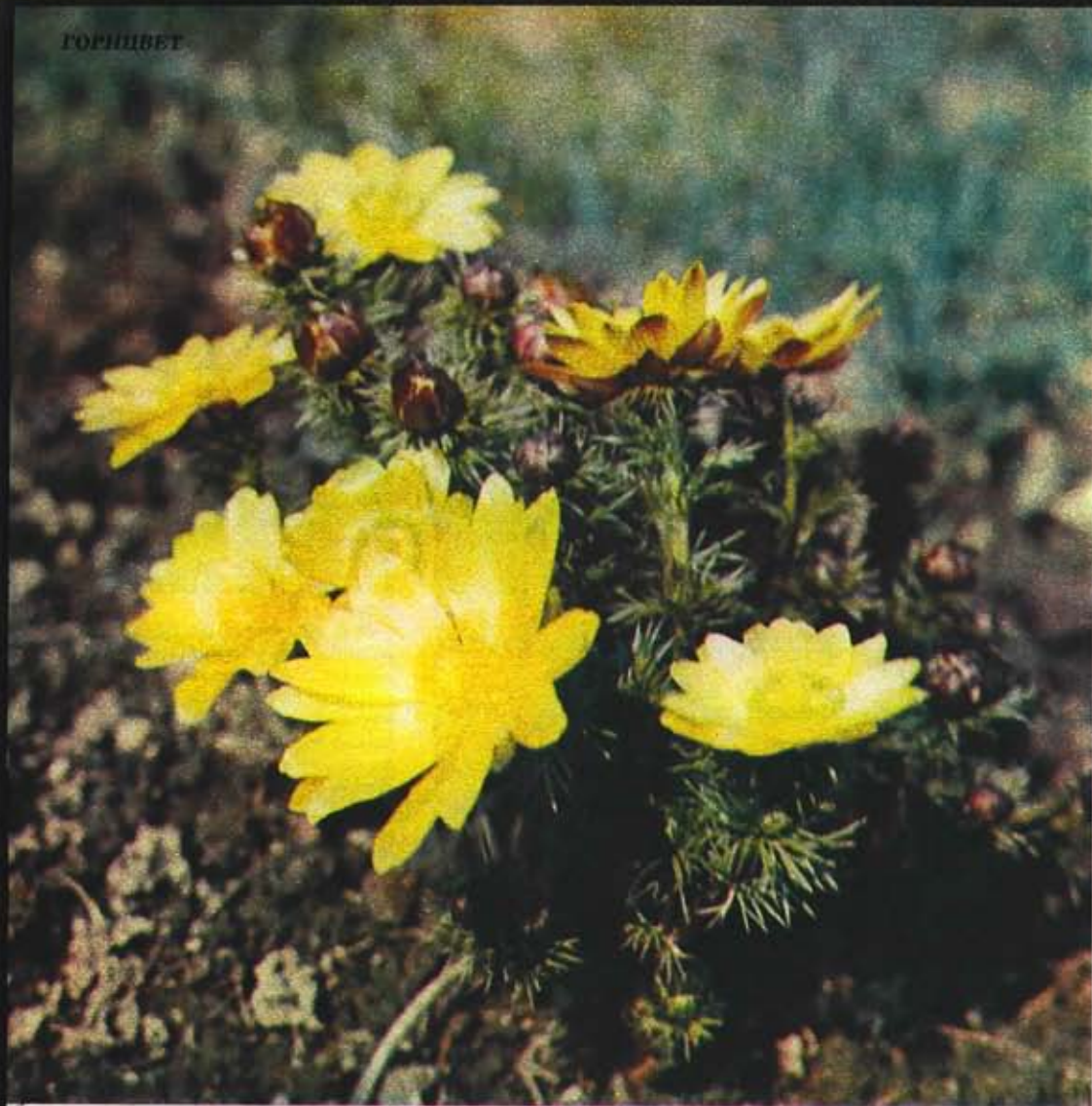
Ирина бережно, как ребенка, взяла на руки розоватую птицу и понесла ее к конторе.

В этой «квартире» жить Феде придется до весны.

Весной я позвонил в заповедник, чтобы узнать, как перезимовали птицы, вернулись ли фламинго.

— Зимовка прошла благополучно, — раздался в трубке радостный голос Владислава Ивановича. — Помощь птицам мы оказали вовремя. Потери ничтожные. Вернулись и фламинго. Целую стаю вижу я сейчас прямо из окна.

ГОРЦВЕТ

КРАСНАЯ КНИГА СССР: РАСТЕНИЯ

РЯБЧИК

БАШМАЧЕК

ЧЕРЕНЦА

КАЦДЫК

АРНИКА

Чистоуст величавый, полушник колючеспорый, тис ягодный, тис остроконечный, сосна пицундская, сосна Станкевича, сосна эльдарская, лиственница польская, лиственница ольгинская, пихта камчатская, можжевельник высокий, микробиота перекрестнопарная, нянда тончайшая, ковыль уклоняющийся, ковыль камнелюбивый, ковыль своеобразный, ковыль толстостебельный, ковыль родственник, комперия крымская, лимодорум недоразвитый, стевания сатириновидная, цельногуб уссурийский, береза Медведева, береза желтая, инжир гирканский, инжир колхидский, гвоздика приднестровская, элизиата Завадского, лотос Комарова, бразения Шребера, зериала устрашающая, пион Млокосевича, рябинник Ольги, таволгоцвет Шренка, груша Средней Азии, груша кайон, альбиция, вязель изящный, гледичия каспийская, дасиодиум Ольдмана, арахна колхидская, бересклет карликовый, жестер красящий, виноградник японский, виноград триостенный, волчегодник Софии, волчегодник Юлии, женьшень, земляничное дерево, рододендрон Кочи, рододендрон Унгера, эписяга гаультериевидная, древовидный вереск, болотный вереск, ложная шандра, мандрагора туркменская, наперстянка шерошатая, погребок эзельский, рамфикарпа Медведева, недзвецкия семиреченская, зимолость странная, зимолость эруская, островския величественная, ятрышники, лобелия Дортмана, колючник татарниколистный... Всего около пятисот видов.

К

аких только красок не увидишь в наших садах! Молочным обилием маю расцвела вишня, бело-розовыми сполохами благоухают яблони, распустили душистые кисти черемуха. За черемухой следуют сирень. Сирень любит жаркие дни, поэтому ее расцвет совпадает с первыми настоящими теплом, с душными ночами.

Погода устанавливается отличная. Дни один другого краше. Солнце печет, не переставая. Впрочем, иногда и оно затягивается поволокой, тогда поливает дождь, редкий в эту пору. Воздух разлит целебный, настоящий на цветах, на травах душистых, на смолках. Сирень и яснотка, сныть и кашка слышатся особенно звучно, хотя и не в едином тоне. А что голосов личуг! Славки, малиновки, пеночки, иволги — всех и не перечислишь. Поют, свистят чуть свет и во весь день... Теперь уж даже дуб надевает свой зеленый убор.

В такую-то пору и расцветает наша северная орхидея — ятрышник, или кукушкины слезки.

Эта лесная трава — подлинный уникум среднерусской флоры. Выделяется она среди зеленых подружек и обликом совсем необычным и редкостной целебной силой. Взгляните в конце весны на изумрудные поляны: среди густеющего травостоя легко отыскать прямой стебелек с пятнистыми цветками, собранными в кисть, и продолговатыми, тоже пятнистыми листьями. Прежде всего поражает пурпуровый цветок, точь-в-точь копирующий тропическую орхидею. Правда, орхидеи величавы, крупны и роскошны, ведь их родина — тропики, а ятрышник куда как скромнее. Но он тоже орхидея, только северная. На родство с блистательными цветами намекает один из шести лепестков — губой свисает, а у основания его видна шпорца.

Листья ятрышника по форме и расположению напоминают листья тюльпана. И, подобно последним, они лишены опушения. Да и нужны ли поселенцу влажных лесных полей приспособления против потери воды? А зачем на листьях ятрышника чернот бурые пятна? Их назначение скорее всего связано с потребностью этого растения в дополнительном тепле. Листья с пятнышками, конечно, прогреваются больше, чем окрашенные в ровный зеленый цвет. Хорошо прогреваемые листья увеличивают количество испаряемой воды, поглощенной корнями. Чем больше растение испаряет воды, тем интенсивнее поступают питательные вещества в его органы.

Цветы нашей северной орхидеи собраны в колосок. Так они более заметны для насекомых. Причем их пестрая окраска также привлекает шестиногих опылителей. Вот и слетаются на пригожую травку шмели и мухи, присаживаясь на нижний лепесток. Многочисленные полосы и пятна на лепестках — своеобразные «медовые знаки» — показывают крылатым гостям путь к лакомству. Насекомому, присевшему на губу-лепесток, надо пробуровать мясистую стенку шпорцы, и только тогда откроется доступ к сладкому соку. Доставая сок, шмель или муха награждается двумя «пыльцевыми дубинками» — папиниями, с которыми и улетает на другой цветок. Так, паломничая по растениям, шестиногие лакомки опыляют пятнистый ятрышник, который без их участия не смог бы размножаться.

Плоды ятрышника — маленькие коробочки — раскрываются шестью щелями для выброса множества мелких семян. Бывает это обыкновенно в начале августа, когда, собственно, и начинается заготовка салапа — корневых клубней. За год каждый стебель обзаводится новым сочным клубнем или толстым пальчатым корнем. Они-то и нужны для лекарственного сбора.

У ятрышника пятнистого (*Orchis maculata*) в наших лесах есть немало красивых и душистых родственных трав. Взяв, к примеру, любку двулистную. Это тоже северная орхидея. Когда любка зацветает, лес как бы наполняется ее тонким, нежным благоуханием. Особенно она сильно пахнет ночью, за что прозвана ночной фиалкой. Растет в лиственных и смешанных лесах, среди кустарниковых зарослей, а изредка и на лугах. Растение это нуждается в самой строгой защите от браконьеров. Ведь как только сойдут ландыши, расхитители лесных даров принимают за любку. Толку в таких букетах нет, а растение страдает от черствых рук. К исчезающим и редким травам

Александр СТРИЖЕВ,
фенолог

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

Анатолий ГОРЮШКИН

Лебеди

Всплеснула женщина соленым рукавом
и выпустила в синие просторы
станцию шумных, белых лебедей.
И первый круг
нелегок был и низок.
И стригли крылья сорную траву...
И круг второй.
Над речкой, над обрывом,
где желтый скос холодного песка
и свист студеного, невыбритого ветра.
О, струнный круг—
признание высоты.
Летишь.
Пьянеешь.
Задыхаешься.
Поешь.
И чувствуешь—твердеет под крылом
услужливая, зыбкая опора.
И по перу, дурманя дрожью,
срывается падучая струя...
И третий круг...
Но тут скользнуло солнце
по кромке туч и брызнуло в глаза.
И говорливая, веселая станция
кувыкнула в дождливой вышине.
А женщина стояла над обрывом.
Смеялась. Пела. Смахивала слезы
заплаканным, соленым рукавом...

Вебрь

Охотились пули—за вепрем.
А вебрь—за горьким ветром.
А ветер—за сломанной веткой,
зеленой, как чай.
Хрустело болото.
Пенилось небо.
Голубизной клыка
выплескивало нетерпение.
И, устав от погони,
дымились пыжи...
Ай!
Ветер разорван в клочья.
Вебрь споткнулся на кочке...

Вебрь уснул. Накрылся горьким ветром—
теплой шубой о семи цветах.
И снились ему—
бамбук молодого месяца
и мучнистые корни звезд.
Но, ломая сон,
к медной щетине подкрался сапог.
Вебрь вздохнул. Вспомнилось,
как ночной нетопырь-паровоз
распугал вчера всю округу...

Я сохранил рябины гроздь.
Она была—как солнца слепок.
Она заполнила всю горсть
тугим на ощупь, терпким светом.
Свет пробивался изнутри.
Он щекотал мои ладони.
Его хотелось запустить,
как солнце, осени вдогонку.
Он жег мне руки. Тайный смысл
скрывался за его обличьем.
Изменчивой природы мысль
передо мной менялась в лицах.

Мне не хотелось перемен.
Спускалась под гору тропинка.
Сухими остями колен
касалась жесткая крапива.
Цеплялся я, как муравей,
за день, за год, за чьи-то лица.
А время тройкой лошадей
неслось—мелькали только спицы...
Я шапку вешаю на гвоздь.
Распахиваю настезь ставни.
Рябины огненная гроздь—
вот что в руке моей осталось.

Геологи

И. З.

Мы месили рыжую глину.
Грели руки у ржавых костров.
Забредал в сырую низину
горький запах мокрых кустов.
Забредали косяе бредни
обложных, рыбацких дождей.
И курился духом деревни
чугунок деревенских щей.

Он горчил, волновал и таял
в пересмешке лучин—чугунок.
И казался явленной тайной,
у босых поставленной ног.
Забредали к нам слухи и песни.
Куковали вдали поезда.
И вставала над топь столетней
синею разливом звезда.
Звезда плескалась в окошке.
В мутных размывах стекла.
Сыпалась из лукошка.
И из корыта текла.
Звезда вставала и маялась.
Стреножило утро коней.
В палатках, под одеялом
шептали: «Скоро конец».
Просьпались. Сводило спину.
Выбирались—на жар костров.
И месили рыжую глину
под шум осенних ветров.

Баллада об остроге

На свет, на ласку, на уют
мы ловим сердца людей.
Они, как рыбы, из мрака плывут.
Бей. Подсекай. Владей.
Я помню ночлег на Чусовой
и холод, ползущий с гор.
Двенадцать—на стрелке часовой.
Затих у костра разговор.
Вдруг в зарослях ворохнулось весло.
Почти как нетопырь,
черная лодка, взмахнув крылом,
приснула из темноты.
Рыбак, острой нацелясь, ждал,
когда из речных глубин
высунет мокрую пасть нарвал.
Ну, не нарвал—так лить.
Факел зажженный трещал. На корме
стоял неподвижно он.
Я разглядел в золотой полутьме
его прорезиненный балахон...
Я лучше рыбой—во тьме,
неслышно подплыву
к обътой пламенем корме.
Бейте. Пока живу.
Я не хочу с острой в руке
стоять—и целить в глаза...
Плеснулась в дремотной, ночной реке,
как рыба, чья-то слеза.

Владимир ПЕТРАШ

Моя Россия

Где-то волны катит море,
Где-то ветер воет,
А в Кузнецком синегорье
Острый запах хвои.
Тишина в глухих отрогах,
Тишина до звона!
Синь густая на дорогу
Льется с небосклона.
Под горой вразброс деревня—
Рубленные избы.
Дух ее живой и древний
Ощущаю исподволь.
К этим избам, к этой сини
Сердце прикипело.
Здесь мой дом, моя Россия,
И любовь, и дело.

Раим ФАРХАДИ

Самолет над облаками
Набирает высоту,
Огоньками, огоньками
Прорезает темноту.

Города. Аэропорты.
Звуки гулка слышны.
Пролетают самолеты.
Ни секунды тишины.

Но на что это похоже?
Из ночной глубокой мглы
Долетит и растревожит
Странное «курлы-курлы...».

Радостью необъяснимой
Переполнит сердце вдруг
Зов знакомый, журавлиный,
Принесенный ветром звук.

Птицы выше.
Звук все тише...
И глаза твои светлы.
Ты услышал! Ты услышал
Ясное «курлы-курлы...».

Это из далеких странствий
Возвращение в отчий край.
В нем задиристое
«здравствуй!»,
Не осеннее «прощай!»...

Что-то важное обрел ты,
Птицы что-то принесли...
Осторожно, самолеты,
Пролетают журавли.

Александр ОРЛОВ

Когда-нибудь, не в это воскресенье,
С тобой мы выйдем просто погулять.
И будет хорошо, и будет лес осенний,
И мы грибы не будем собирать.

И мы с тобой пойдем, едва касаясь
Широких листьев, светлых и немых,
Все дальше, дальше, дальше, уменьшаясь
Среди кустов, высоких и сквозных.

Зинаида ПАЛВАНОВА

На холме

Светлым лесом, полным берез
И поспевших кустов калины,
Холм над озером позарос.
Озираюсь, достигши вершины.
Первым делом гляжу туда,
Где под кручею, за стволами,
Распласталась, как шкура, вода
С голубыми на ней небесами.
Это озеро. Благостный вид.
Цвет небесный внизу даже гуще.
Изумрудною тучкой стоит
Островок. Там рыбак вездесущий.
Ну, а что над моей головой?
Ба, стволов оранжевых строй
Так высоко уносит кроны,
Что они похожи на корни,
Крепко вросшие в грунт голубой!

Марк КАБАКОВ

Диалог

— В рейс для чего ты уходишь, рыбак?
— Я? За деньгами.
— А звезды, что падают на полубак?
— Не лезь с пустяками.
— В порт возвратишься и снова в моря?
— Нет, с меня хватит.
— А синие волны ни свет ни заря?
— Знаешь: пусть катят...

— Вот мы и встретились снова, рыбак.
Ветер буйнит.
Что же не удержишь ты слова, чудак?
— Тянет...

Рисунки Валерия СМЕРНОВА

Б

айкал издавна поражал путешественников необычайной дремучестью и первобытностью природы и пользовался славой одного из самых медвежьих углов Сибири в прямом и переносном смысле этих слов.

«Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух; цвет у нее нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная. Изобилие медведей, соболей, диких коз и всякой дикой всячины...» Таким увидел Байкал Антон Павлович Чехов в 1890 году во время путешествия на Сахалин.

С тех пор прошло почти девяносто лет. Байкал изменился. На его берегах выросли города и поселки, вдоль южно-

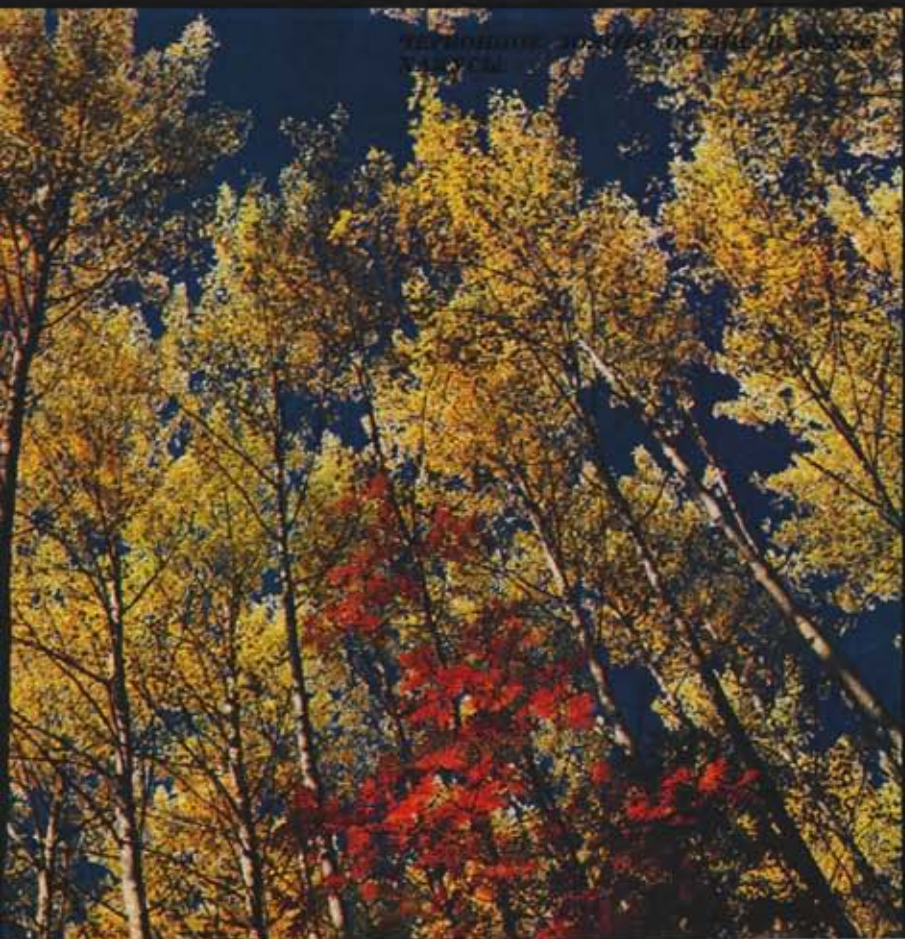
го побережья от порта Байкал до Посольского сора пролегла железная дорога, на многие десятки километров протянулись бетонные дамбы, волнобой и волнорезы. В бухте Песчаной, в Утулке, на берегу Посольского сора и во многих других местах все лето не смолкает шум над туристскими базами. Воды великого озера и днем и ночью бороздят грохочущие моторы. Стремительные «Прогрессы», «Оби» и «Казанки» сделали легкодоступными самые отдаленные бухточки и острова. Район Малого моря и остров Ольхон в разгар сезона пропускают тысячи машин с «поклонниками» природы, рыбаками, туристами. Даже у северной оконечности Ольхона, где надо бы лелеять каждую былинку, густо гнездятся палатки и машины отпускников. Иркутск, Улан-Удэ, Ангарск и другие города шлют сюда моторизированных гонцов, а пароход «Комсомолец» до предела облегчает их «задачи», доставляя за небольшую мзду моторные лодки

НАД БУХТОЙ ПЕСЧАНОЙ.

Байкал

Олег ГУСЕВ,
кандидат биологических наук,
председатель Байкальской
комиссии Всероссийского
общества охраны природы
Фото автора

МЫС БУРХАН НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН.

всех желающих к самым сокровенным уголкам озера.

Этот бурный поток цивилизации никем и никак не регламентируется и носит характер стихийного натиска на природу. Сумеет ли природа Байкала выдержать такой небывалый наплыв техники и людей? Что нужно делать, чтобы предотвратить или хотя бы ослабить быстро прогрессирующую эрозию байкальских ландшафтов?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, нужно заглянуть в прошлое Байкала и постараться увидеть те изменения в его природе, которые произошли в последние столетия.

Первые научные сведения о животном мире Байкала и Прибайкалья сообщены академиком И. С. Георги — участником знаменитой экспедиции «великого северного естествоиспытателя» Петра Симона Палласа. Как свидетельствует географ Карл Риттер, 13 июня 1772 года И. С. Георги «сел для плава-

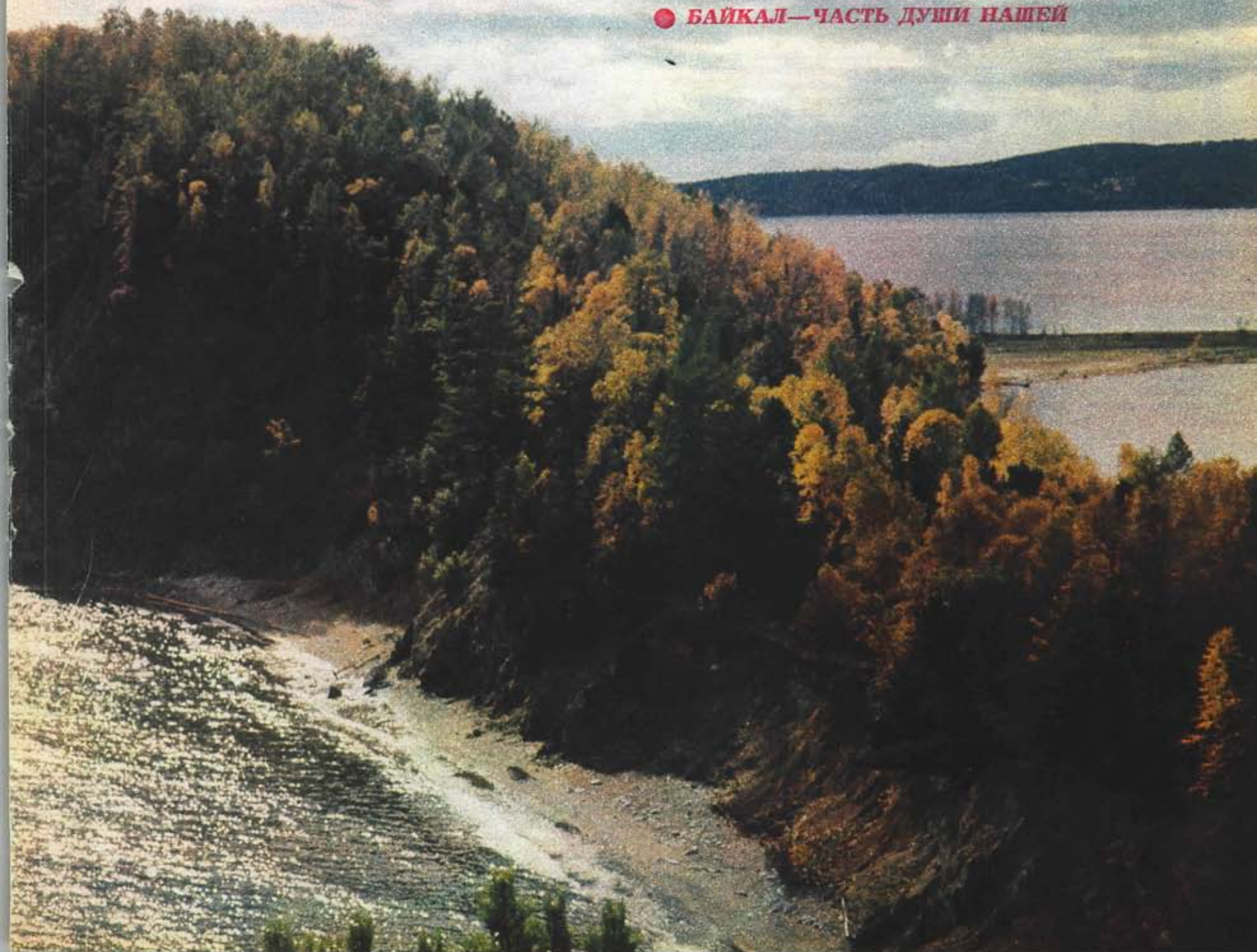

ЛЕСНИЧИЙ БАРГУЗИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА А. КАЗАНЦЕВ СО СВОИМ ПИТОМЦЕМ.

ЗООЛОГИ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЕДУТ УЧЕТ СЕРЕБРИСТЫХ ЧАЕК.

байкал

- ОХРАННАЯ ГРАМОТА БАЙКАЛА
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК: КОГДА ЖЕ ОН БУДЕТ?
- БЕСЦЕННАЯ ЧАША С ЖИВОЙ ВОДОЙ
- КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ ЭРОЗИЮ БАЙКАЛЬСКИХ ЛАНДШАФТОВ?
- БАЙКАЛ—ЧАСТЬ ДУШИ НАШЕЙ

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Люблю увидеть в темный день
в канаве у воды свинцовой
или проросший сквозь плетень
чертополоха куст пунцовый!

Груженный сеном воз проплыл.
И стало на холме уныло.
Чертополох он заслонил.
В нем есть неузнанная сила...

Чтоб зла не натворила тьма,
хлева окуривали дымом.
Вносили в новые дома,
чтоб жить не с чертом, а с любимым.

В канавах, и на пустырях,
и под забором возле школы—
нарядный, он стоит в глазах!
Летят к чертополоху пчелы.

Когда шумят над лесом тучи
и гуси тянутся с озер,
мне весело на голой круче
ногой разворошить костер!

Взметнутся искры надо мною.
Повиснут жгутики огня.
И долго теплою золою
слетают с неба на меня.

И долго я уйти не смею.
Чей прах на плечи мне упал?
И тех, кто жил давно, жалею.
И помню тех, кого не знал...

Лапландия

Здесь я счастлив... В унылом краю
никуда торопиться не надо.
Долго слушать на камне люблю
гул далекого водопада.
Нету тьмы

за спиною заката!..
Непонятное здесь происходит со мной.
Чувства есть,

ничего о которых не знаю.
Мертвый жук замурован гранитной плитой.
Полночь. В соснах грибы собираю...
Неподвижно часами смотрю на костер.
Или в доме пустом коротаю ненастье.
Далеко на воде вдруг услышу мотор.
Человек... И запрыгает сердце от счастья.
Он мне машет рукой

возле бледной звезды.

Там, крича, облака разлетаются птичьи.
Одиноким рыбаком на равнине воды.
Человек— в самом первом величье!

На слиянии Сожа с Днепром

Мазут качая на волне,
сюда угрюмо Днепр стремится,
и светлый Сож к нему струится...
Так младший брат бежит ко мне,
когда со станции домой
иду по улице родной
и, вскрикнув, обнимаю брата.
И вдруг светлеет жизнь моя.
И дальше— чистая струя
моей зовется виновато...

Догорает за насыпью день.
Пламенеют вершины дубравы.
И твоя удлинится тень.
Вот коснулась рука переправы.
А вторая поля обняла,
и легла на дубы голова.
И как есть ты возник пред собою,
потрясенный своею судьбою,
весь в дубавах, в огнях деревень...
Только плоть волочитя как тень.

Светлана ТОКОМБАЕВА

Колодезные журавли

не улетают журавли
(Как ты сильна, боязнь потери!),
Стоят на краешке земли,
В колодцы брошенные веря.

Давным-давно поет вода
В уже охрипшем горле крана,
И режет небо провода,
А журавли стоят упрямо.

Не улетают журавли,
Косятся в небо чуть надменно,
Не выдавая тайны плена
И притяжения земли.

Как я боюсь взглянуть на дно
Людьми забытого колодца,
А вдруг там нет воды давно,
И сердце трепетное бьется.

И, может быть, в тревожной мгле
Вдруг журавли, ожив в прозреньи,
Подхватят громко клич осенний
Всех птиц, живущих на земле.

Рисунки Михайла ПАПКОВА

Александр КУПРИЯНОВ

Та*

От мороза звонким голосом
Крикну я собакам: «Та!»
Скрипнет снег под легким полозом.
Мне навстречу— красота...

Тундра вольная, все здравствуешь!
Я пришел к тебе, едва
Солнце выплыло рогастое,
Как оленья голова!

Освещен его сиянием,
Чист я нынче, как слеза.
Коль родился северянином,—
Значит, в нарты полезай!

...Нынче я шагаю городом,
Жду подолгу свой трамвай,
Но от стужи хриплым голосом
Все равно шепчу я: «Та...»

* «Та!»— по-нивхски «Вперед».

ния на плоскодонный полудощаник, уп-
равляемый 12 матросами из казаков», и
«первым из естественных испытателей оп-
пыль озеро», «только благодаря чему
представилась возможность составить
сколько-нибудь верную его картину».

Вначале И. С. Георги направился на
северо-восток, к Малому Морю и остро-
ву Ольхон. Ольхон поразил его «чрезвы-
чайным изобилием рыбы и птиц», а
Малое Море— большими бакланами.

«В проливе, называемом Тонким
Морем,— писал путешественник,— на-
ходится 9 бакланьих островов, назван-
ных так от необычайного множества
водящихся на них бакланов. Скалы этих
островов до того сплошь покрыты пометом
бакланов и чаек, что с первого
взгляда кажутся оштукатуренными и
выбеленными».

Обогнув озеро с севера и продвигаясь
вдоль его побережья, Георги достиг
Чивиркуйского залива, где его вообра-
жение было потрясено неимоверным
множеством обитавших там околород-
ных птиц. Особенно много птиц гнезди-
лось на островах. Растущие на них
кедры были, по словам Георги, «покры-
ты гнездами цапель и бакланов; даже
все отдельные утесы до такой степени
покрыты пометом (гуано) этих птиц, что
кажутся окрашенными белой краскою...
Птицы собираются здесь такими несмет-
ными стаями, как едва ли где в другом
месте на материке Старого света, имен-
но потому, что обилие рыбы, в особенно-
сти омулей в этих заливах, также пре-
восходит всякое вероятие».

Хотя ко времени плавания Георги
прошло более 130 лет с момента про-
никновения русских на Байкал (1643
год), путешественник замечает, что
«все русские поселенцы, живущие не-
посредственно на берегах озера... со-

ставили бы не очень большое селение».
На Байкале в то время, особенно в его
северной части, гораздо легче было
встретить медведя, чем русского посе-
лянина. Многие районы побережья про-
извели на Георги впечатление «совер-
шенно безжизненной пустыни».

Восторженные описания богатств жи-
вотного мира и дикости берегов могут
навести на мысль, что Георги застал
природу Байкала во всем ее первоздан-
ном могуществе, разнообразии и полно-
те. Но это не так. Внимательно вчитыва-
ясь в описание его путешествия, можно
найти немало свидетельств того, что
уже в то время происходил процесс
сокращения численности некоторых ви-
дов животных.

Георги, например, заметил, что тю-
лень даже двести лет назад был очень
редок в юго-западной части Байкала, а
в истоках Верхней Ангары «окончатель-
но истреблены» дорожие черные соболя.
Описывая природу Ольхона, он не упо-
минает даже об обычном соболе, кото-
рый, очевидно, был также уничтожен на
острове еще в XVII столетии. Рассказы-
вая о Баргузинском полуострове, или
Святом Носе, Георги замечает, что
«дичь здесь истреблена», имея в виду,
по-видимому, соболя и копытных. Инте-
ресно свидетельство Георги о том, что
«бобров на Байкале уже нет, хотя они
часто попадаются еще на горных реках
Саянского хребта. Только на Верхней
Ангаре, против Баунтовского озера, боб-
ры встречаются еще часто; говорят, что
прежде они водились и на реках, впада-
ющих в Байкал».

Таким образом, уже ко времени пер-
вой естественнонаучной экспедиции
вокруг Байкала считалось, что его при-
рода понесла немалые потери. И это не
должно удивлять: в конце XVII столетия

южный Байкал представлял собой весь-
ма оживленный торговый путь между
Россией и Китаем. Выйдя из Иркутска,
купеческие парусно-гребные дощаники
поднимались по Ангаре, до Байкала,
добирались вдоль берега до Голоустно-
го, где содержалась переправа через
самое узкое место озера, а затем вверх
по Селенге доходили до Удинска и
Селенгинска, чтобы, преодолев еще
несколько десятков километров по су-
ше, достигнуть Кяхты— «столицы» ки-
тайско-русской торговли.

По сообщению Георги, «важнейшие
отрасли рыболовной и звероловной про-
мышленности составляли: осетры, ому-
ли, тюлени и пушные звери, и ими-то
обуславливается большая часть де-
ятельности жителей Байкальского бас-
сейна». Почти все виды этой продукции
сбывались в Китай. Китайцы охотно
скупали пушнину, особенно ценили
шкурки «детенышей» нерпы, которые
они красили и использовали для опушки
платья. Китайцы скупали жир тюленей,
который шел в пищу и на выделку кож.
Уже в то время на Байкале добывалось
около двух тысяч тюленей в год. Любо-
пытно сообщение Георги о том, что жир
голомянки— таинственной байкальской
рыбки, впервые описанной Палласом,
вытапливается прибрежными жителями
и также «выгодно сбывается китайцам».

В 1855 году, частично повторив путь
Георги, вокруг Байкала путешествовал
другой известный натуралист— Густав
Радде. Он свидетельствовал о продол-
жающемся обеднении природы: «...в
особенности необыкновенная в послед-
нее четырехлетие убыль красной дичи
на всем юго-западном пространстве; так
что, между тем как еще в 1852 году в
окрестностях Култукки ловили ежегодно
не менее 50 штук кабарги, в последнее

время поимка их ограничивалась, и то
редко, одним животным».

Сто лет назад, ко времени работы на
Байкале замечательного геолога и гео-
графа И. Д. Черского, природная обста-
новка, особенно в южной части озера,
изменилась очень заметно. В 1879 году
в Култукке было уже 65 дворов с 433
жителями. В селе Лиственничном, во
времена Палласа и Георги бывшем еще
зимовьем и почтовой станцией, теперь
насчитывалось 90 дворов с 400 жителя-
ми. На месте «перевоза» в устье реки
Голоустной также выросло поселение с
33 дворами и 172 жителями. Быстрый
рост численности населения вызвал
полное исчезновение гнездовой бакла-
нов во всей юго-западной части Байка-
ла. Даже на Бакланьем Камне у бухты
Песчаной, где бакланов в огромном
количестве видел Радде, Черский их
уже не застал. На Чаечьем утесе север-
нее Больших Котов исчезли гнездовые
чаек. В Байкале заметно сократилась
численность осетра и омуля, в некото-
рые реки, например, в Сосновку, омуль
прекратил заходить на нерест.

И здесь пора сделать важный вывод:
первые весьма болезненные удары по
дикой природе Байкала были нанесены
не с помощью железной дороги, огне-
стрельного оружия и ставных неводов, а
луком, копьем и заездком— очень при-
митивным, но чрезвычайно хищниче-
ским орудием рыбной ловли.

После постройки в начале нашего
века Кругобайкальской железной доро-
ги оскудение природы резко ускори-
лось. Перед революцией в Прибайкалье
был практически уничтожен соболь,
сильно сократилась численность мара-
ла, во многих местах и даже на северо-
восточном побережье Байкала почти
полностью исчез лось. В тридцатые

Анатолий БОГДАНОВИЧ

«Человек, не трогай муравьев!»

Надпись у входа в лес

Для забавы муравьиный дом
Растревожишь прутником, бывало.
И совсем не думаешь о том,
Что они, как люди, под обвалом.
На своем безмолвном языке
Муравьи кричат невыносимо
И опять, не поняты никем,
Собирают боевые силы.
У песчаных горок и у пней
Фантастические роют страны...
Самый сильный— это муравей,
Самый слабый— тоже, как ни странно.
Муравьями этот лес обжит.
Все ползут куда-то, к делу рвутся.
По березе вот один бежит,
Словно хочет к солнцу дотянуться.
Или на свои решил пути
Глянуть с человеческого роста?..
Муравья не сложно обойти,
Да порою времени нет просто.

Игорь АРБУЗОВ

Рыбновская, песчаная, моя
благословенна северная осень.
Заходят в реки поздние лососи,
а птицы отбывают за моря.
Опять меня поднимет утром рано
далекий и такой знакомый крик—
гусиной стаи поредельный клин
проносит осень над рыбачьим станом.
Медведь к лагуне вышел из лесов,
кедровка набивает зоб до края,
и нехотя шиповник на песок
оранжевые ягоды роняет.
Готовится к разбою горностаи,
лис прячет до поры балык кетовый.
И от озер в пески плывет настой
пожухлых трав, полынный и медовый.
А небосвод застыл над головой,
такая в нем осенняя грустинка...
И точно ранен—
метит след брусника
и брызжет алым соком под ногой.

Владимир ШЛЕНСКИЙ

На Каспии

Вот будут берега неспешно удаляться.
И выплывет гора медвежий силуэт.
Покуда ты еще умеешь удивляться,
смотри во все глаза на этот белый свет.

Пока еще Земля вращается по кругу.
Пока еще в руке упругое весло.
Пока еще в беде помочь ты можешь другу.
Пока еще вода не стала «H₂O»...

Смотри, запоминай, пока еще счастливый,
и тучка в небесах не стала грозовой,
пока перед тобой не скрыта перспектива
туманной полосой и дальнею грядой...

Но небо и вода сомкнутся постепенно.
И, точно за крыло, ты за весло держись...
И чайки, как клочки седой и легкой пены,
устан кружить внизу, взмывают резко вывись.

Геннадий МОРОЗОВ

Согреты солнцем воды,
Затек смолой пенек.
Весенняя погода,
Сверкающий денек!

Иду под ветром шатко,
А в небо загляну—
Все хочется мне шапку
Закинуть на луну!

А воды прибывают,
Снег тальм ветром взрыт.
Идет весна, играет,
Ручей ледком звенит.

Родник с травой лепечет,
Переходя на трель...
И почка, точно птенчик,
Клюет весны капель!..

Алексей КОРОЛЕВ

В горах

Плашмя на каменной плите,
в стгуающей темноте,
прижавшись к каменной стене,
прислушиваюсь к тишине.

И если не кривить душой,
я равно ничего не слышу,
забившись в каменную нишу.
Насилу до нее дошел.

И засыпаю, положив
под голову тот самый камень,
который голыми руками
на гору вкатывал Сизиф.

Смеркается. Не разобрать:
быть может, вяз,
быть может, ясень...
Уйдем отсюда восвоися,
а он останется стоять.

Какие песни здесь ни пой,
какие замыслы ни пестуй,
они некстати и не к месту
в шершавой тишине лесной.

И шелестящая листва,
витающая в поднебесьи,
не помнит нашего родства...
Бог весть, откуда столько спеси
у мыслящего существа.

годы Байкал покинули серые гуси и таежные гуменники. На грани исчезновения находится интересный южный вид гуся—сухонос, который в большом количестве гнезвился в дельте Селенги. К началу шестидесятих годов на Байкале прекратили гнездиться, а затем и вовсе пропали большие бакланы. Последнего баклана я видел здесь в 1971 году. Много ли чести хвастаться тем, что видел последнего баклана на Байкале?! Но с тех пор уже никто не встречал там этой птицы. Исчезают последние пары лебедя-кликлуна, резко сократилась численность орлана-белохвоста, скопы и черного коршуна. Все реже встречаются на берегу Байкала выводки большого и длинноносого крохала, а также гоголя. Всего несколько выводков красной утки, или огаря, сохраняются у островов Малого моря. На северо-западном побережье Байкала быстро сокращается ареал горбоносых турпанов.

Особенно заметно обеднела фауна островов, в частности Ольхона. Уже во времена Георги на нем исчез соболю, выбитый аборигенами. Более ста лет назад там пропал лось. Сейчас полностью исчезли соболи, лоси, маралы, косули, волки, дрофы, большие бакланы и, по-видимому, орлы-беркуты.

Таковы некоторые печальные итоги стихийного наступления цивилизации на дику природы Байкала.

Буквы НТР нынче не нуждаются в расшифровке. Но, кроме научно-технической революции, сейчас происходит и величайшая революция во взаимоотношениях человека и природы. На смену стихийному натиску на природу приходит стратегия обогащения нашей колыбели—Земли: целеустремленное, научно обоснованное управление

жизнедеятельным обменом между обществом и природой, культивирование оптимальной для жизни человека окружающей среды.

21 января 1969 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по сохранению и рациональному использованию комплексов бассейна озера Байкал». Правительство потребовало создать вокруг озера водоохранную зону с особым режимом пользования природными ресурсами. Были установлены задания по разработке мер охраны лесов, по расчистке рек от затонувшей древесины, по охране и восстановлению рыбных запасов...

Для проверки выполнения принятых решений была организована правительственная комиссия, в которую вошли ученые, специалисты, руководители и ответственные работники министерств и ведомств, партийных и хозяйственных организаций. Материалы этой комиссии легли в основу постановления партии и правительства от 16 июня 1971 года «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств бассейна озера Байкал». В постановлении был предусмотрен широкий круг мероприятий по охране всего бассейна величайшего пресноводного моря. Эти исторические постановления стали подлинной охранной грамотой Байкала.

И вот первые обнадеживающие результаты. Лимнологический институт, Институт биологии Иркутского университета, Баргузинский и Байкальский государственные заповедники стали уделять больше внимания проблемам охраны Байкала. Руководители хозяйственных организаций теперь внимательнее относятся к рекомендациям ученых, что облегчило решение многих природоох-

ранительных задач. Полностью прекращен молевой сплав леса по байкальским рекам, и ведется очистка их русел от затонувшей древесины. Восстановлено северобайкальское стадо знаменитого омуля: его громадные косяки снова заходят в реки для икрометания. В устьях байкальских рек построено несколько новых рыбообразовных заводов, помогающих омуля расти и размножаться.

В результате охраны и научно обоснованной регламентации промысла заметно возросла численность байкальской нерпы. Если 10—15 лет назад она обитала в основном в средней и северной частях Байкала, то сейчас она заселила и южный сектор озера: уже в нескольких километрах от Танхой можно видеть много лежащих на ледяных лунок нерп. По данным единственного в мире Лимнологического института, ее численность достигает 70 тысяч голов.

В 1969 году организован второй, после Баргузинского, Байкальский государственный заповедник, призванный сыграть исключительно важную роль в охране уникального природного комплекса Хамар-Дабана. Давно и полностью восстановлена численность соболя, и уже многие годы Прибайкалье дает стране тысячи первоклассных шкур «короля пушны»...

Как оценить большие усилия нашего общества по охране Байкала? Ведь, как говорится, никто не судья в своем деле, и это, пожалуй, верно. Особенно трудно сохранить объективность, когда речь идет о таком бесценном природном феномене, как Байкал. Все время кажется, что сделано еще далеко не все, что действовать нужно решительнее и быстрее. Но вот что сказал председатель Совета по качеству окружающей среды

США Рассел Трейн, несколько лет назад посетивший Советский Союз и, конечно, не преминувший побывать на «загрязненном море».

— Забота о сохранении Байкала, поднятая до государственного масштаба, производит хорошее впечатление. На нас произвела также впечатление та серьезность и основательность, с которой сотрудники Лимнологического института исследуют проблемы озера.

Однако нам не следует самообольщаться. Впереди много тяжелой работы и сложных проблем. Численность многих видов животных, как мы уже говорили, продолжает снижаться. В местах массового отдыха и туризма наблюдается быстро прогрессирующая эрозия ландшафта.

Во исполнение правительственных постановлений в 1974 году были утверждены «Временные правила охраны вод озера Байкал и естественных ресурсов бассейна этого озера». Чтобы стать постоянными, они требуют еще значительной доработки. Но, пожалуй, одним из важнейших и неотложных мероприятий по охране Байкала является организация на побережье озера рациональной сети особо охраняемых территорий, прежде всего государственных заповедников. На берегах Байкала нужно создать еще два заповедника типа эталонной природы: в дельте Селенги—для охраны массовых гнездовых водоплавающих дичи и на северо-западном побережье Байкала, в одном из хорошо сохранившихся очагов дикой, первозданной природы.

От мыса Котельниковского до мыса Рытого (будущих владений заповедника), кроме метеостанции Солнечной, нет других населенных пунктов. Здесь много лося, марала, кабарги, косули, в горах

водится северный олень и черношапочный сурик. На нескольких сорных озерах у берега Байкала еще продолжает гнездиться горбоносый турпан. И только на этом участке западного побережья еще можно наблюдать массовый выход бурых медведей на берега — одно из самых замечательных байкальских явлений.

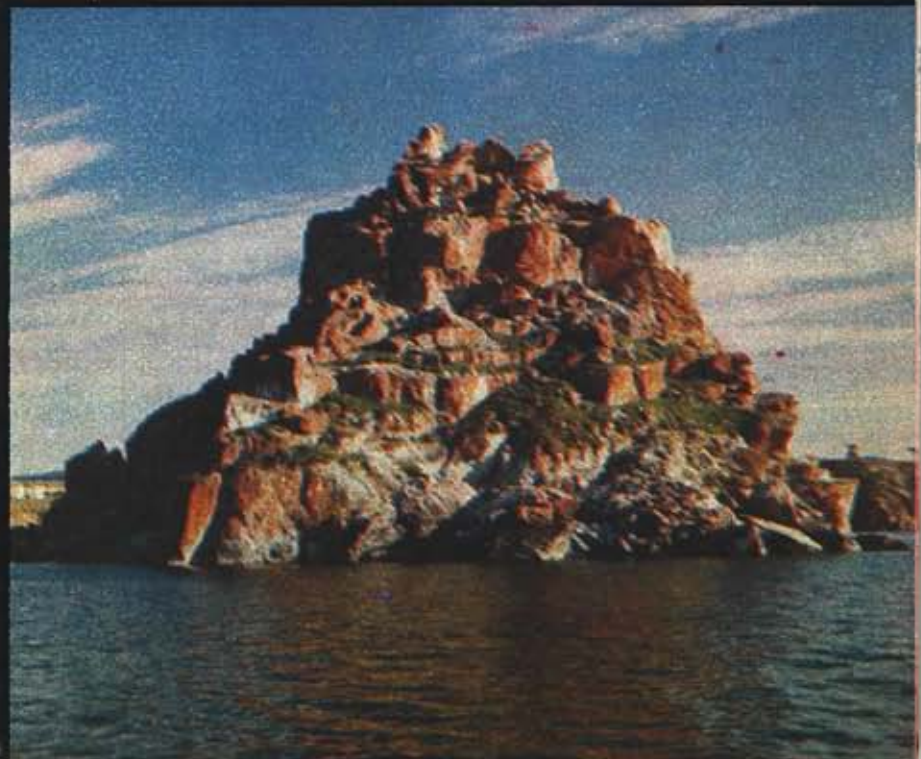
Рано утром, задолго до восхода солнца, или уже на закате вы можете сесть в лодку и плыть вдоль берега. Если вы будете достаточно осторожны, то обязательно встретите медведя и даже сможете приблизиться к нему на несколько метров. Если вам повезет, вы увидите и даже сфотографируете сразу несколько этих бурых великанов. Нигде во всем мире вы не найдете ничего подобного, берега северного Байкала в этом отношении — места совершенно уникальные. Сохранить их природу со всеми присущими ей удивительными явлениями — долг нашего поколения, так как через десять — пятнадцать лет сделать это уже не удастся.

Не менее важно уберечь прекрасный мир природы селенгинской дельты. Организация здесь заповедника позволит

возродить колонии гусей, лебедей и цапель, спасет от исчезновения редчайшие «наземные» гнездовья орланов-белохвостов, возьмет под надежную охрану места массового гнездования, линьки, а также скопления на весеннем и осеннем пролете громадного количества водоплавающей дичи.

Одновременно нужно срочно приступить к практической организации на Байкале заповедника другого типа — Байкальского национального парка. Для его создания наиболее пригодны участки природы в районе бухты Песчаной, в Чивыркуйском заливе, в Малом Море, на Ольхоне и на северном Байкале между мысом Турали и бухтой Фролихой.

Центром Байкальского национального парка должна стать бухта Песчаная. Это, несомненно, самый прекрасный и неповторимый уголок байкальского побережья. Если бы вдруг вам представилась возможность сотворить для человека «земной рай», вы не смогли бы создать ничего более отвечающего этой задаче, чем бухта Песчаная. Песчаная — грандиозный архитектурный ансамбль природы, богатство и разнообра-

ХОЗЯИН ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ТАЙГИ.

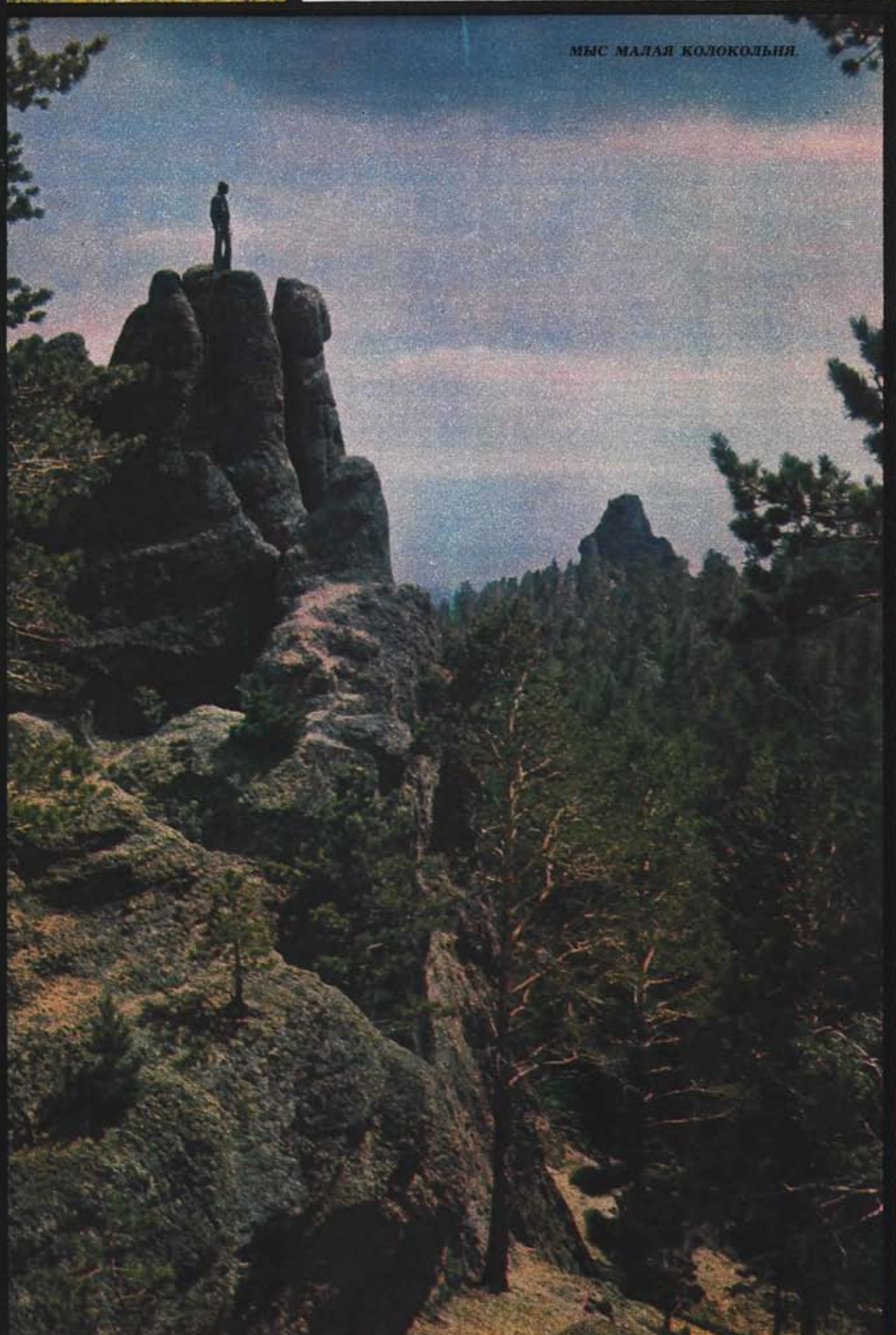
зие которого удивительны даже для Байкала, бесконечно щедрого на всяческие красоты и достопримечательности. Только тот, кто преодолел две тысячи километров байкальского побережья и видел весь Байкал, может по достоинству оценить это подлинное чудо природы. И не случайно Песчаная — Мекка туристов.

Создание сети этих охраняемых территорий даст надежную гарантию сохранения природы Байкала.

Байкал неповторим. Ему нет цены. Он стал неотъемлемой частью нашего

национального сознания. В отношении к этому чуду природы нужна особая мера вещей. Его нужно беречь и охранять прежде всего для отдыха, лечения, путешествий, для воспитания очарованных душ и высоких стремлений, для духовного обогащения народа.

Хочу закончить наше путешествие по священному морю дорогими для всех словами Леонида Леонова: «Байкал не только бесценная чаша с живой водой, но, кроме того, часть души нашей. В радостях и печалях, на пиру и во фронтовой землянке пели мы про Байкал, черпая из него заглазно, наряду с прочими великими источниками, богатырскую силу нашу».

МЫС МАЛАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

ЕГЕРЬ ЗАКАЗНИКА «БУХТА ПЕСЧАНАЯ» Э. МАЛЫХ.

МЫС ОНГОКОНСКИЙ
В ЧИВЫРКУЙСКОМ ЗАЛИВЕ.

Перед утром ему приснилось, будто подъем этой машины, «груши» и опорного кольца второго конвертера, прошел без него — он, как и договаривались, приехал к началу смены, а Гиричев с Алексеем Ивановичем смеются: ты извини, мол, Андреич, мало-мало опоздал, осталось тебе только принять работу, все уже на месте стоит, как будто сто лет тут стояло...

Он потихоньку проснулся, подумал опять: неужели и верно в тот раз он переусердствовал, когда руководить установкой взялся сам? У них велось, считай, уже несколько лет: любой «ПОР» на сложный подъем они с Гиричевым сперва проверяли по отдельности, потом сажались рядком, звали Алексея Ивановича и все уточняли да обговаривали. У Гиричева, несмотря на молодость — студенческие штаны, небось, едва успел доносить, — монтажной хватки хоть отбавляй: и башковит и хватист. А если к этому прибавить опыт да смекалку их лучшего бригадира, прибавить расторопность за долгие годы вышколенных им отчаюг да умельцев... За спиной у Алексея Ивановича и бездельнику бы жилось, как у Христа за пазухой, а с толковым прорабом были они пара, каких поискать. Потому и повелось: с вечера договаривались обычно, когда начать, — все при этом чуть ли не сверяли часы, — а потом Гиричев с Алексеем Ивановичем или оставались в ночь, или вместе со слесарями на несколько часов раньше приезжали на «аварийной»... И к тому времени, когда трестовское начальство подъезжало, чтобы застать начало подъема и еще раз отдать «пру», все уже было позади. Котельникову оставалось заодно со всеми удивляться, и для порядка он, конечно, журил хлопцев и громким голосом строго предупреждал, чтобы это в последний раз, а они калялись и обещали, что да, больше такого не случится, но при следующем трудном подъеме все в точности повторялось, и это было не то чтобы уступка суеверию, не то чтобы игра в фарт: просто и Котельников и прораб его с бригадиром считали, что каждый должен заниматься своим делом и успешнее всего люди занимают им тогда, когда никто их по мелочам не дергает, над душой у них не стоит, под ногами не болтается.

Может, надо было и сумасшедший этот подъем тоже передоверить Гиричеву, а не встречать самому — хотя как тут, конечно, передоверишь, если даже бумага такая специальная была: разрешается только под персональную ответственность главного инженера монтажного управления Котельникова. И тут уж ничего не поделаешь, мудрецы все стали, глядишь, в случае чего такая бумага и сгодится, кого-нибудь да прикроет.

Эти свои грустные, в полусне пришедшие размышления Котельников решил было заспать, но уснуть ему больше, как ни старался, не удалось, в чуткой дреме он слышал, как вставали и дед и бабушка, как потихоньку переговаривались:

— Ты-ко не поднимай Андреича. Оставь зоревать.

— Пусть, однако, зорюет...

К рассвету горница выстыла, и край тулупа, который выбился из-под матраца и которого Котельников касался щекою, был прохладен, от пола и самодельных половиков исходили запахи старого жилья, в котором испокон сушили травы, проветривали кедровые орехи, били шерсть, пряли, мяли кожи, делали всякую другую работу, а из кухни приносило теплый дух свежего хлеба, уже доплывал оттуда сытый мясной парок, и Котельникову уютно было лежать в полудреме и слышать, как поскрипывает дверь, как скребют по чугунной плите конфорки, потрескивают в печке дрова и сипит, закипая, чайник.

И он уже хорошо вылежался, когда дед, немного постоявший в проеме двери, глядя на него, неторопливо сказал:

— Спишь, Андреич? А там рыбки топчутся, аж спины у самочек трещат...

Котельников улыбнулся:

— Так ведь не весна — осень...

— От и мы им с бабушкой-то доказуем, — оживился дед. — А им все одно.

— И то, — сказал Котельников. — Чего им? Воздух тут свежий...

Он уже натянул синие трикотажные брюки и теперь, скрестив руки на груди, сидел на своей постели на полу, а дед прижился на небольшом сундуке у двери, не спеша снял и пристроил на коленке старую, с потертым кожаным верхом шапку.

На кухне за его спиной еще горела лампа, от печки на стене возникли блики, опадали и снова начинали полыхать, озаряли крепкую и гладкую, как яйцо, макушку деда, и светлыми были его широкий лоб, косматые брови и хрящеватый кончик большого носа, однако зрачки под крутыми надбровьями поблескивали как бы из полумрака, и

темною казалась сейчас его изжелта-белая, почти до пояса борода.

— Ты мне вот что, Андреич, скажи. Почему так? Замолчал и наклонился пониже, словно всматриваясь в Котельникова, и тот, отвечая тоже внимательным взглядом, уже в который раз подумал о жадности, с которой дед готов был вести разговор хоть вечером, хоть утром, — пять дней живет у него Котельников, а дед все еще не наговорился.

— Вот у тебя двое. Так? И ты по нынешним временам, считай, многодетный. А у нас с бабушкой восемь человек. И мы, считалось, середнячки. Не мало, однако, но и не много.

— Некогда нам, дед. Все некогда.

— Мы и то с баушкой радио слушаем: дак, а когда? Ну, давай, Андреич, за стол.

— А может, сперва сетешки глянем?

Дед согласился:

— Давай сетешки.

Но прежде Котельников зашел за печь, подождал, пока Марья Даниловна кончит размешивать поило, потом подхватил ведро и вышел на улицу.

Утро было студеное, гальку под обрывом укрыла изморозь, и темная река стлыла меж поседевших берегов, а дальше чернела тайга, лишь кое-где крапленая темно-рыжими островками осинников, синеватый туман зыбился над ближней согрой, густел у подножия сопки, а над ними, неровно высечивая зубчатую кромку леса, растекалась ярко-желтая полоска зари, и нижние гривки были уже оплавлены солнцем, сквозили те, что повыше, а самые верхние еще блекли в размытой просини.

Из будки вылезла Найда, выгнулась, прошла мимо Котельникова, плотно задев боком его сапоги, ударила хвостом и ткнулась в руку на дужке, и он взял ведро в левую, а правую положил ей на голову, и собака подняла внимательные карие глаза и посмотрела на него так, словно этого она и хотела, чтобы он погладил да потрепал за ушами.

Он нагнулся, пытаясь разглядеть щенят.

В глубине конуры щенята жалась друг к дружке так, что невозможно было понять, где там чья голова, и он улыбнулся, глядя на этот символ родства, а Найда благодарно лизнула его в щеку, будто давала понять, что ей ведомо, о чем он думает.

Плотный, коротконогий бычок, пригнув голову, стоял на краю поскотины, уже ждал его и, увидев, нетерпеливо взмыкнул. Отталкивая его твердый,

глухим шумом снова уходила под борт, в черную глубину. Котельников напрягся еще, пытаясь обогнуть узкий мысок и заскочить в курью с ходу. Отозвался, когда уже развернулся в курье:

— Думаете, теперь пойдет рыба?

Дед с сомнением прищурился:

— Да, если осталось кому идти...

И Котельников понимающе кивнул.

Лето отстояло погожее, без дождей, вода в Терси падала, как никогда, и машины по бродам да перекатам пробрались далеко, поднимались выше обычного. К обмелевшим ямам и омутам, где гулял хариус да от сталегорских фенолов отполаскивался в горной воде таймень, царапались на подвесных моторах, скреблись на водометах, которых и в городе и на новостройке развелось невидимо.

Там, где раньше темнела лишь холодная глубина, рыбу, говорят, выдать было глазом, и сколько можно добыть, прикидывали заранее. Выбирали потом неводами, на ночь ставили сети, а напоследок лучили и выбывали острогой, долавливали «японскую удочкой» — тончайшей сеткой на длинном шесте. В верховье рыбу коптели, вялили и солили, везли в город мешками и бочонками, все лето среди будок с моторами на берегу шел за бидончиком пива посреди рыбьих костей разговор, кто чего сколько взял, а к осени вдруг возник прочный слух: все, выгребли Среднюю Терсь, ничего не осталось. Нету.

— Ты мне, Андреич, вот что, — громко сказал дед, шестом помогая Котельникову развернуться вдоль сети. — Все эта трепотня про акулогию, как баушка ее называет... Она не за тем ли, чтобы умные люди сообразили, что у природы все не сегодня-завтра издержится, да успели бы напоследок попользоваться? Ты не думал?

Сеть была почти пуста, и потом, когда она лежала посреди избы в цинковом корыте с высокими краями и среди запутаншейся в мокрых ячеях рыжей листвы лишь кое-где серебрилась мелкая рыбешка, Котельников с усмешкою подумал, что в просторной сквородке на столе ельцов, пожалуй, побольше. Вверх вспоротыми брюшками они торчали плотными рядами, и распаренные на коровьем масле их белые бока не хотели отлипнуть один от другого, а с ребрышек их можно было снимать губами и не жевать — они таяли, стоило только слегка прижать языком. Рыбы спинки оставались на сквородке прилипшими к ней ровными руб-

Гарий НЕМЧЕНКО

ЖИЗНЬ НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ

пока с завитками шерсти на месте рогов лоб, Котельников поставил ведро с той стороны прясла, просунул руку между слегами и взял за край, придерживая, а бычок тут же ткнулся мордой и зацедил вздох.

Котельников был рад ему и, придерживая ведро ладонью, пальцами опять потрогал лоб с крутыми завитками. Бычок тут же боднул, измазав Котельникову руку, потом поскоклял еще немного и слегка отступил. Вытягивая шею, стал поддавать лбом, словно хотел поддеть ведро и приподнять его. Котельников убрал руку, отдал долизывать почти пустую посудину, а сам пошел к реке, где дед уже погромыхивал цепью, отвязывая лодку.

Когда сидел на корме и греб, Котельников опять припомнил свой сон и усмехнулся. Поднажал веслом справа, и лодка легко выскочила на стрежень, нос стало заносить, и он поднажал опять.

Дед, боком стоявший в носу с шестом в руках, обернулся к нему, слегка повел бородой:

— Однако потеплело в верховьях.

Вода вскипала тугим буруном, на миг светледа и с

цами, и Котельников соскребал их металлической ложкой, отправлял в рот и тоже как будто к чему-то прислушивался. Снова глянул потом на пустые сети и нарочно вздохнул:

— Так мы скоро себя не прокорим, дед. Придется переходить на кильку в томате.

Тот отер о хлеб испод замасленной ложки:

— Или на «завтрак туриста».

— Сто лет такого не ел, — сказал Котельников.

— А ничего лакомей и нету, — подтвердил дед. — Горная рыба.

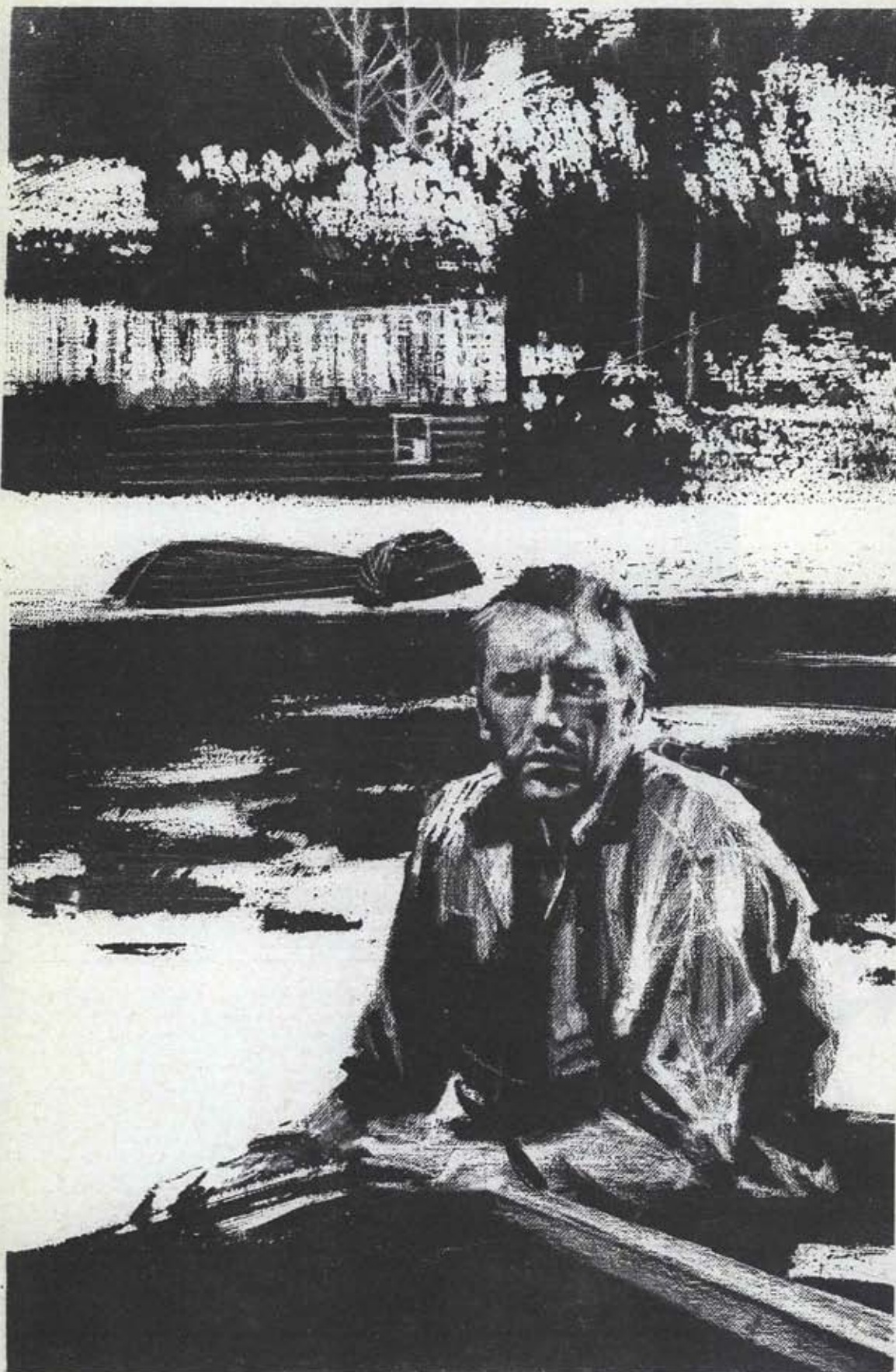
Марья Даниловна разулыбалась, довольная:

— Тебе, Андреич, жена любит стряпать, небось. И хорошо ешь и подхваливать.

— Да ей-то и готовить особенно некогда...

— Вот и наедайся тут.

Изба лепилась у подножия крутого взлобка, притиснувшего к реке подворье с постройками, а за ним начинался пологий и длинный косогор, с просторной залысиной, раздвинувшей тайгу почти до вершины сопки.

С ружьем на плече Котельников медленно шел краем этой залысины, и слева от него уже остались позади черные кресты над оплывшими холмиками совсем крошечного кладбища, а впереди были одна над одной приподнятые увалами хорошо обкошенные поляны, на которых там и тут рядом с рыжими березовыми колками стояли аккуратные светло-серые стожки. Трава под ногами тоже была светло-серой от инея, но тонкие из-за утренней стужи ее запахи казались еще совсем летними, и обломки мерзлых стеблей выстреливали из-под сапог, словно выпрыгивали кузнечики.

Он все поглядывал то на стенку пихтача справа, а то на колки и на стожки, но ни разу не обернулся и, только когда почти вывершил сопку, остановился и посмотрел назад.

Теперь ему открылась вся долина — полукругом подступившие с боков пихтачи, серебристый склон, далеко внизу темные сосновые островки, где прятались три или четыре укрытые дымком кержащие избы, а дальше, уже на равнине, и очерченные неровными квадратами изгородей редкие построй-

ки, и серый каменистый берег с черными дольками просмоленных лодок, и рыбная на перекате речная излучина с пестрою поймой, за которой опять уступами поднималась сизая от тумана и еще глухая, несмотря на высокое солнце, тайга... Но подробностей он как будто не замечал, никакая из них не занимала Котельникова — ему нужен был весь этот густо расцветивший осенними красками, почти безбрежный оком, над которым тонко голубело тихое и ясное небо.

Поднимался он медленно и почти не устал, но ему захотелось посидеть, и он шагнул к невысокому пню, на котором отдыхал тут и вчера и позавчера.

Ружье он положил на колени и сперва только ощущал под руками острый его металлический холодок, а потом посмотрел на него и, продолжая глядеть, задумался.

Купить его помог Котельникову дедов сын Михаил, служивший в прапорщиках у ракетчиков, это он ему однажды сказал: «Старинная пушка есть у одного нашего лейтенанта. Почти сто лет ей. Восьмой калибр. Батя у него ружья собирал, а ему

зачем? Хочет себе хороший транзистор...» «И сколько он за него?» «А две сотни».

Подогретый рассказами о красоте ружья, Котельников наконец поехал к ракетчикам, и по дороге туда начальник участка механизации Уздеев, старый его товарищ и признанный на стройке охотник, подтолкнул его плечом и протянул руку: «Давай сюда гроши». «Это почему?» «Ты торговаться не умеешь, Андреич, я тебя, брат, по оперативкам давно понял. Какой срок на тебя начальство ни взвалит, такой и прешь... Так дело не пойдет. Кто его знает, что там еще за невидаль».

Он усмехнулся, отдал деньги, и Уздеев, пока лейтенант ходил за ружьем, все поглядывал на Котельникова будто свысока, все шурил узенькие глаза: наблюдай, мол, пока я живой, учись! Но потом, когда Котельников достал из потертого, толстой кожи чехла стволы и приклад, когда не очень умело собрал ружье, всегда спокойный Уздеев заволновался и сперва взял в руки набитый пузатыми гильзами патронташ из такой же, как и чехол, грубой кожи, на плечо себе повесил ягдташ, который лейтенант давал в придачу, а потом на доминошный столик в беседке выложил деньги, прихлопнул по ним пальцами и тут же взял Котельникова за руку, потащил за собой: «Надо нам, брат, спешить, а то, я гляжу, на собрание опоздаем...»

И ружье они рассматривали, сидя в «газике» рядком позади шофера, то и дело отбирали его друг у друга, поворачивали стволами то в одну, то в другую сторону...

Стволы были витые, дамасской стали, темно-серые, с коричневыми разводами; тугие, словно только от мастера, курки с красивой насечкой напоминали откиннутые в стремительном порыве конские головы; на щечках с той и с другой стороны ярко рыжела только чуть подтертая с краев позолота — два вспугнутых, готовых взлететь с воды гуся, замерший на ветке глухарь и бегущий заяц. Шейка приклада у ружья сперва казалась излишне тонкою, но густая путаница узлов и изгибов, которые прятались в глухой, потемнее орехового цвета полированной глубине ложа, словно напоминала о вековой крепости дерева, которое поддалось времени меньше, чем тонкая костяная планка на тыльной стороне или металлический кругляшок с монограммой на гребне приклада — этот был истерт до того, что буквы на вензелях, как ни пытались, разгадать они так и не смогли.

И Котельников часто старался представить себе первого владельца ружья. Вот он, этот неизвестный Котельникову соотечественник, в ясный полдень с ружьем через плечо идет по жнивью... Вот останавливается около золотистой копейки, бросает около нее измазанную кровью сетку с дробью, снимает с себя патронташ, такой тяжеленный, что его должен поддерживать на поясе еще и перекинутый за шею ремешок... Вот он ложится на теплую хрусткую солому, раскидывает руки, глядит в глубокое небо.

Как далеко еще до атомной бомбы, сверхзвуковых скоростей, перенаселенности, загрязнения, стрессов!

Котельников впервые стал так ясно ощущать это спокойствие прошлого века, и бывшее свидетелем его старое ружье до сих пор как бы хранило в себе частицу этого спокойствия, и не только хранило — оно, казалось, могло его отдавать.

И теперь, когда сидел на пеньке и глядел на свое ружье, Котельников словно ждал, когда к тишине вокруг прибавится и другая тишина — та, которая живет в нас самих.

За нею и приезжал Котельников к деду. За нею каждый день уходил в тайгу...

Второй раз он отдыхал, когда перевалил через несколько сопки и был на вершине самого высокого в этих местах разлома. Пенек он опять выбрал с таким расчетом, чтобы видеть долину, которая стала теперь еще глубже не только из-за высоты хребта, но больше из-за прозрачности воздуха — к полудню он набрал такую ясность, от которой на душе у Котельникова было и светло и отчего-то печально.

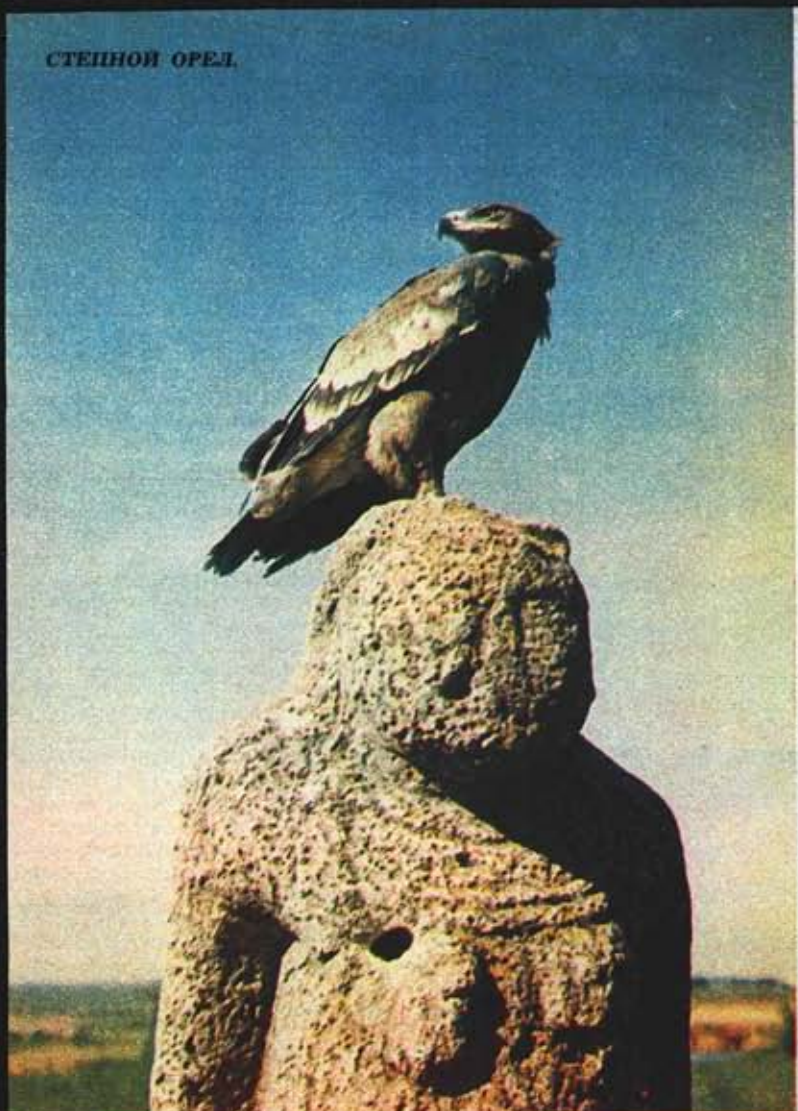
Казалось, достигли предела и осеннее это тепло и тишина — даже на молодых осинах вокруг листья не шелестели и не подрагивали, они только падали и падали, словно деревья собирались облететь за какие-нибудь пять или десять минут, пока Котельников будет сидеть на пенечке, и он, притихнув, следил за косым их летом и слушал, как они еле слышно постукивали о пустеющие ветки, как слабо шуршали потом, когда с разгона касались травы...

Котельников подумал, что, может быть, это какой-то пик листопада — серая поляна в глазах у него стала пестрою от желтизны и багрянца.

На поваленном дереве рядом он увидел бурундучка. Тот смирно сидел на сломке, черными глазками глядел на поляну, словно тоже наблюдал листопад.

День вдруг померк, и Котельников, прищурившись, посмотрел вверх.

СТЕПНОЙ ОРЕЛ

КРАСНАЯ КНИГА СССР: ПТИЦЫ

ЖУРАВЛЬ-БОЛОТНИК
НЕ ЗАНИМАЕТСЯ РАБОТОЙ НА ПТИЦАХ

РОЗОВАЯ ЧАПКА

БОРОДАЧ

ФЛАМИНГО

ПЕЛИКАНЫ

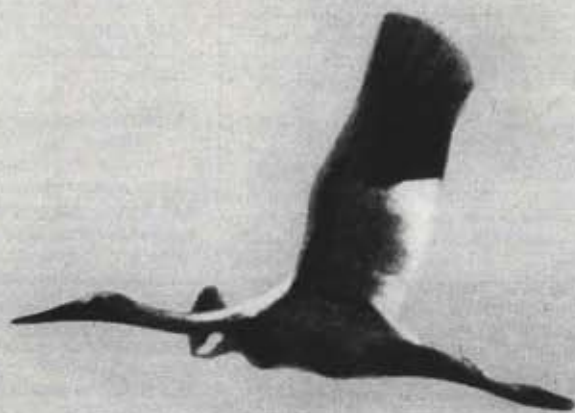

Находящиеся под угрозой исчезновения:

Белоспинный альбатрос, красноногий ибис, дальневосточный белый аист, краснозобая казарка, горный гусь, хохлатая пеганка, чешуйчатый крохаль, бородач, кречет, пустынный сокол, или шахин, каспийский улар, тибетский улар, алтайский улар, японский журавль, белый журавль, или стерх, даурский журавль, черный журавль, дрофа-красотка, или вихляй, охотский улит, серпоклюв, кроншнеп-малютка, тонкоклювый кроншнеп, реликтовая чайка, тибетская саджа, чешуйчатый дятел, тростниковая сутора.

Редкие:

Розовый пеликан, кудрявый пеликан, черный аист, фламинго, малый лебедь, белошекая казарка, сухонос, гусь-белошей, мраморный чирок, мандаринка, савка, белоплечий орлан, орлан-белохвост, орлан-долгохвост, кумай, беркут, могильник, степной орел, змеелд, скопа, сапсан, балобан, кавказский тетерев, дикуша, турач, султанка, дрофа, стрепет, кречетка, азиатский бекасовидный веретенник, кулик-лопатень, розовая чайка, буроголовая чайка, алеутская крачка, белогрудый голубь, пустынный воробей, большой чекан.

Владимир ФЛИНТ,
доктор биологических наук

СТЕРХ

Н

а многие сотни километров протянулись низменные болотистые тундры между речья Яны и Индигирки. С самолета кажется, что и сухой земли здесь нет: десятки тысяч озер, больших и малых, сливаются в причудливую мозаику и сверкают на солнце, точно бесчисленные осколки гигантского зеркала. Безлюдной и неприветливой кажется

тундра. Но люди здесь живут: в летние месяцы кочуют среди озер оленеводы со своими стадами, на берегах крупных озер и рек можно встретить избушки рыбаков, а зимой, когда все укрыто сплошным снежным одеялом и пурга наматывает многометровые заструги, сюда приходят охотники на песцов.

Летом тундра — царство птиц. Гуси, гагары, утки, чайки и бесчисленные кулики наполняют воздух звонкими голосами. Именно здесь, в соседстве с колониями розовых чаек, строит свои гнезда и выводит птенцов одна из самых редких и удивительных птиц — прекрасный белый журавль — стерх, а якутски — каталык. Не многим орнитологам удалось наблюдать стерха в его родной стихии, и уж совсем единицам выпало счастье увидеть гнездо белого журавля.

Замечательна сама внешность стерха. Крупный, заметно крупнее серого журавля, снежно-белый, с черными концами крыльев, с ярко-красным «лицом» и ногами, он несет в своем облике что-то древнее, что-то тропическое, удивительно нездешнее. Увидеть белого журавля было моей сокровенной мечтой на протяжении многих лет.

История изучения стерха — это цепь отрывочных свидетельств и случайных наблюдений. Как зоологический вид он был описан еще русским естествоиспытателем Петром Палласом в 1773 году, а гнездо с кладкой впервые было найдено почти двести лет спустя.

Сейчас твердо установлены только два района гнездования стерха, и оба они расположены на территории Советского Союза. Первый район — это низовья бассейна реки Обь, рек Конда и Сосва. Места эти труднодоступны, покрыты бескрайними и почти непроходимыми моховыми болотами с чахлыми остатками хвойных лесов. Сорок лет назад зоолог Раевский наблюдал здесь гнездящихся белых журавлей, и с тех пор новых очевидцев не появилось. Однако стерхи продолжают гнездиться в этих негостеприимных местах: их ежегодно видят на пролете в Казахстане и дельте Волги. От дельты Волги стерхи поворачивают на юго-восток, к зимовке в заповеднике Гхана Бхаратпур в Индии. Здесь проводят они всю зиму, и здесь-то удается их пересчитать. Судя по этим подсчетам, обская популяция не превышает сейчас 70—80 птиц.

Второй основной район гнездования белых журавлей — тундры Северной Якутии от Яны на западе до Алазеи на востоке. Жизнь этой популяции также долгое время оставалась загадкой. Только весной 1960 года орнитолог К. А. Воробьев проник в места гнездования стерха и нашел наконец его гнездо. Увы, оно оказалось пустым: вылупившиеся за день до этого птенцы уже покинули гнездо, и все поиски не привели ни к чему. Родители беспокойно метались вокруг людей, пытаясь отвлечь их внимание от затаившихся где-то в траве птенцов. А пять лет спустя, 11 июня 1965 года, автор этих строк стоял над плоской, хорошо утрамбованной кучей сухой осоки. Посреди нее, в небольшом углублении, на расстоянии ладони друг от друга, лежали два крупных зеленоватых-оливковых, почти горячих яйца стерха. Было раннее солнечное утро, на соседнем озере беспокойно кричали чайки, им вторила пара гагар, воздух наполнился песнями подорожников, а я стоял, ничего не видя, кроме этих яиц, этого гнезда, и чувствовал себя самым счастливым человеком на планете: сбылась моя, казалось бы, несбыточная мечта!

Сейчас мы многое знаем об образе жизни белого журавля в якутских тундрах. На места гнездовья птицы прилетают в конце мая и почти сразу же распределяются по гнездовым территориям. Каждая пара занимает одну и ту же территорию из года в год, хотя само место устройства гнезда может меняться. Гнездо белые журавли строят в сырых местах, на залитых весенними водами обширных приозерных низинах, где птица имеет хороший обзор. Само гнездо строится из прошлогодней осоки, куда добавляется и свежая, только что пошедшая в рост трава. Пары гнездятся обычно на расстоянии 20—25 километров друг от друга, но иногда и значительно ближе. Располагается гнездо на кочках, где все же немного посуше. Сроки откладки яиц зависят от хода весны, иногда первое яйцо откладывается рано, уже в первых числах июня, но чаще позже, около 10—12 июня. В кладке, как правило, два яйца, но птенец вырастает почти всегда один. Второго старший пте-

нец, вероятно, заклеивает, и таким образом второе яйцо составляет как бы резерв. Это явление характерно и для других журавлей, например, для американского. Журавлиные семьи долго не распадаются: родители опекают и обучают птенца вплоть до следующей весны, когда они снова приступают к гнездованию. Гнездиться молодые птицы начинают только на третьем году жизни, хотя пары образуются уже в возрасте двух лет. Такие, еще не размножающиеся пары, хоть и проводят лето в области гнездования, но гнезда пока не строят. Годовалые же птенцы, как и особи, потерявшие супруга, часто кочуют далеко от якутских тундр.

У гнезда стерхи очень осторожны. Несмотря на белую окраску птицы, найти гнездо очень трудно. Птицы всегда замечают приближающегося человека раньше, чем он их, и тогда самец подает тихий предупреждающий сигнал, по которому самка встает с гнезда, отходит, пригнувшись, метров на 100—150 и только тогда взлетает. В это же самое мгновение поднимается в воздух и самец. Покружив немного, птицы садятся, и лишь в том случае, если человек продолжает двигаться к месту расположения гнезда, начинают проявлять признаки беспокойства. Они издают громкие крики, развевая крылья, часто начинают демонстративно приближаться к нарушителю покоя. Чтобы выследить гнездо стерха, мне пришлось почти сутки пролежать в спальном мешке, укрывшись за старой песцовой ловушкой, находившейся не менее чем в полутора километрах от гнезда. К слову сказать, от четвероногих и пернатых хищников белые журавли защищают гнездо очень активно и успешно отгоняют даже песцов.

Стали известны нам сейчас и другие факты. До последнего времени считалось, что в тундрах Якутии гнездится около семисот пар стерхов. Увы, детальное обследование с самолета и наземные подсчеты показали, что картина далеко не так оптимистична. По нашим данным, якутская популяция насчитывает не более трехсот птиц, из которых большая часть не гнездится. А число реально гнездящихся пар не превышает шестидесяти. При общем невысоком потенциале размножения эта цифра должна рассматриваться как недвусмысленный сигнал бедствия! Она означает, что любое неблагоприятное изменение природных условий может оказаться роковым для стерха. Это также означает, что гибель каждого белого журавля должна расцениваться как непоправимая утрата.

Первые шаги уже предприняты: стерх включен в «Красную книгу Международного союза охраны природы» и в «Красную книгу СССР». Это означает, что он взят под особую охрану, под особое наблюдение. Но ведь этого мало...

Нужно создать такие условия для стерхов, чтобы они могли беспрепятственно строить гнезда и выводить птенцов, чтобы их никто не тревожил. Для этого необходимо организовать заповедник, отделить стерхам небольшой участок нашей необъятной тундры, оградив его от всякого хозяйственного вмешательства человека. Но создание заповедника—дело сложное. Да и долгое. А так хочется уже сейчас чем-то помочь редким птицам! И вот в Центральной лаборатории охраны природы родился проект операции «Стерх»... Но для того, чтобы рассказать о ней, придется сделать небольшое отступление.

Зимуют стерхи за пределами Советского Союза. Значит, чтобы спасти их от исчезновения, охранять во все сезоны года, на всех этапах жизни, нужны усилия ученых и общественности многих стран. Иными словами, проблема спасения стерха, как, впрочем, и любого другого редкого вида,—проблема международного.

Около ста лет назад несколько десятков стерхов регулярно проводили зиму в юго-западном Иране, на обширных болотах, где сейчас находится национальный парк Арджан. Прилетали в Иран эти птицы вместе с обычными серыми журавлями откуда-то из Западной Сибири. Более точно назвать отправной пункт путешествия сейчас уже нельзя. Стерхов в прилетающих стаях становилось все меньше и меньше, пока, наконец, они не исчезли совсем, хотя серые журавли продолжали на зиму останавливаться на тех же болотах. Значит, эта популяция стерхов исчезла, вымерла. А дальше ученые рассуждали так: если стерхи прилетали в Иран вместе с серыми журавлями, значит, они и гнездились где-то неподалеку друг от друга. А раз так, то решено было повторить эксперимент, который начал сейчас в Соединенных Штатах. Эксперимент дерзкий: для восстановления угасшей популяции американского журавля яйца этого вида из канадского национального парка Вуд Баффало перевезли на самолете за сотни километров в заповедник Озеро Грейс в штате Айдахо и подложили в гнезда другого, более мелкого вида—канадского журавля, который достаточно многочислен. Эксперимент еще не закончен, однако первый успех налицо: канадские журавли благополучно вывели приемных детей, вырастили их, вместе с ними совершили осенний перелет к местам зимовок. Таким образом, уже образова-

лась новая стая в девять американских журавлей, которые живут там, где их предки исчезли около ста лет тому назад. Правда, пока нет твердой гарантии, что американские журавли, достигнув зрелости, не будут образовывать смешанных пар с канадскими. Но у них другой голос, другая окраска, и можно ожидать, что природа возьмет свое, что выбор супругов будет правильным.

На основе этого опыта советские и иранские орнитологи разработали совместную программу восстановления угасшей популяции стерха, ранее зимовавшей в Иране. Дело это оказалось непростым. Первый этап операции—узнать, где же гнездятся зимующие сейчас в Иране серые журавли, и таким образом определить место, где раньше жили стерхи. Для этого в прошлом году в национальном парке Арджан в течение февраля были помечены 77 серых журавлей. Метили их особыми пластиковыми лентами, которые прочным замком крепились на крыло. На каждой метке был номер, который можно прочесть в бинокль. Взрослые птицы получили зеленую ленту, молодые—оранжевую. Самым трудным оказалось поймать журавлей для метения: к сетям с реактивными набрасывающими устройствами осторожные птицы не приближались, и весь заранее продуманный процесс поимки пришлось переработать на ходу. Было решено усыплять журавлей наркотизированными приманками, и этот способ оказался эффективным. Еще сложнее проследить путь птиц в бескрайних просторах наших степей и тайги. Ведь для этого нужны тысячи наблюдателей! И мы обратились за помощью к зрителям программы «В мире животных», объяснили им нашу задачу и пригласили их принять участие в поисках. Сотни писем были ответом на наш призыв. Правда, только в пяти письмах были сведения о встречах меченых журавлей, и все эти встречи падали на один и тот же район—Южное Приуралье. А осенью 1976 года пришло самое дорогое для нас известие: журавль с зеленой меткой и номером 22 был найден в Оренбургской области охотником Сомовым. Весть эта омрачилась тем, что сам журавль погиб, но значение находки искупало эту потерю. Теперь мы знаем несколько вех на пути полета журавлей и сможем уже этим летом проследить его дальше. Тем более, что из Ирана получены важные новости: в феврале там снова помечено 99 серых журавлей. Это значит, что проследить их путь будет уже легче!

И все же найти места гнездования серых журавлей—только первый шаг нашей операции. В следующие годы мы собираемся перевезти из Якутии несколько яиц стерха и положить их по примеру американских орнитологов в гнезда серых журавлей. Много трудностей и риска в этой работе, но мы глубоко верим в успех.

Есть и другой путь спасения редких видов от вымирания—размножение их в неволе. Конечно, такой путь—самая крайняя мера, но он все-таки гарантирует сохранность вида и уже несколько раз оправдал себя, когда все надежды казались потерянными. Нельзя пренебрегать им в отношении стерха.

Несколько лет тому назад был основан Международный союз охраны журавлей. Этот союз имеет в Висконсине (США) специальную ферму, на которой разводятся те виды журавлей, которым грозит опасность.

И вот после долгих обсуждений было решено передать Международному союзу по охране журавлей шесть яиц стерха для инкубации. Все детали этой операции сейчас продуманы до мелочей.

Летом 1977 года группа сотрудников Центральной лаборатории охраны природы отправится в Северную Якутию. Здесь мы из шести гнезд стерхов возьмем по одному яйцу, поместим их в переносной термостат и сначала на вертолете, а затем самолетом доставим в Москву. Там уже будет ждать представитель Международного союза по охране журавлей, который через Лондон перевезет яйца в Висконсин, где их немедленно положат в инкубатор. Вся операция по перевозке должна занять не более 48 часов. А потом, два-три года спустя, выросшие журавлята вернуться в Советский Союз, на родину.

Журавли всегда имели для человека какой-то символический смысл. Для русского человека печальный голос улетающих на зиму журавлей символизировал прощание с летом. Для американцев и канадцев борьба за спасение американского журавля стала символом массового движения за спасение природы. Угандийцы после освобождения от колонизаторов поместили изображение венценосного журавля в герб независимой республики. У многих народов убийство журавля считалось тяжким преступлением. Журавли вдохновляли творчество многих поэтов, художников, писателей—от глубокой древности до наших дней. И это не случайно: наравне с соколами, орлами и лебедями журавли—одни из прекраснейших птиц земли. Наш общий долг, дело нашей чести—спасти от исчезновения стерха, белого журавля наших северных тундр.

ЖИЗНЬ НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ

Начало на 22-й стр.

Сперва ему показалось, что у него кружится голова,—расплывшееся снизу солнце стремительно неслось по краю плоского облачка, и только когда оно нырнуло в плотную, косым парусом нависшую над долиной синь, он понял, что это набежавший верховик принес тучку.

Разом потемнело и стало холодно. Запахивая воротник на куртке, он увидел на руке разлапистую снежинку, и тут же закружились, замельтешили крупные хлопья, сизовато-белая пелена закрыла долину вдалеке, затушевала ближние деревья, и это превращение всего вокруг было неожиданным и было мгновенным, как перемена судьбы.

Он всматривался в неслышное мельканье белого с желтым, ему показалось, что листьев летело сейчас заметно больше, и Котельников понял, что теперь они обламывались еще и от прикосновения снежинок.

Он так и сидел на пеньке, когда белые хлопья перестали падать так же в единый миг, как и начали, словно поляну кто-то прикрыл ладонью.

Ему почудилось, что на поляне он не один, что кто-то наблюдает за ним исподтишка, и, оборачиваясь, Котельников снова увидел маленького бурундучка. Бурундучок тут же перестал косить своими бусинками, и по тому, как тихонько он сидел на том же сломке, Котельников понял, что зверек так никуда и не уходил, а тоже смотрел на этот неожиданный среди ясного полдня снегопад.

— Эй!—негромко позвал Котельников.

Но бурундучок не пошевелился.

Тогда он нашел под ногами обломок ветки, несильно кинул его в сторону зверька, и на этот раз бурундучок живо обернулся всей тушкой, с любопытством уставился крошечными глазками.

— Привет!

Раньше Котельников охотился мало, и никогда почти никто ему не попадался—это сейчас, когда он как будто заключил со зверьем мир и ружье с собой носил больше для вида, зайцы стали выпрыгивать прямо у него из-под ног, и копалухи спокойно дожидались его на кедре, и рябчики встречались обязательно выводками... А сегодня старая белка, уже с хорошим мехом, как бы дед сказал, дошла и, никак не давала подойти к ней на верный выстрел, удирала от него что есть мочи, отчаянно взмахивала хвостом, передая с одной пихотки на другую, пряталась в ветках, и он находил ее и шел снова, пока она не вывела его на ту гривку, где стояла старая триангуляционная вышка.

Ружье, не раздумывая, он прислонил внизу, по сторонам опять пытался не смотреть, а на верхушке сперва стал лицом к солнцу, но тут же вспомнил, что смотрит туда, где город, и тогда осторожно перешагнул через лаз в днище вышки, стал глядеть в противоположную сторону, на восток.

И этот громадный завод, который они построили, и поселок—все это осталось у него за спиной, а впереди, в долине, сколько хватало глаз, опять были польхавшие осенним золотом, яркие среди зеленой темноты пихтача березнячки да осинники... Захватившие внизу почти все вокруг, они постепенно отрывались один от другого все дальше, постепенно гасли, пропадали за холмами, за пересечением хребтов, окончательно растворялись наконец среди черной, уже безлиственной тайги, над размытой зубчаткой которой в прозрачной сини стлели вдалеке ледяные шапки гольцов.

Котельникову стало зябко, он только теперь почувствовал, что перед этим вспотел,—здесь на вышке не то чтобы подувал ветер, просто веяло иногда каким-то особенным, казалось, поднебесным холодком.

Внизу ему захотелось есть, но он решил добраться до первого ручейка. Бабушка, считавшая своим долгом каждое утро собирать Котельникова, кроме крохи домашнего хлеба да куска солонины, опять положила ему и сахар и закопченный чайник, но возиться с костром он не захотел, а только зачерпнул кружкой из ручья и стал медленно жевать посыпанный солью ноздреватый хлеб и, не торопясь, запивать его холодной, такою, что ломило зубы, водой.

Простая эта трапеза что-то напоминала Котельникову... Или послевоенное детство, когда не было ничего дороже и ничего вкуснее крохи, посыпанной крупной серою солью? Или другое, тоже

теперь далекое время, в самом начале стройки, когда Вика еще не приехала и жил он один, опаздывал после работы в магазин, а потом находил дома корочку и так же посыпал солью...

Теперь он хорошенько устал, и оттого, что гудели ноги, что влажное тепло ощущал под мышками, что неторопливо, но с жадностью откусывал от горбушки, был Котельников счастлив.

Он завязал шнурок на рюкзаке, стал было примериваться, чтобы пристроить его под головой, но потом бросил рядом, сцепил руки на затылке и медленно, словно потягиваясь, опустился на спину.

Острая травинка небожно ширинула его в щеку, но он не стал ломать ее, а только слегка отогнул.

Глядя на сквозившие кроны берез над головой, он лежал, не думая ни о чем, а словно пытался наполниться про запас этим благостным ощущением светлого и ясного осеннего дня.

Мир и покой царили у него в душе, все было хорошо, но ему вдруг почудилось, будто все же чего-то недостает, он к самому себе прислушался, и что-то еле уловимое шевельнулось в нем сладко: журавли!

Не хватало их тонкого клика над прозрачной тайгой, не хватало мягко реющих крыльев и этого из двух подрагивающих строчек состоящего клина...

И тут он понял, что это его желание увидеть над собой покидающих родину птиц было каким-то чудом угаданное им предвещие их появления, что они уже летели и были скорее всего недалеко, — он приподнялся и сел, опираясь на руку, стал ждать...

Вечером дед принес в избу круглую, плетеную из прутьев корзину, на дне которой жались щенята, поставил на половики посреди комнаты. Котельников отложил неисправный фонарик, присел перед корзиной на корточки, а дед сходил на кухню, пошуршал там, что-то пересыпая, вернулся с пустым лукошком. С подоконника на край швейной машинки переставил лампу и слегка прибавил огня.

Потом появились на середине комнаты три табуретки, и на одну дед сел сам, другую пододвинул Котельникову, а третью оставил свободной.

Марья Даниловна стала снимать с вешалки у двери шубейку, и дед обернулся к ней:

— Ты нам, баушка, принеси-ка потом мешок.

Котельников все держал руку на дне корзины, и щенята медленно елозили по ней теплыми брюшками, переползали с места на место.

— Все в серединку хотят...

Дед живо откликнулся:

— А кому оно — с краю?

Вернулась Марья Даниловна, кинула на пол сложенный вчетверо пустой мешок.

— А не рано-те?

— А самая пора! — И дед оторвал взгляд от корзины со щенятами, посмотрел на Котельникова. — Будем с тобой, Андреич, испытание проводить. Вроде судьбу решать...

— Ты, смотри мне, пестренького не забракуй, — попросила Марья Даниловна.

И дед нарочно удивился:

— А ты, баушка, разве еще не ушла?

Дед взял из корзины щенка и положил его на середину пустой табуретки. То ли от холода, а то ли оттого, что остался один, щенок мелко подрагивал. Приподнимаясь на коротеньких лапках, туда и сюда повел лобастенькой головой, покачнулся, медленно пошел, заплетаясь, и тут же чуть было не свалился вниз, но каким-то чудом остался на табуретке, слегка отступил, повернулся, медленно пополз в другую сторону и тут едва не сорвался, но опять удержался на самом краю.

Двумя пальцами дед взял его за загривок и опустил в пустое лукошко.

— Ну и что? — приподнял голову Котельников.

Дед развел руками:

— А смотри! Я не запрещаю.

Другой щенок тут же шлепнулся с табуретки, Котельникову показалось, что сильно ударился, и он протянул было к нему руку, но дед опередил его. Подержал на раскрытой ладони, будто взвешивал, покачал головой, а потом приподнял с пола мешок, слегка тряхнул, расправляя горловину. Сунул щенка внутрь и еще раз тряхнул, провозжая его на дно.

От мешка этого, только что лежавшего в темной кладовке, повеяло пустотой и холодом, Котельникову разом все стало ясно, и он смотрел, как под ногами у него на грубой мешковине тихонько шевелятся складки.

А по табуретке уже ползал третий собачонок.

Под конец в лукошке оказались четыре щенка и два в мешке, и эти опять лежали, не поймешь, где чья голова, жались в кучку, а те двое все путались в мешке, никак не могли найти друг друга, и это казалось Котельникову самым горьким.

Дед порывлся в лукошке и одного из щенят вытащил оттуда за хвост. Собачонок повизгивал, изгибался, приподнимал мордашку и взмахивал

передними лапками — норовил цапнуть деда за пальцы. А тот подергивал бородой:

— Ишь ты... ишь ты!

Щенок изловчился, почти достал.

— Молодец! Молоде-ец!

— Пестренький?

— Он самый.

Дед опустил щенка не в лукошко, а в корзину, которая только что пустовала, и Котельников спросил:

— Еще не все?

— А тебя в институт принимали, ты только один экзамен держал?

Дед был, видно, в настроении, и Котельников тоже улыбнулся ему и покачал головой.

Теперь отправился в мешок тот щенок, который провисел вниз головой, почти не шевельнувшись, — он только поскуливал жалобно, будто всхлипывал.

Котельников не выдержал, приподнял мешок и подержал его за угол, подождал, пока щенята скатятся в кучку.

Потом они с дедом по очереди держали в руках то одного, то другого из оставшихся, и он тоже каждому заглядывал в пасть, смотрел, черно ли небо, потом потихоньку совал меж зубами палец, пробовав сосчитать на нем еле осязаемые рубчики.

— Лучше всего, если семь рубцов, — говорил дед. — Девять — это уже плохо, такого не надобно...

И учил Котельникова находить на затылке «охотничью» шишку — ту самую, от которой зависит собачий талант, ее таежное счастье.

Когда подошла Марья Даниловна, в корзинке оставалось только двое щенят, они то и дело сталкивались, но продолжали лазать, так и держась порознь, наверное, каждый из них искал остальных.

— А ты, баушка, недаром в тайге живешь...

— Это-те почему?

— А остался твой пестренький. Наш будет.

И она попробовала нахмуриться, но по глазам было видно, что довольна похвалой:

— Ну! Я же говорила, что Пеструнька молодец.

— Второго кобелька — Парфену Зайкову. Давно просил.

Котельников опустил руку к полу:

— А этих, что в мешке?

— Этих таймешка съест.

— Всех?

— А не знаю. Как у него получится, у таймешки.

Тут я ручаться не могу, если шука раньше поспеет...

Котельников качнул головой.

— Не потому, что дедушка с баушкой плохие. Такой, Андреич, закон. И так по тайге кругом хорошей собаки днем с огнем не найдешь. А почему? Да потому любителей много, а найди среди них, кто с опытом? Подсунут ему, а он потом другому, третьему, и пошел. Работать не работают, а только плодятся. Любую породу можно испакостить...

Он снова качнул головой — да, мол, ничего не поделаешь! А Марья Даниловна поднялась, взяла с пола мешок, положила горловину в корзину. Стала потихоньку вытряхивать из него собачат.

— Пусть-ка все пока поживут, раз Андреичу нравятся. Подкормим Найду, она никого не обидит...

После ужина, когда Марья Даниловна убрала со стола, дед принес чистую тетрадь в клеточку и шариковую ручку, и то и другое пододвинул Котельникову, а сам надел очки, сел, заложив ногу за ногу, строго откашлялся. Бабушка устраивалась неподалеку с веретенем и куделью.

— Так мы куда все-таки? — Котельников раскрыл тетрадь и еще по школьной далекой привычке краем ладони провел по середине. Он так делал и вчера и позавчера, когда они тоже собирались писать, и оттого на внутренней стороне обложки уже виднелся прочный рубец, а белый лист слегка зашершавел. — В редакцию? Или в народный контроль?

Дед положил на стол раскрытую пятерню.

— Вот ты и подсказки, где мне искать управу. Я так думаю, что в леспромхоз да на них же самих и жаловаться — это без пользы. Сколько раз к нам директорская лодка заворачивала, сколь медовушки у баушки он выпил? И раз и другой ему обкашывал, а у него одно: примем меры! А когда? Они ведь по-хорошему как должны? Срубил лес, а после тут же раскорчуй площадку и засади новым. А они, ишь ты, нашли выход — за счет покосов наших прокатываться. На чистом, на кошенине, посадят, а галочку себе — стол и стол, мол, лесных угодий восстановлено...

— Савелий-то попервах жалел, оставлял сосенки. Это сколь труда, считай, каждую обкашывать.

— А другие-то все одно режут. Вот тебе наши, монашенские, покосы: я, да Парфен Зайков, да десять делян кержачьих. Двенадцать человек. Одну двенадцатую спасал, по арифметике так выходит...

Много ли? Да и потом хорошо спасать, если у людей совесть, а этим тот ты в глаза плюй. Восьмой год мужики наши эти сосенки режут, а они все садят и садят. — Дед разгорячился, снял очки, выпрямился и крупную свою руку с толстыми и длинными пальцами все двигал по столу — то словно что-то перед Котельниковым раскладывал, а то разом вдруг подгребал к себе. — Посчитай, на сколь же это они за все время обманули государство? Сколь, выходит, за восемь лет по своим бумажкам засадили? Ты веришь, Андреич, я уже в этом году чуть в драку не кинулся, когда они опять на кошенину со своими саженцами...

— Это-те хорошо что я его увела, — опять включилась Марья Даниловна. — А то еще как этих... восстановителей побил бы... первый раз ему, Савелию, что ли? Не такую толпу бивал...

— Ты, баушка, скажешь... Андреич подумает — правда.

— Однако в каком это году? Когда он кучу малу под обрыв спихнул. Тут тогда еще участок был на Монашке, людно... Это сейчас мы крайние, а тогда и контора около нас и клуб — на бою жили. Вот и задралась около клуба. В праздники. Человек, однако, двенадцать, кабы не больше. Да еще ладно было парнишата, а то мужчины взрослые. Это-те чуть подальше отсюда, где теперь наша банька... Савелий им раз крикнул и два, а они не слышат, так увлеклись. А он тогда ворота из листенки с петель снял да как ударил по ним по всем, так они под обрыв и посыпались. Это в ноябре, однако, в самом начале, ледок тогда еще не толстый, раз они его проломали...

Котельников, поглядывая на деда, улыбался, а тот смотрел на него, готовый руками развести: а ничего, мол, не поделаешь, было!

И опять слышались медленные голоса, кружилось неслышно веретено, изредка шлепали в таз тугие капли из рукомойника, ровно тикали ходики, помаргивала иногда лампа, из-под полушубка, накинутаго на низкую и широкую дежку, кислового пахло опарою, сытно несло из кухни бродившей медовушкой, пареною калиной, вяленой рыбою, и теплый душок подсыхающей на печке обуви словно дополнял все эти мирные запахи уютного осенним вечером тихого жилья.

Котельников давно уже закрыл тетрадку и отложил ручку, прихлебывая настоящий на душице да на лесной мяте бабушкин чай, легонько пошевеливал под столом ногою, о которую терлась и терлась кошка, — и кто только «не перебивал» в избе, пока они так сидели втроем: и лесорубы, и кержаки, и геологи, и солдаты с прошлой войны, и городское, приживавшее на рыбалку начальство, и старые купцы, утопившие на здешних порогах набитый золотом карбас, и вербованные, и знаменитые на всю округу браконьеры... Каждый был со своим характером, со своею загадкой, с правдою своею или своею неправдою, с радостью, с кручиной, с добром — Котельникову отчего-то любопытно было обо всех слушать, будто всякий из них, знакомый и незнакомый, живой или давно умерший, был участником какой-то общей и для них для всех, и для самого Котельникова истории, тайну и значение которой еще предстояло ему открыть...

До этого десять лет он знал стройку и только стройку, в ней, настырно вырастающей посреди разверстых котлованов, грохочущей металлом, пронизанной машинным лязгом и грубыми человеческими окриками, в ней, пропахшей выхлопами дизелей, долгие ночи напролет озаряемой марсианскими вспышками электросварки, он видел главное содержание жизни, ради нее он торопил время и, казалось ему раньше, иногда обгонял его, и после ни разу на отлетевший день не оглядывался — попробуй кто-либо скажи ему всего лишь полгода назад, что самая малая капля из того, что давно ушло, — это всего лишь часть всегда сущего.

Только сейчас он стал понимать, что и в ясные часы тихих вечерних закатов, и под шум бескрайнего ветра в полдень, и хмурыми беззвездными ночами — во всякий миг неслышно реют над ныне живущим миром тени былого, и для того, чтобы им опуститься с высоты, надо так мало и так много: чтобы хоть кто-то единственный на земле о них вспомнил.

До этого Котельников любил размышлять исключительно о будущем, любил эти захватывающие дух прогнозы и яростные вокруг них споры, и лишь недавно, когда его впервые так неудержимо потянуло к этим крошечным, затерянным среди бескрайних просторов деревенькам, потянуло к вольной тайге, он вдруг понял, как это необходимо человеку — хоть ненадолго припасть к обыкновенной, еще не взятой в асфальт, теплой земле. Мы ее, подумал он, не жалеем, но, случись что, к ней потом, неразумно обижаемой нами, припадаем, принимаем, как малое дитя к подолу матери, и у мудрого, векового спокойствия ее просим защиты и набираем силы...

БЛИЗНЕЦЫ

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯХ КОЗЕРОГОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

На южном склоне одного из отщелков Каракольской щели густо разрослась арча. Побег этого среднеазиатского можжевельника, стелющийся почти по самой земле, поднимались большими кустами. Между ними образовались маленькие красивые лужайки.

Обычный здесь ветерок не шевелит сегодня стебли трав. Все замерло. Только тоненькая струйка воды, прорезавшая узкий желобок в грунте отщелка, бесшумно струится по склону.

Вдруг что-то зацокало в кустах. Еле заметно зашевелились сухие прошлогодние листья арчи, узкие, как иголки. На самые верхние, уже осыпавшиеся ветки кустов вспорхнули две крошечные серенькие птички с оранжевыми головками. Тревожно прощелбетав, они тут же улетели к соседней скале, обгоняя друг друга в стремительно-неровном полете.

Послышался треск сломанной сухой веточки, и из-за кустов показался козленок, неуверенно перебиравший своими маленькими пушистыми ножками. Это был первый день его жизни, и козленок еще совсем ничего не понимал.

Расставив дрожжачие ноги, он бессмысленно озирался по сторонам черными, как угольки, глазами.

Из куста послышалось тихое короткое бляение. Это мать, боявшаяся громким криком привлечь внимание хищников, звала своего первенца.

У нее только что родился второй козленок, и она была занята им.

Первенец повернулся на зов матери и уже хотел идти к ней, когда перед самым его носом пролетела большая пестрая бабочка. Она уселась на стебелек кислички, и невзрачное растение сразу же превратилось в цветок. Мальшка вытянул свою тоненькую шейку и хотел было понюхать этот красивый, свалившийся откуда-то лепесток, но бабочка, взмахнув крыльями, перелетела на соседний куст. Козленку тоже захотелось летать. Устремившись за бабочкой, он прыгнул раз, другой и, не удержавшись на своих слабых ножках, растянулся на траве. Мальшка хотел заплакать, но его внимание отвлекло медленно проплывавшее черное облако. Не зная, что это тень от пролетающего орла, Мальшка заворожено следил за ней, и если бы не мать, вовремя подоспевшая к своему старшему сыну, сильный беркут унес бы козленка на обед своим орлятам.

Заметив пернатого врага козорогов, похищающего новорожденных детенышей, коза не спускала с беркута глаз. Ей не хотелось оставлять меньшего сына, она надеялась, что хищник пролетит, не заметив вышедшего из кустов Мальшки. Но хоть и высоко летел хищник, от орлиного взора ничего не укрылось.

Сделав крутой поворот, беркут сложил крылья и камнем полетел вниз, как раз на то место, где стоял козленок.

Толкнув младшего сына поглубже в кусты, куда хищник не мог залететь, мать одним прыжком перескочила через арчу, и когда орел уже разжал свои сильные пальцы с острыми, длинными когтями, чтобы схватить козленка, она закрыла Мальшку своим телом, подставив беркуту рога. Ловкий хищник вмиг расправил свои крылья и, вильнув в сторону, медленно замахал ими, набирая высоту.

Почувствовав запоздалый страх, козленок прижался к ногам матери. Но испуг его длился недолго, тут же его мордочка потянулась к соскам козы, и он, захлебываясь, стал сосать молоко. И кто знает, сколько бы времени он сосал, если бы тоненький голосок младшего брата не отвлек его от этого занятия. Услышав плач, точь-в-точь такой же, каким он плакал сам, козленок страшно удивился и, оторвавшись от молока, стал осматриваться.

В кустах, куда направлялась мать, он увидел маленького козленка, очень похожего на него, но настолько слабого, что он не мог даже справиться с тонкими прутками, мешавшими ему выйти на полянку. Наконец, он все-таки выбрался из кустов. Ковыляя на слабеньких ножках, подошел к козе и, тыкаясь своей мордашкой в ноги и живот матери, долго искал вымя.

Обидно было старшему козленку смотреть, как младший, чмокая губами, на которых уже появилась молочная пена, высасывал и глотал молоко. Подскочив к матери, он оттолкнул брата и, вилая хвостом, торопясь и захлебываясь, стал пить сам. И сколько ни пытался младший снова добраться до сладкого вымени, оттолкнуть Мальшку ему так и не удалось.

ВОДОПОЙ

Рассвет чуть забрезжил. У людей в это время самый сладкий и крепкий сон. Но козороги ведут другой образ жизни. Они не любят долго спать, и стоит небу слегка посветлеть, как эти животные, оставляя свои ночевки, спускаются к горным рекам на водопой. Они пьют воду до восхода солнца, а до наступления жары успевают наесться зеленой сочной травы и уходят снова в скалы, где в прохладной тени проводят жаркую часть дня.

Кусты арчи, в которых ночевала самка с двумя новорожденными козлятами, зашевелились. Сначала на поляне показалась коза, а вслед за ней, потягиваясь, вышли близнецы. Медленными шагами семейство направилось к ручью. Снег ночью не таял, и воды в ручье не оказалось. Теперь козорогам надо было спускаться на дно ущелья, где в большой реке вода была постоянно. Этот путь проходил по открытой местности, где каждый движущийся предмет виден любому хищнику, рыскающему в поисках добычи.

Опасаясь встречи с беркутом, волком или охотником, коза осторожно вела близнецов. Козлята же еще не знали, что такое опасность, и первое путешествие

им начинало нравиться. Столько интересного встречали они на своем пути! Остановившись возле какого-нибудь большого камня или сурчиной норы, они рассматривали их, обнюхивали со всех сторон, потом, спохватившись, что мать ушла уже далеко, догоняли ее, стараясь перепрыгнуть через кусты и небольшие ямки.

Уже совсем рассвело, и чем ближе к реке спускалась семья, тем чаще останавливалась мать. Остановки ее делались все более продолжительными, и она уже не щипала, как в начале пути, зеленую траву, а нервно поглядывала по сторонам, раздувая ноздри и шевеля ушами. Козлята проголодались и каждую остановку использовали, чтобы пососать немного молока.

Так они дошли до самой воды. Козлята вначале испугались шума реки, а потом осторожно подошли к воде и один за другим сунули в нее свои мордочки. Но вода не понравилась им.

Вдруг коза увидела в отражении воды пролетающего пернатого хищника и, не успев сообразить, как велика опасность, приготовилась защищать детей. Однако на этот раз страхи ее были напрасны, и она сразу же успокоилась, как только разглядела, что в воздухе парит гриф.

Эта очень большая и страшная на вид птица не похищает козлят, а питается только падалью. Цельными днями летают грифы, зорко осматривая каждый камешек, каждую лошину, и никогда их острые глаза не пропустят трупа разбившегося козерога или погибшего маленького сурка.

Напившись, мать заторопила своих близнецов обратно в кусты, где было спокойнее. Младший сын был еще очень слаб, два-три дня его надо укрывать в надежном убежище, подальше от многочисленных врагов.

Вот и арча. Почувствовав полную безопасность, коза остановилась, осмотрелась кругом и глубоко втянула в себя воздух. Здесь было спокойно и тихо. Склонив голову к земле, мать принялась щипать сочную траву, не обращая внимания на возню сосавших ее козлят. Только раз встрепенулась она, услышав шум, долетевший из-за ближайшего перевальчика. Козлята тоже повернулись, подняв маленькие уши, и в страхе застыли.

Но вот снова все затихло. Видно, отломился по трещине от скалы и полетел вниз какой-нибудь давно шатавшийся камень.

Успокоившись, коза вновь принялась за траву, а близнецы, утомленные утренней прогулкой и успешнее уже несколько раз пососав молоко, прячась от палящего солнца, залезли под куст и улеглись там на мягкой траве.

ВЫСТРЕЛ

В горах часто падают камни, отрываясь от скал. Но сегодня обвал произошел не случайно: это известный в Киргизии зверолов по имени Кулбай, отлавливающий диких животных для зоопарков страны, осторожно пробираясь к лежке козорогов, задел камень, с шумом покотившийся под уклон.

Кулбай рано выехал из своей юрты. По пути к верховьям Караколки охотник осматривал встречающиеся ему отщелки и в то время, когда мать с близнецами поднималась от водопоя, увидел их.

Охотничьи навыки зверолова помогли ему точно определить, куда самка ведет своих детенышей.

Оставив лошадь в укромном месте, он обошел отщелок с подветренной стороны, поднялся к самым верхним камням перевальчика и, сняв шапку, осторожно выглянул. Его старые, но все еще острые глаза замечали в горах то, чего часто не видели даже молодые охотники.

«Кажется, сегодня будет удача. Только поближе бы подойти к кустам», — подумал про себя Кулбай и, сделав несколько шагов назад, пошел косогором к скалистой трещине, спускающейся седловиной отщелка почти к самой арче. Бесшумно ступая мягкими чокоями, сделанными из толстой бычьей кожи, подошел он к седловине отщелка, снял перекинутые через плечо ружье и бинокль и, положив их на землю, стащил с себя старую, уже порядком засаленную меховую куртку. Так было легче и удобнее продолжать путь.

Взяв в одну руку ружье, зверолов, крадучись, без единого шороха, спустился по трещине. До кустов оставалось не более восьмидесяти метров, но трещина кончилась, и дальше ему уже негде было укрыться.

Потишывая траву, самка подошла к самому краю кустарника. Стоило бы охотнику сделать хоть один шаг по открытой местности, как он сейчас же был бы замечен. Опытный зверолов знал это. Но он не волновался. Примостившись за последним выступом каменной трещины, он отдохнул немного, а потом, выждав момент, когда самка повернулась головой к арче, выскочил и побежал к козорогам.

Самка вздрогнула. Издав сильный шипящий свист, длинным прыжком бросилась она через кусты к заматавшимся козлятам и, подталкивая их своим носом, дальним косогором быстро повела в гору.

Кулбай закричал, но коза не оставила своих детей. Она бежала последней, беспрерывно толкая младшего сына. Охотник остановился, вскинул ружье и выстрелил.

Громким эхом разнесся выстрел в горах. Пуля попала в камень у самых ног самки. Она вздрогнула, метнулась в сторону и быстро побежала в гору, оставляя своих детей. Пробежав мимо старшего козленка, мать фыркнула, и Мальшка что было сил побежал за ней. Младший же прыгнул раза два за убегающей самкой, затем лег, вытянув свою шейку, и замер. Дальше он бежать не мог.

Зверолов все это видел. Он мог бы заставить и второго козленка лечь, но для этого обязательно нужно было убить козу, а Кулбай любил зверей. Любил, как

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

может любить их только настоящий охотник, строго охраняющий животных в пору материнства. Он остановился, махнул рукой и тихо сказал: «Иди, иди, милая, не стану убивать тебя. Веди своего старшего сына — этого ты, пожалуй, сумеешь сохранить. А младшего возьму я. Все равно ты потеряла бы его, одной матери в горах трудно вырастить двух детей».

НОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Как безумные, мчались все дальше и дальше коза и Малышка. Уже давно остался позади перевальчик, на косогоре которого козленок услышал первый ружейный выстрел, а они все бежали. Сердце у Малышки готово было выскочить из груди. Оно билось мелкой отрывистой дрожью, отдаваясь болью в висках, но козленок не смел останавливаться. Страх гнал его вперед, заставляя напрягать последние силы, и только когда мать вывела своего сына на вершину следующего отщелка, они остановились.

Не успев еще как следует отдышаться, Малышка обошел вокруг матери, осмотрелся, а потом протяжно закричал: он искал брата. Не мог Малышка видеть через толщу двух перевалов, как в этот самый момент зверолов осторожно взял козленка на руки, положил в мешок и понес домой.

Коза-мать, прислушиваясь к каждому шороху, медленно повела Малышку туда, где виднелись сплошные белые шапки гор.

На зеленой лужайке, у подножия хребта, они увидели небольшое стадо козерогов. Малышка сперва испугался и, прижимаясь к ногам матери, мешал ей спускаться с горы. Но чем ближе они подходили к козерогам, тем смелее становился козленок. В мирно пасущемся стаде он признал родственных ему животных. Одни лежали в тени и спокойно пережевывали жвачку, другие медленно передвигались с места на место, пощипывая вкусную, сочную траву.

Навстречу козе с козленком вышла старая, бородачатая самка. Она топнула несколько раз, как бы повелевая матери подойти к ней, и фыркнула, строго поглядывая большими выпуклыми глазами. Страшной показалась она козленку. Но мать смело подошла к Бабушке. Они понюхали друг друга, громко стукнулись рогами как бы в знак приветствия и разошлись в разные стороны. Малышка подумал, что злая Бабушка, у которой рога были почти вдвое длиннее, чем у матери, сейчас стукнет и его; он хотел уже заплакать, но в этот момент его кто-то легонько толкнул. Повернувшись, он увидел точь-в-точь такого же козленка, каким был его брат, только немного побольше и потемнее. Не успели козлята как следует познакомиться, как к ним подскочили еще два сосунка. С каждым из них Малышка обнюхался и вместе со своей матерью был принят в стадо.

ДИНЬЧИК

На крутой горной тропе показался всадник. Его лошадь осторожно переступала через большие камни и бревна, усыпавшие тропу.

Опустив поводья на переднюю луку киргизского седла, всадник внимательно осматривал склоны гор.левой рукой он прижимал к груди мешок, из которого выглядывала мордочка дикого козленка. Это возвращался с удачной охоты Кулбай.

Выехав на более наезженную тропу, расчищенную от камней и поваленных сосен, он спрятал в футляр бинокль и подобрал поводья. Его конь, предчувствуя скорый отдых, прибавил шаг.

Кулбай подъехал к своей юрте, спешился и, спутав коня, не расседывая, отпустил его гулять.

Не успела еще закрыться войлочная дверь за вошедшим в юрту охотником, как послышался радостный крик ребят: «Отец приехал, козленка привез!» Дети окружили перепуганного козленка, с нетерпением ожидая, когда отец освободит его.

— Какой хорошенький! Маленький! А какой он светлый! — наперебой кричали ребята, а младший сын Кулбая Рыспек все тянулся пухлой ручонкой к козленку, пытаясь его погладить. Козленок жалобно заблеял. Восьмилетняя Зейнаб налила полную пиалу молока и поднесла ее козленку: «Бедненький, ты, наверное, проголодался, пей, маленький, пей».

Но козленок не умел пить из пиалы. Чувствуя запах молока, он вертелся на одном месте и тоненьким голоском кричал. Два раза выбивал он пиалу из рук маленькой Зейнаб. Ее платье уже все было залито молоком, а козленок еще не выпил ни одного глотка. Тогда на помощь детям и козленку пришла мать Зейнаб, выкормившая не одного теленка. Опустив в пиалу полусогнутый указательный палец левой руки, она поднесла его ко рту козленка. Он ухватился за палец и, причмокивая, стал сосать. Женщина потихоньку опустила палец в пиалу, и потянувшийся за ним козленок выпил все молоко.

Вскоре козленок окреп, и его отправили в город Пржевальск на зообазу. Заботливая тетя Катя, жена охотоведа, полюбила маленького сиротку и прощала ему все его шалости, до которых козленок был большой охотник. А чтобы знать, где находится проказник и что он еще собирается натворить, тетя Катя повесила ему на шею маленький колокольчик, который издавал мягкий и протяжный звук «динь-динь». С тех пор и стали козленка называть Диньчик.

И не только кличку свою знал козленок, но даже по интонации голоса хорошо разбирался, ругают ли его за разбитую посуду или хотят приласкать и дать что-нибудь вкусное.

КАПКАН

В большом стаде козорогов козленок чувствовал себя хорошо. Он подружился с новыми товарищами и в постоянных играх с ними очень скоро забыл о своем братце. Да и где ему было помнить о нем, когда с самого раннего утра до позднего вечера он был занят: подражая взрослым животным, козлята то учились срыгивать разные стебельки, то, отстав от уходящего стада, всей гурьбой пускались вдогонку, стараясь перегнать друг друга, то, убегая от матерей, как по команде, поворачивались и стремглав летели обратно, не пропуская на пути ни одного препятствия, через которое можно было бы прыгнуть.

Но больше всего Малышка любил бодаться с сыном Бабушки. Разойдясь в стороны, они становились на задние ноги, подогнув в коленях передние, ковыляя, как на ходулях, подходили друг к другу, стучались безрогими лбами и тотчас разбегались в разные стороны. В общем, козленок не вспоминал о брате. Но мать не сразу забыла его. Вначале она отзывалась на плач почти каждого козленка, подбегала к нему, обнюхивала и медленно отходила в сторону. В такие минуты она забывала даже про Малышку, увлеченного каким-нибудь интересным лепестком или игрой с товарищами. Проголодавшись, он, попискивая, бежал искать ее. Часто Малышка попадал под чужую козу и, получив от нее тумака, орал уже сильнее, продолжая разыскивать мать.

Она тут же подбегала к сыну. Оставаясь все дольше и дольше с Малышкой, она сосредоточила на нем всю свою любовь и заботы, постепенно забывая о младшем сыне.

Вскоре маленький Динчик совсем ушел из жизни брата и матери.

Поливаемые частыми дождями, горные травы хорошо росли. Теперь козороги почти всюду находили вкусный корм. Но молодая трава в горах содержит мало солей, и травоядным животным приходится разыскивать солончаки. В некоторых местах Тянь-Шаня есть целые горы каменной соли, а в Каракольской щели только у одной невысокой скалы имеется узкий пласт соли. И каждую весну козороги со всей округи приходят сюда. Звероловы знают это и на подходах к соленому пласту ставят свои капканы, замаскировав их в ямах, вырытых прямо на тропе.

В один весенний день, когда козороги потеряли аппетит и даже не притрагивались к сочным травам, старая самка повела свое стадо к солончакам.

Козленок видел, с какой жадностью взрослые козороги лизали и даже старались грызть твердую, как камень, серую землю. Он долго обнюхивал ее, прежде чем решился лизнуть. Какой же вкусной оказалась ему соль! Он, кажется, смог бы съесть всю эту горку, и когда к нему подошел сын Бабушки и тоже хотел попробовать, Малышка оттолкнул друга, не желая делиться с ним лакомством.

Дрались из-за соли и взрослые козороги. Рядом с Бабушкой лизала скалу двухлетняя самка, у которой еще не было козленка, и когда их головы потянулись в одно место, Бабушка пустила в ход свои рога. Молодая самка немного отступила, но тут же снова потянулась к блестящей скале. Обозленная Бабушка ударила надоедливую козу, и та, уступая власти и силе, побежала вдоль скалы искать никем еще не занятый подступ к соли.

Но козочке так и не пришлось полакомиться. Не успела она пройти и десяти шагов по тропе, как ее правая нога провалилась в замаскированную небольшую ямку и сбила сторожок капкана. Стальные дуги, обмотанные мягким войлоком, с шумом сомкнулись на ноге козочки, увлекая за собою ременную петлю. Издав тревожный свист, испуганная коза рванулась в сторону и тут же упала, крепко схваченная затянувшейся петлей.

Почти одновременно свистнула Бабушка, и все стадо, оставляя бьющуюся на тропе козу, моментально исчезло.

БАРС

Прошло двадцать дней. За это время Бабушкино стадо еще увеличилось. Вначале старая коза приняла самку с детенышем, а через некоторое время пришли еще три козы: у одной козленка похитил беркут, а у других детей поймали охотники.

Умудренная долголетним опытом, Бабушка каждую весну собирала старых коз и молодняк и до самой осени водила их по горам, выбирая лучшие пастбища.

Наступило жаркое лето. В ясные, солнечные дни полдень становился таким знойным, что в защищенных от ветра складках гор, давно освободившихся от снега, нечем было дышать.

В один из таких дней стадо возвращалось с пастбища. Козороги поднимались вверх, к вершинам снежных гор, к ледникам. Там в тени, в глубоких каменистых расщелинах они могли лежать весь день.

Впереди шла Бабушка. За ней не спеша следовали остальные козороги. Жара разморила животных, и они вяло перебирали ногами, стараясь не делать ни одного лишнего движения. Даже козлята, и те перестали прыгать и плелись сзади своих матерей.

Но не все животные в этот полуденный зной мечтали о прохладе и отдыхе. Из-за хребта небольшой скалы показалась большая серая голова с короткими прижатыми ушами. Это снежный барс подкарауливал стадо козорогов.

Низко приседая на своих коротких лапах, ловко и совершенно бесшумно двигался он вдоль хребта, прячась от козорогов и не упуская их из вида. Ни в одном движении его не было и намека на поспешность. Он осторожно пробирался вверх по склону, и только черный кончик хвоста, как маятник, покачивался из стороны в сторону при каждом его шаге. Даже длинные прыжки с одного камня на другой он делал без всякого напряжения.

Барс сильнее козорогов, но дикие козы быстрее его. Поэтому догнать их, да еще с далекого расстояния, он не мог. Он должен действовать наверняка. И барс продолжал незаметно следовать за стадом. Почти у самого верховья щели он увидел два больших камня, между которыми проходила козорожья тропа. Один из этих камней хищник и выбрал местом засады. Скрываясь за уступами скал, он быстро побежал вперед, мягко вспрыгнул на камень и распластался на нем. Казалось, он сросся с камнем, превратился в изваяние, высеченное умелой рукой художника. Немигающими глазами следил зверь, похожий на огромную кошку с желто-серыми пятнами на шкуре, за приближающимся стадом.

Ветер дул с лощины. Опытный «охотник» понимал: если ветер хотя бы чуть-чуть подует в сторону козорогов, старая коза сейчас же почует его специфический запах. А почувствовав опасность, она тотчас уведет стадо в неприступные скалы и лишит барса лакомого блюда.

Но ветер не выдал разбойника. Ни разу не подул он в сторону животных. Не замечая грозившей им опасности, они приближались к камням.

Впереди стада все так же шла Бабушка. Не доходя несколько метров до засады, она остановилась и, повернув в сторону, еле заметной тропой, по которой,

видно, давно уже не ходили козлы, пошла в обход камней. Она еще не чувствовала присутствия хищника, но врожденный и выработанный с годами инстинкт осторожности дружил ее к тому, чтобы обходить опасные места.

Пятым от вожатой шел двухлетний козел. Окончательно разморенный жарой, он не захотел свернуть с основной тропы и, чтобы не делать лишних движений, пошел прямо между камней, увлекая за собой самку с Малышкой и остальных козорогов.

Сделав несколько шагов, козел поравнялся с предательским камнем. В тот же миг распрямилась сжатая пружина—барс оттолкнулся от камня и бросился вниз. Распластавшись в воздухе, он далеко вытянул передние лапы и одной из них сбил с ног упрямого козла.

Животное с отчаянным воплем рухнуло на землю. Предсмертный крик его был недолог, из горла, сдавленного пастью хищника, вырвался только предсмертный хрип.

Стадо же, в диком испуге разметавшееся в разные стороны, стремительно понеслось в горы. Долго бежали козороги, не останавливаясь ни на секунду. Местами путь их пролегал по заснеженным горным валунам. Козлята почти по шею тонули в снегу, но страх гнал их все дальше, не позволяя хоть немного отдышаться.

Наконец Бабушка остановилась. Окружавшее ее стадо долго смотрело вниз, где так неожиданно погиб их собрат, растерзанный барсом, и как бы прощалось с ним.

ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛ

Козороги—высокогорные животные. Они обычно придерживаются постоянных мест обитания, совершая лишь небольшие сезонные перемещения. Даже напуганное выстрелами охотников, стадо возвращается на свое место через несколько дней. Но с появлением кровожадного хищника в верховьях Каракольской щели козороги вынуждены были оставить эти насиженные места, где они проводили большую часть суток, укрываясь от жары и преследования. Они знали: лютый зверь, который появился в этих местах, будет преследовать их до тех пор, пока козороги не уйдут.

Но куда уходить? Спускаться ниже нельзя: там жарко. К тому же в низинах часто появляются охотники и волки. Нужно идти через перевал на сырты—высокогорные летние пастбища. Туда и устремилась Бабушка со своим стадом.

Долго шли козороги, поднимаясь все выше и выше. Здесь уже не было никаких троп, указывающих дальнейший путь, но Бабушка находила дорогу, используя каждую трещинку, каждый выступ, где можно стать или оттолкнуться острым копытцем. Показывая дорогу, она уверенно уведила стадо все дальше и дальше, проводя его по гребням острых заснеженных скал.

Не понимал Малышка, зачем Бабушка уводит его так далеко от вкусной травы и больших зеленых лужаек, где привольно резвились козлята. И почему все взрослые козы тоже идут, не останавливаясь. Он устал и хотел есть, но мать за все это время только один раз покормила его. Она, как и другие самки, торопилась вперед, стараясь не терять времени на остановки даже для того, чтобы покормить своего козленка.

Впереди лежал еще долгий и тяжелый путь.

К вечеру все небо заволочило черными, свинцовыми тучами. Полетели крупные пушинки снега. Вначале он шел редко и, подхватываемый ветром, улетал в сторону, но не прошло и получаса, как снег закрыл все сплошной пеленой.

Наконец стадо выбралось на перевал. Здесь не только козлята, но даже взрослые козороги едва удерживались на ногах от разбушевавшегося ветра. Сильная струя воздуха, рассекаемая острыми вершинами скал, издавала тысячи протяжных звуков, сливавшихся в грозный рокот.

Измученные тяжелым подъемом, животные не могли продолжать дальнейший путь без остановки. Укрывшись за камни и выступы скал, они сделали короткую передышку. Прижавшись с подветренной стороны к матери, Малышка трясся от страха и холода. Он даже забыл о своем голоде и не воспользовался останковкой, чтобы пососать теплое молоко.

Вскоре отдых козорогов был прерван знакомыми звуками «фурр, фурр». Это фыркала Бабушка, призывая стадо в дорогу. Она первой стала спускаться по склону, а за ней цепочкой потянулись остальные животные.

Быстро надвигались сумерки. Однако останавливаться на ночлег Бабушка, по-видимому, не думала. Перепрыгивая с камня на камень, она упорно вела козорогов дальше. Уже совсем стемнело, а стадо все продолжало свой путь. Только поздней ночью добрались козороги до каких-то отвесных скал, у подножия которых были небольшие пещеры. Здесь стадо переночевало, а на рассвете следующего дня козлята впервые увидели много зеленых лужаек с густо разросшейся низкой травой, называющейся в этих местах типцом.

Горный злак типец—излюбленный корм горных козлов. Это были долгожданные сырты.

ВОЖАК

Три месяца водила Бабушка свое стадо по сыртам. Частые снегопады и холодные ветры заставляли стадо спускаться почти к самым долинам, где в скалах ущелий проводили они ночь, а иногда целые сутки. Но как только кончались снегопады и утихали холодные ветры, Бабушка снова вела козорогов к вершинам. Там было все-таки безопаснее.

Выросли и окрепли за это время козлята. У них появились маленькие острые рожки, и теперь Малышка, будучи проворнее и сильнее других козлят, часто обижал их. Великолепные рога, которые он не раз видел издали у проходящего стада старых самцов, прельщали его своей красотой. Но посмотреть их поближе ему до сих пор не удавалось, потому что летом самцы не выходят к долинам и не смешиваются со стадами самок. Взрослые самцы ранней весной отделяются от самок и до глубокой осени ходят отдельно. Среди них не бывает маленьких козлят, которые хуже переносят холод, не могут долго оставаться без пищи и не умеют хорошо лазить по скалам. Не связанные присутствием молодежи, стада взрослых самцов держатся в самых неприступных местах скалистых гор Тянь-Шаня, почти у ледников, где царят вечная прохлада и покой. Только долгие снежные бураны иногда заставляют их спускаться в среднюю полосу гор.

Лишь поздней осенью, когда козлята уже не нуждаются в материнском молоке, а у взрослых коз наступает пора любви, стада самцов рассыпаются, по одиночке они идут к самкам, принимая на себя заботы о стаде. Иногда козлы приходят небольшими группами, тогда сильнейший из них становится вожаком.

Как-то раз ранним октябрьским утром Бабушка, собирающаяся вести стадо на водопой, услышала какой-то шум, доносившийся из-за скалы, у которой стадо

провело эту ночь. Она насторожилась. Навострив уши, слушали шум и другие козы. Даже Малышка, задрал голову, уставился немигающими глазами на вершину скалы. Теперь и его слух улавливал ритмичный звук чьих-то шагов. Он не отрывал глаз от макушки скалы и готов был каждую секунду умчаться от надвигающейся беды.

Однако Бабушка и другие козы стояли на месте, глубоко втягивая ноздрями воздух. Ветер дул со скалы, и по еле доносившемуся запаху они почувствовали, что приближающийся не может быть их врагом.

Вскоре показалась голова козла, а вслед за ней и сам козерог. Могучие рога с кольцеобразными утолщениями почти касались спины, а глаза светились ярко-зелеными самоцветами. Это был крупный самец с длинной бородой.

Остановившись на краю скалы, он внимательно осмотрел стадо и, быстро спустившись, уверенно подошел к нему. Самец обнюхался с Бабушкой, затем с другими козами, и ни одна из них не осмелилась стукнуть его рогами.

С появлением в стаде большого, старого козла Бабушка перестала быть вожатой. Она охотно уступила свое место Рогалю, лучше ее знающему суровую жизнь гор.

Первое время Малышка очень боялась старого козла. Грозный вид самца пугал его, но он заметил, что вожак своими красивыми рогами унимал только двух-трехлетних самцов, разошедшихся в игре и надоедавших ему. Самок же и маленьких козлят он никогда не бил, в то время как от Бабушки доставалось всем подряд. Малышка сделала смелее. Он перестал прятаться за мать при виде Рогалья. А однажды даже поднул подставленные бородачом рога, на что тот даже не обиделся. Со временем Малышка очень привязался к вожаку и даже полюбил его.

ВОЛКИ

В середине октября на сырцах подул холодный северный ветер и разыгралась настоящая метель. Снег выпал даже кое-где в долинах, покрыв их белым покрывалом. А в горах намело такие сугробы, что нечего было и думать о скором освобождении горных пастбищ от снега.

Вожак все это учел и увел свое стадо в самые низменные ущелья, которые выходили в долину Ингтык. Она рассекалась скалистыми щелями, в каждой из которых протекала небольшая речушка, и эти щели представляли собой удобные обиталища для козерогов. Правда, в этих местах много волков, можно тут встретить и барса и охотника. Рогаль знал об этом и еще тщательнее оберегал свое стадо.

Вот и теперь, когда вся его большая семья, разойдясь по равнине, спокойно паслась, он лежал на большом камне и поглядывал по сторонам.

Не отрываясь от вкусной травы, мать с Малышкой все дальше и дальше отходили от стада, не подозревая, что в конце равнины их ждет опасность.

Два матерых голодных волка уже несколько дней бродили по увалам хребта в поисках пищи. Выследив стадо Рогалья, мирно пасущееся на пастбище, они незаметно, с подветренной стороны подошли к нему. Один из них залег в засаде, а другой — более ловкий и сильный — побежал в обход, стараясь подойти поближе к пастбищу. Пробравшись косогором между камней, он уже подобрался к самому краю равнины, но тут заметил лежавшего на камне Рогалья, зорко смотревшего по сторонам. Козел лежал мордой к волку, и хищник, затаив дыхание, выжидал момент, когда тот отвернется и даст возможность неожиданно выскочить на поляну.

Вдруг вожак вскочил на ноги!

Косой ветерок, неожиданно вырвавшийся из ложины, перед которой лежал волк, пахнул и тут же замер. Но старому козлу и этого было достаточно. Почувствовав присутствие хищника, он издал резкий шипящий свист и, прыгая с камня на камень, повел стадо в неприступные скалы.

Волк мгновенно выскочил на лужайку и большими прыжками, стелясь по земле, бросился за убегающими козерогами.

Увидев волка, преследующего стадо, мать и Малышка метнулись в противоположную сторону, как раз туда, где лежал в засаде еще один хищник.

За несколько десятков шагов от засады самка увидела волчью голову с настороженными ушами.

Отчаянным прыжком коза метнулась в сторону и помчалась в самый дальний край равнины, кончавшейся скалистой щелью с почти отвесными стенами. Волк выскочил из засады и большими, легкими скачками стал преследовать свою добычу.

Теперь жизнь козерогов зависела от их ног. Малышка чувствовал это и напряг все силы, чтобы не отстать от матери. Перепуганный насмерть, он словно летел по воздуху, едва касаясь копытами поверхности земли. Но прыжки его с каждым разом становились все короче, и он стал заметно отставать от матери.

А волк с каждым прыжком приближался к Малышке.

Чувство материнства взяло верх над страхом, и, умерив ход, коза пропустила сына вперед, прикрывая его собой. Она уже слышала дыхание волка, но была готова ценой своей жизни защищать детеныша.

Вот и обрыв. Не раздумывая, Малышка сделал отчаянный прыжок на противоположную сторону щели и исчез среди камней и кустарников.

Мать же у самого обрыва настиг серый разбойник и, лягнув зубами, ухватил ее за левую ногу. В тот же момент коза резко рванулась вперед, увлекая за собой хищника.

Волк слишком поздно отпустил свою жертву, только над пропастью он разжал пасть и кубарем полетел вниз, где на острых камнях нашел свою смерть.

А коза привычно приземлилась на крутом склоне и, цепляясь копытами за еле заметные выпуклости и шероховатости скалы, спустилась на дно ущелья. Здесь под кустом арчевника она разыскала своего детеныша. Он лежал живой и невредимый, но перепуганный и утомленный погоней.

СЕТНОЙ ЗАГОН

На зеленой лужайке, с трех сторон защищенной небольшими перевалами, у самого ручья стояла серая юрта. Метрах в десяти от нее белели четыре палатки, за которыми лежало несколько пустых деревянных клеток и стояла грузовая машина. На самом конце лужайки находилась выложенная дерном просторная полуземлянка для отловленных животных. Привязанная к столбам сетчатая рама служила ей одновременно и окном и дверью.

Здесь раскинулся лагерь высокогорной охотничьей экспедиции, занимавшейся отловом козерогов для пополнения зоопарков страны.

Солнце уже начало подниматься из-за гор, когда одиннадцать всадников с двумя тайганами — киргизскими борзыми — покинули лагерь. Потоплявая

лошадей, изредка перебрасываясь двумя-тремя словами, они разделились на две группы. Шесть загонщиков свернули налево, крутым косогором поднимаясь в гору, а остальные поехали дальше и очень скоро скрылись в щели Боорол-Баз. Протянувшаяся на семь-восемь километров щель с отвесными стенами, достигающими порой двухсот метров, была лишь изредка расщеплена глубокими, короткими отщелками и извилистыми трещинами. Местами стены щели настолько сближались между собой, что создавалось впечатление, будто они совсем сошлись, не оставляя пути для проезда.

Но вблизи видно было, что река Боорол-Базка, несущая свои воды по самому дну ущелья, не только нашла дорогу для себя, но и для всадников. Там, где между водой и стенами щели не остается места для конского копыта, сама река представляет верховую тропу.

Только горные козлы, используя каждую неровность в отвесных стенах Боорол-База, могут легко спускаться по ним к воде и подниматься на другую сторону ущелья к зеленой и сочной траве. Другим животным, даже крупным хищникам — обитателям скалистых гор Тянь-Шаня, — такие дороги недоступны. Козероги очень часто пользуются ими для того, чтобы уйти от своих преследователей, и стараются придерживаться этих мест. Поэтому и Рогаль, собрав свое стадо после набега волков, повел его к Боорол-Базу.

Охотники-звероловы заметили основные проходы козлов и расставили там сетные заборы. Словно паутина, раскинулись они в узких горных проходах, закрывая козерогам все пути отхода.

Медленно тянулось время. Загонщикам надо было сделать большой крюк и вылезти на высокие скалы для того, чтобы полукольцом охватить весь участок загона. Потом, постепенно сжимая полукруг криками и винтовочными выстрелами, они должны заставить козерогов пойти через Боорол-Баз.

И вот послышались три долгожданных сигнальных выстрела. Многоголосым эхом покатались они по горам. Наступившая вслед за этим тишина сделалась еще ощутимее. В этой напряженной тишине охотники слышали, как бьются их сердца, и не могли оторвать глаз от тех мест, где должны были появиться козероги.

Ожидание становилось все томительнее. Прошло не менее часа, прежде чем со стороны верховых щели раздался отрывистый глухой выстрел. И вслед за ним открылась целая канонада по всему полукольцу. Все учащаясь, стрельба приближалась к засаде.

Затем послышался какой-то шум и еле доносившиеся крики загонщиков. Шум быстро приближался. И вот из-за гребня щели, мелькая между камнями, показались козероги.

Они бежали с такой быстротой, что ловцы, сидевшие в засаде, едва успевали следить за ними.

Впереди — большой Рогаль. Прыгая по уступам камней, он быстро спускался в ущелье. Следом за ним неслось стадо взрослых коз и маленьких козлят. Не добежав метров десяти до сетей, Рогаль остановился. Почти в тот же момент укрывшийся в засаде охотник выстрелил. Пыль, поднятая пулей у задних ног вожака, и услышанный им близкий выстрел не дали козлу возможности разглядеть как следует сети и сообразить, проходимы ли они.

Он сделал два длинных прыжка и, стараясь пробить невиданную им ранее преграду из тонкого парашютного шнура, бросился рогами в сеть. Рогаль ожесточенно тряс головой, продельывая головокружительные прыжки, но сети крепко держали его, а от резких движений он только сильнее запутывался.

Следовавшая за Рогалем самка инстинктивно почувствовала в прозрачном заборе какую-то опасность и побежала вдоль сетей, увлекая за собой козленка и остальное стадо.

Следующий выстрел охотника положил пулю у самого носа козы. Брызги мелких камней от удара свинца преградили ей путь. Она в отчаянии бросилась в сеть и, запутавшись, упала. Оттянувшиеся тенета слетели с поддерживающих их бамбуковых палок и, падая на землю, прикрыли метнувшегося за матерью детеныша.

Остальные козероги повернули в сторону загонщиков и скрылись за гребнем щели.

Как только они ушли, охотник выскочил из своей засады и побежал к сетям.

Боясь, как бы козленок не ушел через крупные ячейки тенет, он начал связывать его первым, а подоспевший товарищ стал освобождать из сетей сильно запутавшуюся самку.

Из-за гребня снова послышались частая стрельба и крики загонщиков. Обезумевшие от страха козлы вновь спустились в Боорол-Баз, и еще несколько козерогов были загнаны в сети с другой стороны сетного забора. Остальное стадо, прорвавшись в брешь, образованную сбитыми тенетами, ушло через щель по склону, где уже не было загонщиков и засад.

Связывая самку, зверолов заметил на руках и одежде кровавые пятна. И как только ноги козы были затянута мягкой тесьмой, а на глаза наложена повязка, он сейчас же принялся осматривать животное. На левой ноге козы он увидел кровоточащую рану, явно нанесенную пастью хищника.

Это была коза-мать, а рядом с ней лежал ее сын Малышка.

В расположение лагеря пойманных козерогов привезли на лошадях, затем перенесли в заранее подготовленную землянку. Там им развязали ноги и сняли с глаз черные повязки.

Невольники заматывались по землянке, но, не найдя выхода, забились в самый темный угол, стараясь спрятаться друг за друга.

Только Рогаль стал впереди. Он выставил могучие рога и, непрерывно фыркая, бил передними копытами землю; как бы предупреждая противника о своей готовности вступить с ним в бой.

Больше всех испугался Малышка. Забравшись в самый угол, он лег на поджатые ноги и трясся от страха. Козы, старавшиеся занять место за вожаком, топтали Малышку, но страх делал его нечувствительным к боли, и он продолжал лежать, бессознательно отворачивая голову от жестких копыт животных.

В первый день козероги даже не притрунулись к корму и воде, принесенным охотниками.

Но уже на второй день они начали есть траву, а мать Малышки даже пила воду.

К концу месяца, когда экспедиция закончила свою работу, Малышка сделался совсем ручным. Он перестал бояться людей, брал из рук охотников яблоки или груши, которыми охотно делились с ним все члены экспедиции.

А взрослые козероги с нетерпением ждали того часа, когда им принесут сухарей, давленого овса и морковки. Теперь козы уже не прятались в угол, как прежде. Всей гурьбой устремлялись они к кормушкам, в которые задавался корм гораздо питательнее и вкуснее, чем типец и другие альпийские травы.

В ноябре всех пойманных животных перевезли в Пржевальск. Там на зообазе Малышку с матерью поместили в вольер, где сидел Диньчик. Они, конечно, не узнали друг друга, но подружились и никогда больше не расставались.

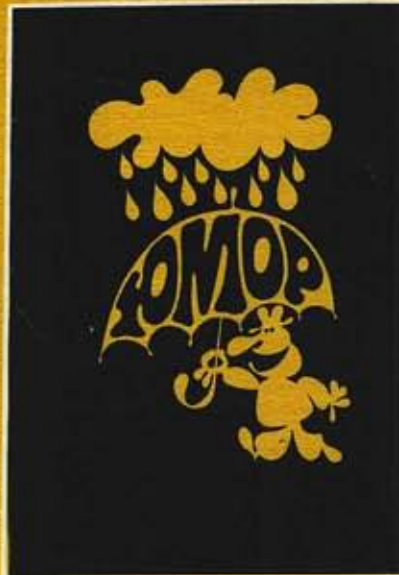

Рисунок
Михаила
ЗЛАТКОВСКОГО

Рисунок Леонида ТИШКОВА

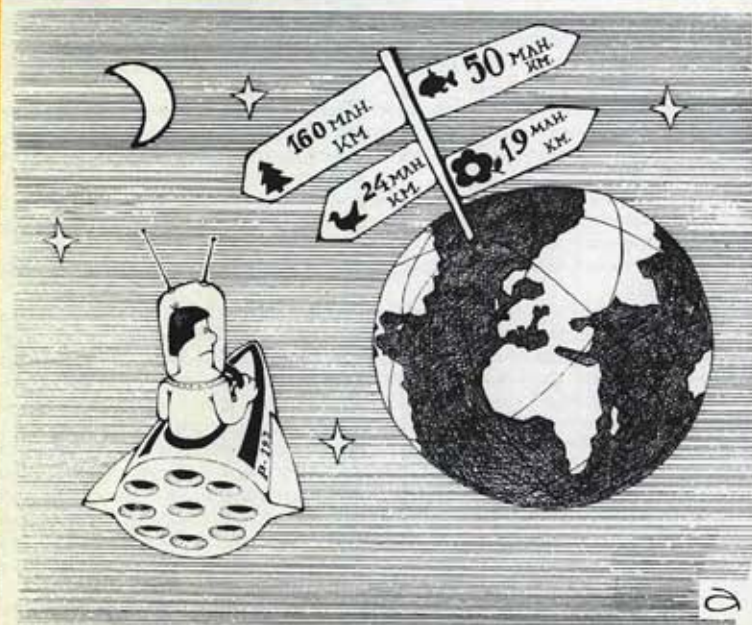

Рисунок Николая АЛЕКСАНДРОВА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ИГРАЮТ ПРЕТЕНДЕНТЫ

Из четырех гроссмейстеров, которые завоевали право участвовать в полуфинальных матчах претендентов на матч с нынешним чемпионом мира Анатолием Карповым, двое — советские шахматисты. Это Борис Спасский, который в четвертьфинале нанес поражение чехословацкому гроссмейстеру Властимилю Горту, и Лев Полугаевский, одержавший верх над молодым бразильцем Энрике Мекингом.

борьбу. Сейчас он кладет на алтарь атаки качество и быстро создает опаснейшие угрозы неприятельскому королю.
36. Лf1:f5! g6:f5 37. Kpg3—f4 Лb8—f8?
Решающая ошибка. Еще упорно сопротивляться черные могли посредством 37. ... Ла7.
38. Сg5—h6 Лf8—g8 39. Kpf4:f5 Лg8—g1 40. Ch6—g5!
В этом безнадежном положении черные просрочили время, отведенное на обдумывание, и им был засчитан проигрыш.

энергично взаимодействуя своими фигурами, они в стремительном темпе наращивают давление.
42. ... Лd8—e8 43. Фе2—d1 Лe8—e3 44. Cd3—c4 d4—d3! 45. Kpg2—h3.
Бразилец пытается наладить оборону путем развязывания своей ладьи на поле «f3». Сделать это по-иному белым не могли: 45. Kpg1 Фе4 46. Л:e3 Фе3+ 47. Kpg2 Фе4+ и т. д.
45. ... Ле3—e4 46. Сс4:d3 Фс6—d7+ 47. f4—f5 Ле4—d4!
Материальное преимущество переходит к черным: слон и конь в эндшпиле значительно мощнее ладьи.
48. Cd3—b5 Лd4:d1 49. Cb5:d7 Лd1:d7 50. Лf3—e3 Kpg8—f8 51. f5:g6 h7:g6 52. Kph3—g2 Ca5—b6 53. Ле3—e2 Kpf8—g7 54. h2—h4 Кс5—e6, и вскоре черные реализовали перевес.

легко обыграла гроссмейстера из Пятигорска Валентину Козловскую).

Фе2—b5 Kpg8—g7 36. Кс8—d6 Ке4—d2 37. Фb5—e8 Лd1:f1+ 38. Kpg1—h2 Лf1:f2+, и ввиду неотвратимого мата белые капитулировали.

Перед вами позиция, которая возникла после 35-го хода черных в третьей партии поединка Спасского (у него были белые) с Гортм.

Ранее экс-чемпион мира рисованной жертвой пешки обострил

Такая ситуация после 42-го хода белых сложилась во второй партии единоборства между Полугаевским и Мекингом. У черных, которыми играл советский гроссмейстер, не хватает качества за пешку. Но, искусно маневрируя и

По примеру мужчин с не меньшим спортивным пылом сражались за женскую шахматную корону мира, которой владеет уже свыше 15 лет Нона Гаприндашвили, участницы четвертьфинальных матчей претенденток. В первых двух закончившихся поединках, где выступал квартет советских шахматисток, в полуфинал вышли Юлия Чибурданидзе из Тбилиси (она победила свою землячку гроссмейстера Нану Александрия) и Елена Фаталибекова (москвичка

К такому положению пришла после 28-го хода Александрия, игравшая белыми вторую партию матча против Чибурданидзе. Майя неожиданным вылетом ферзя обеспечивает проникновение в неприятельский тыл. Атака черных развивается как по нотам.
28. ... Фс7—a5! 29. Ка7:c8 Фа5:e1+ 30. Сg2—f1 Кf6—e4 31. с2—с4 Кd5—с3 32. Ла3—a1.
Следует несложная, но изящная комбинация, в которой переплетаются три темы — перекрытие, связка и отвлечение. Это несомненная творческая удача грузинской школьницы.
32. ... Кс3—e2+!! 33. Фb2:e2 Фе1:a1 34. с4—с5 Лd7—d1 35.

Позиция, отображенная на этой диаграмме, создалась в первой партии матча Фаталибековой (она играла черными) и Козловской. На очереди 17-й ход черных, которые весьма динамично проводят штурм белого короля. Особенно запоминается их эффектный тактический удар на 22-м ходу.
17. ... f5:e4 18. Фс4—b5 Фа5—с3! 19. Ла1—с1 Фс3—e5 20. Фb5—с4 Ке7—d5 21. Лс1—e1 e4:f322. g2:f3 Лf8:f3+!! 23. Kpf2:f3 Ла8—f8+ 24. Kpf3—g2 Кd5:e3+ 25. Ле1:e3 Фе5:e3 26. Фс4—e2 Фе3—g5+ 27. Kpg2—h3 Кс6—d4!, и белые сложили «оружие».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 17/V 1977 г. А 04578. Подписано к печати 7/VI 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1476. Заказ № 640. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Природа не может перечить человеку, если человек не перечит ее законам...

А. И. ГЕРЦЕН

В ряду высоких эстетических наслаждений человека лежит наслаждение природою.

И. Н. КРАМСКОЙ

Природа — это самая лучшая из книг, написанная на особом языке. Этот язык надо изучить.

Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

Любой букварь неполноценен без вводной странички о значении и красе родной природы, леса в том числе; и плох учитель, если не сумел обучить свою паству этой самой действенной и благородной из наук. Терпеливо растолкуйте детям, что лес входит в понятие отечества, что сила патриотизма всегда пропорциональная количеству вложенного в нее личного труда: бродягам и тунеядцам всегда бывало чуждо чувство родины! Сумейте использовать безграничное время и энергию своих юных питомцев, одинаково пригодную для разрушения и созидания, — меньше будет загубленных деревьев, поломанных садов, разоренных гнезд и муравейников, в чем дети нередко видят особое удалство. Есть вещи, непосильные никакому бюджету и ведомству, кроме как всенародному и целеустремленному порыву. Думается, что именно комсомольцу и школьнику, будущим хозяевам преобразуемой земли, полагалось бы возглавить поход за зеленого друга.

Л. М. ЛЕОНОВ

Нельзя допустить, чтобы люди направляли на свое собственное уничтожение те силы природы, которые они сумели открыть и покорить.

Ф. ЖОЛИО-КЮРИ

...надо охранять природу во всех ее видах. Охранять саму землю, почву, растительность, воды и воздух. Охранять прекрасный русский пейзаж — тот пейзаж, что сыграл и играет огромную роль в формировании характера русского народа.

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

В номере использованы фотографии
Ростислава ВОРОНОВА, Владимира МИНКЕВИЧА,
Михаила ОБУХОВА.

